

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

3

2017
Часть VII

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 3 (137) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрашилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хуснидин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 08.02.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Питирим Александрович Сорокин* (1889–1968), русский, а затем американский социолог, культуролог, один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

Питирим Александрович с детства тянулся к знаниям, и они давались ему легко. Однако из-за шаткого материального положения он не смог закончить Психоневрологический институт в Петербурге, и в 1910 году ему удалось поступить на юридический факультет Петербургского университета, который он окончил в 1914 году. Тогда же он издал свой первый труд по социологии «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», а в 1916 году был утвержден в звании приват-доцента кафедры уголовного права.

Параллельно с учебой Питирим Сорокин активно занимался революционной деятельностью в составе партии эсеров, был личным секретарем А. Ф. Керенского, депутатом Учредительного собрания.

В 1906 году сидел в тюрьме в Кинешме, где ознакомился с политическими взглядами Маркса, Энгельса, Бакунина, Кропоткина, Толстого, Плеханова, Чернова, Ленина, Дарвина, Спенсера и других политических деятелей

и ученых. Октябрьскую революцию он осудил и был арестован за подготовку покушения на Ленина. Впрочем, его довольно быстро отпустили. Вновь взялся за руководство антибольшевистским восстанием в районе Великий Устюг — Котлас — Архангельск и снова был арестован. Но отправил Ленину телеграмму с раскаянием и был помилован и привезен под конвоем в Москву. После этого он решил отойти от политики и несколько лет читал лекции в университетах Петербурга, издавал монографии по социологии. В 1920 году опубликовал «Систему социологии», в 1922 году защитил диссертацию. Однако издать книгу «Голод как фактор» ему уже не дали по политическим соображениям. Рукопись уничтожили, а самого Питирима Сорокина выслали из страны.

Он уехал в Германию, преподавал в Праге, затем переехал с семьей в США, в 1930 году принял американское гражданство. В 1931 году стал профессором Гарвардского университета и основал в нем социологический факультет, которым руководил до 1942 года.

Питирима Александровича Сорокина считают основателем русской школы социологии, уголовного права и криминологии.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Султанова А. И.**
Курай — башкирский национальный инструмент..... 627
- Хакимова Г. А.**
Обрядная одежда узбекских женщин 628
- Шарипов И. Н.**
Гармоничная личность — один из приоритетов национальной идеи Узбекистана 631

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Рамазонов Ш. Р.**
Образ великого художника Микеланджело 633

ФИЛОЛОГИЯ

- Абдуллаева Б. К.**
Своеобразие репертуара хорезмских сказительниц-халфа 636
- Аллабергенов Б. К.**
К вопросу о сопоставительном исследовании вокалических систем русского, узбекского литературных языков и хорезмского диалекта 638
- Аллабердиева М. Х.**
И снова о Шукур Бахши..... 639
- Бабенко И. А.**
Роль фантастики в организации гротескного пространства текста 643
- Батанова И. А.**
Концепт «семья» в русской и турецкой лингвокультурах 645
- Гаркуша Л. К.**
Нужно будет постичь нравственные законы... Или где живет кысь? 648

- Головина Е. В.**
Функции пейзажных описаний в художественном произведении..... 649
- Каландаров У. С., Эгамов Р. А.**
Работа с речевыми моделями на занятиях по русскому языку как иностранному..... 651
- Лоптева Т. С.**
Индивидуально-авторские колоративы в стихотворениях М. И. Цветаевой (на основе сборников 1913–1925 гг.) 653
- Маломожнова Е. С.**
Скрытая фольклорная основа сказки Г.-Х. Андерсена «Тени» 656
- Маломожнова Е. С.**
История символики «плексиса» 659
- Морозова М. Н.**
Театр эпохи Реставрации и возникновение жанра английской героической драмы 661
- Мохаммади М. Р., Ахмади М., Авазпур К. Ш.**
Анализ русских терминов по морской радиосвязи и их эквивалентов в персидском языке 663
- Никонова М. А.**
Трудности устного перевода для беженцев и мигрантов..... 668
- Nurutdinova M.**
Unusual ways of giving information..... 672
- Пашиева Г. М.**
Исследование эпоса «Шахрияр» в фольклористике 674
- Рузимбаев С. С.**
Ономастический пласт в художественной речи дастанов 677
- Рузимбаев Х. С.**
Художественный мир Ф. Искандера 679

Ruzmetov N. K., Saraeva B. R.

The subject matter and similar plots of epic poems and their comparative analysis 681

Рузметов С. А.

Об образе дива в средневековых мифологических представлениях жителей Хорезмского оазиса 683

Сабирова Н. Э.

Поэтические символы: становление и эволюция 684

Салаев К. Б.

Абдулла Каххар — талантливый рассказчик .. 686

Турабаева Н. А.

Выражение поля персональности в русском и каракалпакском языках 688

Турумова Т. Х., Тангрибергенова Г. А.

Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного 690

Чупанов А. А., Рахимов Ж. И.

К вопросу о роли и значении информационно-коммуникативной лексики в современном русском языке 691

Эгамбердиева Г. М.

К вопросу изучения в узбекской фольклористике межжанровых взаимоотношений в устном народном творчестве 693

Юсубова Ч. М.

Die analyse der untrennbaren verben von grammatischen und semantischen standpunkt 696

Юсубова Ч. М.

Die analyse der trennbaren verben von grammatischen und semantischen standpunkt 698

ФИЛОСОФИЯ

Бакирова А. У., Иванов В. А., Хаматов А. Ф.

Томистская традиция в гносеологии 701

Другова Е. А.

Парадигмальные рамки инноватики как развивающейся области знания и практики... 703

Измайлова В. Г.

Результативность проекта тюрьмы и его роль в современном обществе 708

Канчурин И. Р., Халитова А. М., Ямгурсин Г. Д.

Философия как вид мировоззренческого знания 712

Коваленко Е. В., Баранский А. В.

Сущность отрицания в философском и лингвистическом аспектах 714

Кузнецов Е. В.

Этические проблемы науки 716

Мухаметзянова А. Д., Мухамедьянова Т. К.,

Саттаров Р. Р.
Особенности религиозной философии 717

Шуаров И. Р., Кагарманов И. С., Атнабаев Д. В.

Онтология как вид философского знания 719

ПРОЧЕЕ

Николаева А. Е.

Опыт организации социальной работы с детьми, пострадавшими от семейного насилия, в учреждениях социальной защиты 722

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Курай — башкирский национальный инструмент

Султанова Алина Ирековна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Национальное музыкальное искусство, восходящее к глубокой древности и сопутствующее всей истории и жизни народа, позволяет заключить, что художественно-творческая и бытовая жизнь народа были органично взаимосвязаны, и складывание башкирской народной музыки в единую образно-смысловую и стилевую систему происходило одновременно с формированием башкирской народности [1, с. 19]. Наряду с песенным творчеством у башкир была развита и музыка, причем инструментальная чуть ли не преобладала над вокальной. Почти к каждой песенной мелодии у башкир имелась инструментальная, как свободная ее вариация.

Свойственная народной жизни охотничья практика: подражание голосам животных, крикам и пересвистам птиц явилась той базой, на которой развивалось в быту башкир такое своеобразное явление, как узляу — редко встречаемое искусство певца-исполнителя, добывающегося двухголосья с помощью тянущегося в нижнем регистре остинатного (тянущегося) звука и одновременно — особого тембра мелодии, звучащей в верхнем регистре [2, с. 172–173]. Возникновение этого жанра связано с шаманскими практиками звукоподражательного сопровождения ритуалов и обрядов [3, с. 43], и обнаруживает единые корни и общность с тюрко-монгольской культурой. Древнейшее и сложное искусство узляу, называемое в народе «тамак-курай» (горло-курай), впервые было описано С. Рыбаковым [4, с. 271–272]. Оно вызывало неподдельный восторг русских исследователей. Л.Н. Лебединский подробно описал не только вокальные, но и физиологические особенности уникального способа мелодичного гортанного звукоизвлечения.

Башкирский народный музыкальный инструментариум располагал всем тем богатством и многообразием, которые были присущи искусству родственных тюркских народов с древнейших времен. В него включались курай (несколько разновидностей: кыйык-курай, сур-курай, сыбызга-курай), думбыра, также «дудка о пяти ладах, бандура в виде небольшой гитары, гудок в виде скрипки, на которой тоже играют смычком, кобыз железный, у русских называемый органчиком и рыле» [5, с. 282–283], сурнай (гудок), дунгур (ударный инструмент).

Возникший в глубине веков курай за долгий исторический период совершенствовался как сольный аккомпанирующий и ансамблевый инструмент, мастерская игра на котором сопровождалась и пением песни, и горловым пением (узляу). Курай упоминается в эпических сказаниях «Акбузат», «Кара юрга», «Заятуляк и Хыухылыу», «Куныр буга». Обширный репертуар протяжных мелодий озон-кюй («Ашкадар», «Баяс», «Тафтиляу», «Буран-бай», «Бейеш», «Азамат» и др.) с диапазоном в 1 или 1,5 октавы исполнялся сольно или для сопровождения песен. Курайное музицирование сочетало сказительские, певческие, танцевальные импровизации. Мастера-кураисты были почитаемыми людьми в обществе, значимость йыйынов определялась присутствием на них знаменитых кураистов. Главный приз майданов завоевывал мастер, который исполнял несколько мелодий, предварительно рассказав их истории, а звук его курая должен был быть слышен на 10 верст по ветру. Выразительным искусством звукоподражания, имитацией голосов птиц, животных владели отдельные мастера-кураисты [6, с. 408].

Курай делался из стебля растения, называемого медвежьей дудкой. Для курая выбирался гладкий, пустой и чистый внутри стебель растения, в котором вырезали пять прямоугольных отверстий. На некотором расстоянии от нижнего конца дудки прорезывались четыре отверстия с промежутком в два пальца одно от другого; пятое же отверстие проделывалось с противоположной стороны на несколько сантиметров выше четвертого отверстия. Музыкант (курайсы) вкладывал курай широким концом в рот между зубами, закрывая половину верхнего отверстия губой, другую половину отверстия он зажимал языком, а пальцами обеих рук перебивал боковые отверстия. Различные регистры курая дают различные звукоряды. Самый низший регистр, звуки которого извлекаются простым способом — открыванием или прикрыванием пальцевых отверстий, дает мажорный гекса-хорд, т. е. шесть звуков мажорной гаммы (до, ре, ми, фа, соль, ля). В среднем регистре, звуки которого извлекаются уже сложным путем — передуванием воздуха в трубку, — мажорный гексахорд превращается в полную мажорную гамму, к которой при-

бавляются четвертая повышенная и седьмая пониженная (т. е. звуки «си-бемоль» и «фа-диез»). В верхнем регистре, звуки которого извлекаются также сложным способом (передуванием воздуха в трубку), нет четвертой повышенной (фа-диез) и седьмой пониженной (си-бемоль), но сохраняется вводный тон (си) и появляется пятая повышенная (соль-диез) — звук, извлекаемый далеко не всяким кураистом [7, с. 263].

Старый, сухой инструмент перед игрой смачивали теплой водой. Звуки курая, как это отмечал С. Г. Рыбаков, были столь мелодичны, что достаточно хорошо воспроизводили лиричность башкирских мелодий. Этим мелодиям вообще были свойственны размашистые интервалы (ноны, децимы, дуодецимы и проч.), а характерной их особенностью являлось то, что в начале мелодии выдерживалась довольно долго определенная нота, как бы фермата, к которой игрок подыскивал голосом квинту и этим как бы устанавливал строй мелодии. Несмотря на тихие звуки

курая, у хорошего игрока на этом инструменте мелодия приобретала относительную силу и величественность. Подобно казахам, инструментальную мелодию игрок-башкир постоянно сопровождал неизменным тянущимся (остинатным) звуком, производимым горлом [8, с. 13].

Почти к каждой мелодии башкиры приводили какое-нибудь сказание или легенду, поясняющую ее происхождение. Играли на курае преимущественно мужчины, но были и женщины курайсы, хорошо владеющие этим инструментом.

Таким образом, именно курай был и остается главным музыкальным инструментом, занявшим важнейшее место в национальной культуре. Курай — древнейший музыкальный инструмент башкир. Несмотря на длительную, сложную этническую историю народа, этот музыкальный инструмент сохранил свою самобытность, способствовал развитию уникальной музыкальной культуры башкир.

Литература:

1. Атанова, Л. П. Собиратели и исследователи музыкального творчества башкирского народа // Фольклористика в Советской Башкирии. Уфа, 1974.
2. История казачества Урала. Учебное пособие. Оренбург — Челябинск, 1992.
3. Ахметжанова, Н. В. Башкирская этномузыкалогия. Уфа, 2009. Ч. 2.
4. Рыбаков, С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки императорской академии. СПб., 1897. Т. II.
5. Игнатъев, Р. Г. Песни о батыре Салавате. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1991. Т. II.
6. История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа, 2011. Т. 3.
7. Руденко, С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.
8. Рыбаков, С. Г. Курай — башкирский музыкальный инструмент // Русская музыкальная газета. СПб., 1896.

Обрядная одежда узбекских женщин

Хакимова Гульнора Абдумаликовна, преподаватель
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

В данной статье изложена история и развитие узбекского национального костюма конца XIX и начало XX веков.

Ключевые слова: *адрас, икат, дуппи, келагай, сюзане, шои, чапан*

Традиционная одежда является одной из национальных черт населения независимого Узбекского государства. Узбекские национальные костюмы очень яркие, красивые, удобные и являются частью богатых культурных традиций, образа жизни народа. Изучение национальной одежды узбеков, как и любой области народного быта, тесно связано с исследованием этнической истории народа и его культуры, взаимосвязей с другими народами. Одежда более всех других элементов материальной культуры связана с национальной спецификой и относится к числу

устойчивых этнических признаков. Глубокая традиционность форм одежды, отражение в ней ряда особенностей и влияний, связанных с историческим процессом формирования этноса, делают ее ценным историческим источником при изучении этногенеза народа.

Обрядная одежда и определенные формы комплексов костюма, связанные с исполнением различных обрядов, дают ценный материал для изучения верований и идеологии населения. Формы одежды, создававшиеся в течении многих веков, и ее отдельные элементы, де-

коративное оформление, колорит свидетельствует о приспособлении народного костюма к природно-климатическим условиям края. Особенности одежды определялись возрастом, социальным положением людей, которые ее носили, мировоззрением, горестными или радостными событиями, хозяйственными циклами.

Эти нормы и требования влияли на используемые ткани, их оформление и рисунок, расцветку, величину и покрой предметов одежды. Научные исследования показали, что национальная одежда — даже в самом ее традиционном виде — не может рассматриваться как неизменная: в ней прослеживается определенная эволюция, а порой и смена форм.

Современная одежда узбеков неоднородна. Городская, а частично и сельская молодежь, особенно из среды интеллигенции, сегодня носит европейскую одежду, в которую, однако, зачастую привносятся те или иные элементы национальной одежды. Люди средних лет носят чаще всего тот вариант национальной одежды, который сложился и распространился к 40-м годам XX столетия. Пожилые, особенно женщины из отдаленных сельских районов, сохраняют традиционную одежду, они раньше носили все. Отличия ограничивались лишь расцветкой и качеством материала.

Одежда узбекского народа в дальнейшем будет обогащаться, вбирая в себя новые черты и сохраняя национальные традиции. Слабая изученность народной национальной одежды узбеков и повышенный интерес к этой теме со стороны художников, театроведов, деятелей кино, искусствоведов специалистов — этнографов, руководителей народных фольклорных ансамблей, настоятельно ставят вопрос о целесообразности издания специальной работы, посвященной национальной одежде узбеков.

В Узбекистане ремесла развивались из века в век, оставляя в наследство уникальные изделия безвестных мастеров, поражающие богатством художественной фантазии и совершенством форм. С изменением социально-экономических условий, ремесленное производство постепенно уходило на второй план, уступая место местной промышленной продукции. Ныне в республике народным мастерам уделяется большое внимание. Возрождение традиций ремесленного производства стало закономерным процессом, обусловленным стремлением к сохранению национальной культуры.

За последние годы правительством Узбекистана приняты постановления, направленные на возрождение народных промыслов и ремесел. Ряд народных мастеров избраны академиками Академии Художеств Узбекистана. В коллекциях нашли свое воплощение сочетание традиционных форм, орнаментов и канонов национального костюма с современными тенденциями мира моды, уникальное наследие, дополненное мастерством и свежим видением молодых дизайнеров. Дизайнеры со свойственной молодежи смелостью и фантазией представили свою интерпретацию моделирования одежды. Особый интерес вызвали модели, стилизованные под национальный

костюм, — коллекция сюртуков из адраса, плащи «под сюзане», струящиеся крепдешинные платья, а также мужская коллекция.

При создании коллекций дизайнеры провели исследовательскую работу по изучению традиционных форм, орнаментов, исторических особенностей конструирования одежды в Узбекистане. В последние годы творческая молодежь Узбекистана активно проявляет себя в ходе крупных фестивалей и проектов. Уникальное сочетание традиционных мотивов и современных тенденций делает коллекции узбекских дизайнеров неповторимыми и привлекательными для международных экспертов и ценителей искусства. Особая поддержка оказывается мастерам и творческой молодежи. Показ молодежной одежды стал еще одним ярким событием в культурной жизни столицы, открывая новые возможности для молодежи, привлекая внимание общественности к их творчеству.

В женском костюме узбечек в начале XX века появляется вышитые шелком или золотой нитью тюбетейки «дуппи». Ранее тюбетейки были атрибутом только мужского костюма. Костюм молодой женщины — узбечки и сегодня нередко дополняется нарядной тюбетейкой. «Дуппи» служила оберегом, украшением, символом уважения и визитной карточкой человека, по которой можно было узнать, откуда он родом.

Бухарские женские наряды составлялись из роскошных шелковых тканей и золотых украшений. Город Бухара был сердцем золотошвейного искусства и производства иката.

Модельеры Узбекистана создают сказочные образы, вдохновленные истинно восточной поэтикой. Для их воплощения используется икат, ручная вышивка, расписные платки «келагаи», чалмаобразные конструкции из традиционных тканей, тюбетейки и конечно, старинные ювелирные украшения. Костюм представляет собой ансамбль из лаконичного платья до колен, плаща из вышитого узбекского шои, ярким штрихом являются пышный тюрбан и «турецкие» туфли.

Известные мастера искусства батик, в Узбекистане использовали технику росписи по ткани для создания одежды. Коллекция навеяна мудрыми притчами странствующих дервишей и шаманскими символами полукочевых этносов Центральной Азии. Многослойные костюмы собраны из туникообразного платья и распашного халата, из расписного полупрозрачного шелка. Творчество талантливых дизайнеров из Узбекистана проникнуто вдохновением иката. Будучи хорошим аналитиком, модельеры не стилизуют старинную одежду, а скорее дают ей второе дыхание. Каждая ее коллекция конструктивна и уникальна. Ее эксперименты, успешный микс иката и элементов европейского кроя, многослойности народного костюма и «правок» в духе современной индустрии. Ее творчество проникнуто философией и утонченным восприятием колорита Востока.

Халат на Востоке — предмет знаковый. Чапан в подарок — символ почтения, обмен чапанами — залог мужской дружбы. О чапане есть суфийская притча: «В Бухаре

жил великий философ Бахауддин Накшбанди. Однажды в печи его наставника гончара Саид Амир Кулола потухал огонь, Бахауддин снял свой ватный чапан и бросил в печь, пламя разгорелось, и мастер продолжил работу. Завершив её, наставник велел ученику достать чапан из печи и надеть его. Ученик подчинился, вошел в огонь и вышел из него невредимым с халатом в руках».

Известные дизайнеры одежды и мастера вышивки Узбекистана создали целую линию изделий, куда кроме декоративных панно, покрывал и прочего входят халаты — традиционные и модифицированные в европейском крое; платья, обувь, аксессуары: сумки, клатчи, чехлы для мобильных телефонов и т. д. Халаты декорированы ручной вышивкой крючком — тамбурным швом. При создании вышивки используются только натуральные полушелковые ткани, шелковые нити и красители. Основа орнамента — знаменитая школа бухарской вышивки и вышивки нуратинской школы.

Традицией стало проведение различных международных организаций ремесленных ярмарок, приуроченных к праздничным датам. Эти фестивали и ярмарки стимулируют рост ремесленного производства, способствуют взаимному опыту, определяют маркетинг рынка. В 1995 г. в Ташкенте прошла первая большая ярмарка при поддержке ООН. Эту инициативу поддержали международные организации, заинтересованные в развитии туризма и экономики молодых государств. На протяжении ряда лет в Узбекистане действовал проект ООН «Культурно — познавательный туризм и развитие ремесел» и проект «Помощь ремесленникам», которые оказывали значительную поддержку народным мастерам.

Человек западного образа жизни невольно удивится, впервые попав в традиционный узбекский дом. И, прежде всего, почти полному отсутствию мебели. Узорный палас или ворсовый ковер на полу, одеяла — курпача и подушки, сложенные в нишах, кованный сундук и низенький столик хан-тахта составляют почти все убранство помещения. И еще большие вышитые панно — сюзане, развешенные на стенах — важная часть устройства и украшения домашнего быта. Вышивки развешиваются таким образом, чтобы видны были достоинства каждой из них и вместе с тем, чтобы они гармонично сочетались друг с другом.

Во время праздников декоративные вышивки занимают особенное место в оформлении одежды. Вышивкам уделялось важное место и в свадебном обряде. В искусстве узбекской вышивки основную роль играет цвет. Большинство работ воздействуют на зрителей разработкой деталей на крупных, сплошь вышитых орнаментальных фигурах.

И эта разработка ведется цветом, что многократно обогащает орнаментальные формы, ритмично расчленяя по-

верхность изделия и превращая ее в красочную декоративную плоскость. В каждом отдельном произведении можно насчитать до пятнадцати тонов, что дает возможность создать богатство цветовых сочетаний, сохраняя при этом единство общего колорита. В расцветке вышивок на белом фоне преобладают красные тона, которые создают бодрую, радостную гамму. Красными тонами исполнены цветы и розетки. Лиственная часть орнамента вышита зелеными нитками. Стебли, ветки и окантовка листьев оливковыми и светло-песочными тонами. Такая расцветка, в общем, соответствует природной окраске растений и вместе с тем основана на звучном контрасте цветов красного и зеленого. Красочные сочетания в вышивках могут строиться на контрасте желтого и фиолетового, оранжевого и синего, красного и синего, зеленого и оранжевого, черного и белого. В то же время в вышитых изделиях можно рядом встретить оттенки одного цвета, например, сочетания светло-голубого и василькового, светло-желтого и золотистого, темно — и светло-малинового.

На некоторых вышивках воспроизводилось стилизованное женское серебряное украшение с подвесками — тумор. Как сам тумор — футляр с молитвой носился в качестве оберега, так и его изображение на вышивке обладало магической силой. Между кустами, ветками, цветами нередко можно увидеть ярких, пестрых птиц. Эти изображения представляют особый интерес, поскольку птицы едва ли не единственные живые существа, которые народ, вопреки запретам ислама, сохранил в своем искусстве.

Каждый турист и гость, прибывший в Узбекистан, возвращаясь, стремится оставить память о знакомстве с новой страной и ее народом. Сувенир, выполненный руками народного мастера или ремесленника, живо воскресит в памяти соприкосновение с историей и культурой страны. Известно, что основой многих частных собраний произведений искусства были коллекции приобретенных в поездках сувениров.

Путешествие по Узбекистану — «золотому отрезку» древнего Великого шелкового пути, оставляет незабываемые впечатления от величественных архитектурных памятников Самарканда, Шахрисабза, Бухары и Хивы, внесенных ЮНЕСКО в список «Всемирного наследия». Мало кто из гостей Узбекистана удержится от приобретения замечательного национального сувенира или подарка в память о городе. Остается добавить, что все эти сувениры можно приобрести в художественных салонах или в сувенирных магазинах, расположенных в отелях и музеях, или просто в мастерской ремесленника. Сувенир из Узбекистана на долгие годы сохранит впечатления об исторических и культурных традициях, старинных обычаях узбекского народа.

Литература:

1. Р. В. Альмеев «Из истории Бухарского государственного архитектурно — художественного музея-заповедника». Бухара. 1990.
2. Н. Садыкова. «Национальная одежда узбеков (XIX—XX века)» Ташкент — 2003.

Гармоничная личность — один из приоритетов национальной идеи Узбекистана

Шарипов Изамметдин Наврузович, старший преподаватель
Навоийский государственный горный институт (Узбекистан)

Одним из главных приоритетов реализации идеологии национальной независимости является формирование нравственно цельной и духовно богатой личности, обладающей независимым мировоззрением и самостоятельным мышлением, опирающейся на бесценное наследие наших предков и общечеловеческие ценности. Процесс воспитания формирования гармонично развитой личности основывается на том, что каждый человек стремится к овладению лучшими достижениями национальной и общечеловеческой духовной культуры. На основе овладения духовными ценностями человек стремится к духовно-нравственному и физическому совершенству. Духовно-нравственное и физическое совершенство личности неразрывно связаны между собой. В нашей стране общество помогает человеку обеспечивать и наращивать свое физическое здоровье. Создается максимум условий для постоянных и всесторонних занятий физической культурой и спортом высших достижений. Создание оптимальных условий для занятий спортом органически сочетается с процессом реализации Национальной программы по подготовке кадров, развития спорта в частности. Идея воспитания гармонично развитой личности всегда была органической частью национальной культуры узбекского народа. Являясь составной частью традиционной народной культуры, она впитала философию Ислама, обогащалась с неизменной опорой на идеи выдающихся мыслителей Центральной Азии — Абу Насра аль-Фараби и Алишер Навои. В демократическом обществе демократичной, открытой является система образования. Она позволяет сформировать полноценно гармоничную личность.

Рассмотрим ближе основные факторы, способствующие формированию гармоничной личности в демократическом обществе.

Духовное богатство. Как мы отмечали ранее, формируется на основе органичного, свободного усвоения общечеловеческих и национальных духовных ценностей. Это должно происходить свободно, без давления извне, каких-либо насильственно внедряемых предписаний. В то же время не должна формироваться всеядность, человек должен уметь отличать плохое от хорошего, «зерна от плевел».

Нравственная цельность подразумевает стройную нравственную систему у каждого человека, могущую выдержать проверку жизненной практикой. Нравственно цельный человек воспринимает те или иные нравственные ценности осознанно, понимает смысл тех или иных нравственных запретов и разделяет их необходимость.

Независимое мышление — мышление, не опирающееся на какие-либо стереотипы. Человек, обладающий им, критически осмысливает любую сложную жизненную

ситуацию и стремится найти рациональный выход из нее. Люди, обладающие независимым мышлением, не допустят никаких форм насилия над собой. И в то же время независимо мыслящий человек опасен для тоталитарного, закрытого общества.

В нашей стране целям формирования гармонично развитой личности, отвечающей потребностям демократического правового государства и гражданского общества служит национальная программа по подготовке кадров.

В этой связи целесообразно выделить три основных направления, по которым осуществляется реформа образования в нашей стране.

1. Изменение структуры системы образования. Придание ей большей гибкости.
2. Изменение содержания образовательных программ, их большая связь с современностью.
3. Новые методы воспитания учащихся.

Рассмотрим, вкратце сущность этих аспектов и то, как они направлены на формирование гармонично развитой личности. Говоря о тех качествах личности, необходимых в демократическом обществе, которые должна воспитать новая система преподавания, необходимо выделить следующие стороны:

1. Интеллектуальная и психологическая готовность к выражению своего мнения.
2. Уверенность в том, что общество защитит право личности на выражение своего мнения.
3. Уважение к праву других людей выражать свое мнение, толерантность.
4. Сознание ответственности за свои высказывания.

Свобода выражения своего мнения не должна превращаться в распущенность, вседозволенность. Совокупность таких качеств как интеллектуальная и психологическая готовность к выражению своего мнения, толерантность и ответственность составляет такое необходимое качество личности как правовая культура.

Правовая культура как необходимый атрибут индивидуализма является неотъемлемым качеством гармонично развитой личности в свободном обществе. Она выражает готовность человека быть толерантным этому обществу, жить в согласии с его законами и способствовать его социальному прогрессу. Правовая культура отнюдь не тождественна знанию законов, управляющих обществом. Далеко не все граждане общества знают в совершенстве управляющие им законы. Однако каждый человек имеет моральную обязанность соблюдать их. Осознание этой обязанности, понимание того, что «незнание законов не освобождает от ответственности за их соблюдение» и составляет природу правовой культуры. В то же время, люди, прекрасно знающие законы, могут обладать

криминальным сознанием, у них может отсутствовать ответственность за соблюдение законов. Правовая культура воспитывается в ходе как процесса воспитания и образования, так и в ходе самого становления институтов правового государства, в частности, судебно-правовой реформы.

В качестве основной предпосылки эффективности судебно-правовой реформы Президент нашей страны И.А. Каримов рассматривает независимость суда. Он отмечает, что реформы судебной системы должны быть направлены, прежде всего, на обеспечение подлинной независимости и самостоятельности судей, выносящих свои решения. Только тогда человек, который раньше рассматривал суд только как карательный орган, будет обращаться в суд как в орган, который обязан защитить его

права и свободы, его интересы. Эффективность проведения судебно-правовой реформы имеет самое непосредственное отношение к формированию гармоничной личности, поскольку именно судебно-правовая реформа приводит к тому, что создаются гарантии осуществления прав человека. Гарантии осуществления прав личности приводят к формированию правовой культуры, которая является необходимым условием гармоничного развития личности. Таким образом, гармония, гармоничное развитие личности включает в себя органичное сочетание духовного и физического совершенства гражданина, понимания прав и обязанностей в гражданском обществе. Последний же, в свою очередь, один из главных компонентов, приоритетов национальной идеи Узбекистана.

Литература:

1. Каримов, И. А. «Высокая духовность — непобедимая сила» Маънавият 2008
2. Каримов, И. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. — т. 1 — Т., 1996.
3. Идея национальной независимости: основные понятия и принципы.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Образ великого художника Микеланджело

Рамазонов Шухрат Рахимович, старший преподаватель
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

В статье рассказывается о Микеланджело, человеке и художнике. Описывается прекрасная и трагическая судьба художника, характерные черты его личности.

Слышу, как нарастает шум голосов, напоминающих свист февральских ветров, что свирепствует здесь на улицах.

Пересмотрел все мои записи, начатые во Флоренции в 1494 году, когда мне было девятнадцать. С той поры минуло почти семьдесят лет. Могу признать, что сохранил верность слову, данному в молодости, и довел хронику моей жизни до конца.

Микеланджело Буонарроти родился 1475 году 6 марта в тосканском городке Капрезе в семье бедного флорентийского дворянина Лодовико Буонарроти. Его отец не был богатым, и его дохода едва хватало на то, чтобы содержать большую семью. Лодовико Буонарроти был вынужден отдать Микеланджело кормилице, где воспитывала его супружеская пара Тополино.

Там мальчик научился разминать глину и владеть резцом раньше, чем читать и писать, о чем он потом сказал своему другу Джорджо Вазари: *«если есть что хорошее в моем даровании, то это от того, что я родился в разреженном воздухе Аретинской вашей земли, да и резцы,*

и молот, которыми я делаю свои статуи, я извлек из молока моей кормилицы».

В Флорентийской школе Франческо Галатеа да Урбино, где учился Микеланджело, он не проявлял наклона к учебе, чаще всего общался с художниками и перерисовывал церковные иконы и фрески.

В 1488 году отец Микеланджело поместил его в мастерскую художника Доменико Гирландайо. Свой путь художника Микеланджело начал, будучи тринадцатилетним мальчиком, в этой мастерской. Здесь он получил огромную возможность ознакомиться с материалами и техникой рисования.

Молва о нем, как о наилучшем мастере, у которого многому можно научиться, быстро начала распространяться далеко за пределами Флоренции. Микеланджело настолько был увлечен рисованием, что иногда позволял себе выделить и изменять некоторые контуры работы Гирландайо. Однажды он взял на себя смелость, подправить копию работы учителя, Гирландайо, увидев его работы, был сильно потрясен. К этому периоду относятся

его копии произведений таких флорентийских художников, как Джотто и Мазаччо. В этих карандашных копиях проявлялось характерное для художника скульптурное видение форм. Год спустя Микеланджело покинул мастерскую Гирландайо и поступил в школу ваяния, которая была создана под покровительством Лоренцо Медичи. Руководителем школы был Бертольдо, который обратил свое внимание на юного и талантливого Микеланджело.

Один из учеников Донателло, он уже вскоре был вхож в культурные круги Флоренции, обласкан как приемный сын Лоренцо Великолепным, так же был принят на равных выдающимися деятелями того времени, как Полициано, Пико дела Мирандола, Марсилио Фичино. Микеланджело выбрал скульптуру, хотя его представление о рисунке сделали его в равной степени мастером и рисунка.

Микеланджело целиком посвятил себя работе над росписью плафона Сикстинской капеллы. Он работал, позабыв на время о своем страстном желании быть, прежде всего, скульптором, а не живописцем. При ватиканском дворце Микеланджело считался несведущим в области живописи, так как ему не приходилось пробовать себя во фресковых росписях. Именно на это и рассчитывали его недруги, которые желали поставить его перед лицом трудного испытания, а это могло бы окончиться провалом и опорочить Микеланджело в глазах папы Юлия II.

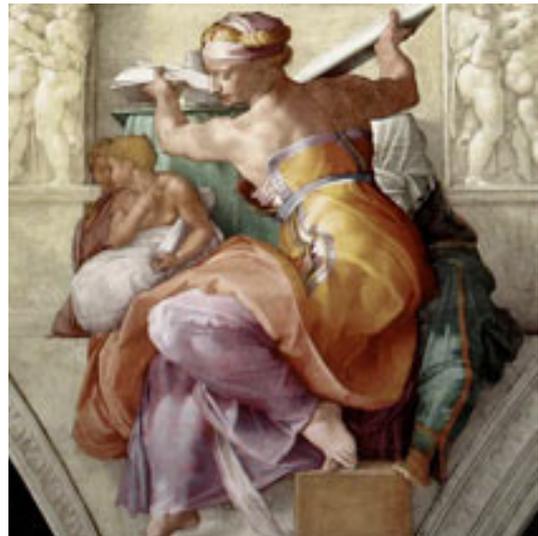
За какую бы работу не брался Микеланджело, в живописи, скульптуре или архитектуре, любое его творение было непосредственным выражением его личности, его «я», отражением его концепции. Микеланджело не сомневался и был уверен, что через пару недель освоит технику фресковой живописи и научится определять, насколько при просыхании фресок снижается световая сила красок, наложенных на сырую штукатурку.

Микеланджело очень рано познал многообразие природных форм, которые он хотел воплотить в искусстве. В живописных работах, выполненных во Флоренции в 1501–1505 годах, Микеланджело добивается поразительных результатов, о чем свидетельствует его работа на картоне «Битва при Кашина». Нужно отметить, что художнику было поручено изобразить ратный подвиг. В своей работе он отказывается от парадности и прославления республики, останавливается на сюжете, который позволяет ему изобразить то, что наиболее отвечает его гению, движение переплетавшихся тел, игру мускулов и жестов.

Подобные настроения проявились еще более ярко в период расцвета эпохи Возрождения, когда художники считали своим долгом служение интересам общества. Во имя этой цели они стремились полнее раскрыть свои возможности, добиваясь тем самым максимального самовыражения.

В своих произведениях Микеланджело отвергал романтическое и неоромантическое толкование.

По свидетельству его современника Франсиско де Ольянда, он, в частности, говорил: «Настоящая живопись, будучи сама по себе божественно возвышенна, никогда не породит ни одной слезы...

Ведь, ничто так не возвышает душу мудрецов... как муки совершенства».

Уже к середине XV века живопись не связана только с религией. Эпоха Возрождения ставит человечество в центре Вселенной, прославляя личность и низводя богов с небес на землю. Человек начинает осознавать, на что он способен! Отсюда берет свое начало новейшее назначение науки и искусства: превосходство человека, его рост и обогащение через плоды деяний собственного гения. Воплощением этого принципа считались Микеланджело, Леонардо да Винчи и Рафаэль.

Когда Микеланджело говорил, что у него родилась новая идея, тем самым он ставил совершенно по-новому об искусстве, как осмыслению порождающего его внутреннего порыва. Такое понимание свойственно только эпохе Возрождения и оно немыслимо у Джотто, чьи интересы он выражал, берет начало великий процесс обновления, который поставил человека в центре своих устремлений.

То, что Микеланджело — личность титаническая, сверхъестественная и сверхчеловеческая, что он всюду возвышается, как недостижимая вершина, являясь первым среди трех гениев, образующих «золотой венец», все это неоднократно повторялось, особенно приверженцами романтизма. Творение Микеланджело «Давид» стало символом титанизма, для сторонников романтизма и неоклассицизма. Микеланджело не ищет своих героев в мире идей, не стремится к абстрактному совершенству и не обращается к божественной запредельности. На фоне необъятного богатства всего своего творческого наследия Итальянского Возрождения, выделяется художественный вклад, внесенный Микеланджело в искусство.

Его ни с кем нельзя было сравнить в области монументальной пластики, в скульптуре, в живописи и архитектуре. Созданные Микеланджело художественные образы стоят в ряду с величайшими творениями мирового гения.

Микеланджело прожил долгую жизнь — почти девяносто лет. Прожитая жизнь была настолько наполненной, что личная судьба человека и художника переплетается в

ней с трагическими испытаниями, которая выпала на долю Италии. В 1508 году Микеланджело начал работу над росписью свода Сикстинской капеллы. В тридцать три года Микеланджело начал эту работу а закончил ее в четыре года спустя. Через пятнадцать лет он вновь возвращается в Сикстинскую капеллу и приступает к «Страшному суду». Почти в семьдесят лет в 1541 году Микеланджело завершает это творение.

Семидесятипятилетний Микеланджело не останавливается на достигнутом и приступает фрескам в капелле Паолина.

Творчество Микеланджело является кульминацией высшего Возрождения в искусстве Италии. Именно в нем нашли отражение глубокие противоречия эпохи, обозначающие конец короткого «золотого века» и начало мрачных времен контрреформации и войн с иноземными захватчиками.

Полвека трудовой жизни, отданной скульптуре, живописи и архитектуре. Какими событиями был наполнен этот исторический период, сколько было пролито крови, какие битвы, моральные и идейные потрясения пережила Италия! Какими же бурями и страданиями отозвались все эти годы в душе Микеланджело! В 1523 году чума в Риме и других городах Италии, в 1527 году разграбление Рима войсками чужеземцев. По этой причине Микеланджело

был вынужден покинуть Рим, затем возвращается и опять бежит из вечного города.

Свои мучительные раздумья о тщете людских страстей, художник передает в колоссальной фреске «Страшный суд». Это его последнее живописное творение преисполнено, наивысшего напряжения, трагизма и отчаяния. Росписи, над которыми он трудился, представляют собой подлинную вершину, венчающую его сложный жизненный и творческий путь.

Творческий и жизненный путь Микеланджело занимает почти девятистолетний период истории Италии. Здесь юношеские барельефы, вызвавшие всеобщее восхищение картины, скульптурные композиции, фресковые росписи капелл и предсмертный скульптурный шедевр «Пьета Ронданини». Микеланджело, хоть и провел свою жизнь в одиночестве, жил бурно и страстно, созидая и разрушая, отходя от старых и берясь за новые замыслы. Часто его надежды терпели крах, но как истинный боец, он всегда был готов вновь воспрянуть духом, гордо снося удары, которые наносила ему судьба. Он вынес на собственных плечах всю тяжесть своего железного века.

Микеланджело был одним из самых величайших творцов в истории мировой культуры, в ком созидание и человечность, страсть и воображение, гражданственность и мастерство слились в прекрасном и нерасторжимом единстве. Микеланджело был сыном своего века, он был великим новатором, намного опередившим свою эпоху.

Огюст Роден признался: *«...Всю жизнь я колебался между двумя величайшими тенденциями классики — между концепциями Фидия и Микеланджело. Я шел от античности, но, посетив Италию, был тот час, же захвачен величайшим флорентийским мастером, и мои создания, несомненно, свидетельствуют об этой страсти.*

Микеланджело — это дыхание жизни».

Литература:

1. Роландо Кристофанелли «Дневник Микеланджело неистового» Москва-«Радуга» 1985

ФИЛОЛОГИЯ

Своеобразие репертуара хорезмских сказительниц-халфа

Абдуллаева Барно Кадировна, старший преподаватель
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Необходимо отметить, что до настоящего времени нет специальных исследований, посвященных традициям сказительниц, получивших широкое распространение в Хорезме. Лишь в отдельных источниках можно найти отдельные суждения в этой области [7].

Такие фольклористы, как Х. Зарифов, Дж. Кабулниязов, М. Саидов, Т. Мирзаев и С. Рузимбаев высказали ряд интересных суждений по данному вопросу. Однако они не раскрывают полную природу и историю искусства сказительниц Хорезма. На наш взгляд, термин «халфа», объединяющий сказительниц, означает «образованный человек», «учитель». Н. Сабуров в своей статье «Новые песни в репертуаре сказительниц» выделяет две группы исполнительниц: сказительницы, выступающие в сопровождении музыкального ансамбля и сказительницы-солистки, обходящиеся напевным речитативом. Фольклорист С. Рузимбаев школу сказительниц Хорезма подразделяет на три группы:

1. Сказительницы-поэтессы;
2. Сказительницы-музыканты;
3. Сказительницы-киссахоны, выступающие без музыки [5, с. 15].

К первой группе относятся Ханум-сувчи Саидахмад кизи, Онабиби Атаджанова-Ожиза, Анаджан Сабирова-Анаш-халфа. Эти сказительницы наизусть знали тексты дастанов и мастерски исполняли их. Наряду с этим они занимались художественным творчеством, создавали замечательные стихи.

Ко второй группе относятся Сарахан Аллабергенава, Пашшахан Матчанова, Уллибиби Байджанова. Они исполняют стихи из дастанов под музыку. Их выступления обычно сопровождается музыкальный ансамбль и танцовщица.

К третьей группе относятся сказительницы, исполняющие дастаны без музыкального сопровождения. Наличие исполнительского мастерства у этой группы сказительниц необязательно. Они сохраняют давние традиции, в том числе и экзальтацию, восходящую к периоду шаманства. Кроме того, если сказительницы первых групп выступают, в основном, на свадьбах и иных торжествах, то

представительницы третьей группы присутствуют на печальных событиях. Тема невосполнимой утраты превалирует в их творчестве. Эта древняя традиция сохраняется в Хорезме.

Следует отметить, что некоторые дастаны, исполняемые в Хорезме, не встречаются в других регионах Узбекистана, Туркмении и Азербайджана, ибо они неразрывно связаны с историей Хорезма.

Если обратить взор на историю человечества, ещё с первобытного периода жизни чувствовалась потребность в духовном обогащении (духовной пище). Появление религии явилось одним из первичных факторов удовлетворения этих духовных потребностей. «Молитва приводит к пению, обряд — к стихам, культ — к танцам. Сама вера становится поэзией» [3, с. 79]. Следовательно, в появлении поэзии и исполнении песен большую роль играют молитвы и обряды.

К эпохе Хорезмшахов, возможно, традиция сказителей разделилась на сказителей-музыкантов. Так как в этот период при дворе Хорезмшахов были бахши, музыканты и певцы, танцоры и танцовщицы, клоуны, кукольные артисты, канатоходцы и даже профессиональные плакальщицы (причитальщицы). Среди музыкальных инструментов очень распространены были дутар, рубаб, чанг (варган), свирель, руд. Значит искусство и культура были высоко развиты. К сожалению, нашествие орд Чингизхана уничтожило все это культурное наследие. Ни один из источников, повествующих об искусстве сказителей, не сохранился. По этой причине мы знаем только сказительницу Ханум халфа Саидамат кизи, которая с 1895 года стала известной сказительницей, играя на гармонии. До этого Ханум халфа исполняла песни под аккомпанемент дойры (бубна), маленькой тарелки, пиалы. Кстати, высокую оценку сказительнице Ханум дал фольклорист Хади Зариф: «Я записал дастан «Асилхан» со слов Ханумджан халфы, которая является обладательницей высокого таланта, искусствоведам, поэтессой и сказительницей» [4, с. 262].

После завоевания Россией Хивинского ханства под влиянием немцев, переселившихся в Янгиарык, исполь-

зуются такие культурные предметы, как гармонь, фотоаппарат, киноаппарат, патефон. Применение музыкального инструмента — гармони, оказало положительное влияние на развитие искусства сказителей. Имеются сведения о творчестве более двадцати талантливых сказительниц того времени [2, с. 117]. Среди них самыми известными были Ожиза — Онабиби Атаджанова, Онажон Сабирова (Анаш халфа). Обе халфы были ученицами сказительницы Ханум. Одновременно они могли сочинять стихи. Также они мастерски, искусно исполняли любовно-романтические дастаны «Ашик Кериб», Ашик Албанд», «Ашик Махмуд», «Асли Карам».

С 30-х годов XX века становится популярной деятельность нынешних ансамблей сказительниц-музыкантов (эта разновидность группы сказительниц, по всей вероятности, сформировалась в период правления Хорезмшахов). Одним из первых артистов, известных в качестве сказительницы-музыканта, является заслуженная артистка Узбекистана Сарахон Аллабергенова.

Грамотные и талантливые сказительницы-киссахоны, читающие нараспев религиозные и светские дастаны, продолжают служить людям на свадьбах и поминальных мероприятиях. В Хорезме сказительниц-киссахонов было много. Среди них можно выделить Ниёзжон Мусаеву, Сою Эшматову, Розию Аллаёрову и др [6, с. 353–354]. Сегодня среди сказительниц — музыкантов стали известными имена Надиры Багибековой, Санобар Қиличевой.

Эти два направления в искусстве сказителей продолжают свою деятельность и по сей день.

Эпические произведения узбеков, населяющих Хорезмский оазис, занимают важное место в общеузбекском эпосе. Они обладают специфическими свойствами, требующими специального изучения. Некоторые проблемы, в частности, исполнение дастанов сказительницами, определяют своеобразие хорезмских дастанных традиций. Здесь следует отметить, что очень сложно определить соотношение исполнительского и творческого мастерства сказительниц в народных дастанах. Ибо сейчас осталось очень мало сказительниц, знающих и исполняющих дастаны наизусть. Среди них следует отметить известных сказительниц Ханум-сувчи, Ожизу, которые по памяти исполняли дастаны «Асил и Карам», «Ашик Албанд», «Ашик Наджаб» (Х. Зарифов в 1930 году записал дастан «Асил и Карам» со слов сказительницы Ханум-сувчи. Рукопись хранится в фольклорном архиве ИЯЛ АН РУз. Инв. № 42). Художественные достоинства данного процесса особенно бросаются в глаза в некоторых стихотворениях Ожизы. Например:

Эй эрка қиз қулоқ солгин сўзима,
Оёгинг қараб бос, ер инжилмасин,

Литература:

1. Джалалов, Т. Ўзбек шоирлари. — Ташкент, 1980. — с. 226–230.
2. Қиличев, Т. Хоразм халқ театри. — Ташкент: Адабиёт ва санъат, 1988.
3. Колер, И., Ранке И., Ратцел Ф. История человечества (доисторический период). — СПб., 2003.

Бу сўзимни малол олма кўнглинга,
Суяк бежо бўлиб инжилмасин.
О, девушка, послушай меня,
Будь осторожна, чтобы земля не огорчалась.
Не обижайся на слова мои
Будь осторожна, чтоб земля не огорчалась [9]
(Дастан «Ашик Албанд»)

Сравнение свидетельствует, что Ожиза исполняла дастаны, поэтому в её творчестве так блестяще сочетались художественное своеобразие дастанов и её индивидуальность. В некоторых случаях трудно определить, чье это стихотворение: сказительницы или оно взято из дастана. Это не раз приводило исследователей к ошибкам. Так, например, в книге «Узбекские поэты» литературоведа Т. Джалалова приводятся некоторые стихотворения сказительницы Шукур Аллакули кизы из города Ханки [1, с. 226–230].

Отнесение этих стихотворений к её индивидуальному творчеству, на наш взгляд, вызывает путаницу. Дело в том, что эти тексты почти полностью совпадают с некоторыми стихотворениями дастана «Ашик Албанд».

Стихи сказительницы Шукур халфы значительно отличаются от принципа создания стихов Ожизы. Ожиза берет из текста дастанов некоторые обороты, изобразительные средства, но создаёт при этом самостоятельные произведения, эти изменения придают стихам Ожизы оригинальность. Помимо того, использование готовых стилистических формул дастана было характерным для начального периода творчества Ожизы, затем она отказалась от этого.

Включение сказительницами в свой репертуар рукописных экземпляров дастана, постоянное их исполнение плодотворно сказывается на их индивидуальном творчестве. Поэтому изучение творчества сказительниц-поэтесс требует скрупулезного анализа их литературного наследия.

Сегодня большинство сказительниц занимается индивидуальным творчеством. По данной традиции в Хорезме на свадьбах сказитель выступает во дворе, где собираются мужчины, а сказительницы — в комнатах перед женщинами.

Таким образом, роль сказительниц в пропаганде народных дастанов среди населения Хорезма ничуть не меньше роли сказителей. Эта особенность присуща только Хорезмскому региону. Поэтесс-сказительниц в настоящее время не осталось. Представительницы двух остальных групп пользуются широкой популярностью, передают свое мастерство ученицам.

Знакомство с репертуаром народных сказителей и сказительниц Хорезма позволяет судить об определяющей роли их творчества в развитии и формировании двух ведущих эпических школ — Южного и Северного.

4. Мирзаев, Т. Ходи Зариф сужбатлари. — Ташкент, 2013.
5. Рузимбаев, С. Хоразм достонлари. — Ташкент, 1985.
6. См.: Ашикнаме, 4 книга. — с. 353–354.
7. См.: Хоразм халқ қўшиқлари. — Т., 1965; Мирзаев Т. Халқ бахшиларининг эпик репертуари. — Ташкент, 1979; Рузимбаев С. Хоразм достонлари. — Ташкент, 1985.
8. Фольклорный архив ТАИ АН РУз, инв, № 1636.

К вопросу о сопоставительном исследовании вокалических систем русского, узбекского литературных языков и хорезмского диалекта

Аллабергенов Бакварган Курамбаевич, кандидат педагогических наук, доцент
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Лингводидактическое обоснование методики обучения русскому языку в нерусской школе требует обращения к контрастивным исследованиям родного и изучаемого языков. В русской методике существовали разные мнения о роли таких исследований: от полного отрицания необходимости сопоставительных исследований до признания сопоставительного языкознания единственной основой лингвистического обоснования методики обучения неродному языку. По мнению Н. М. Шанского лингвистической основой методики обучения неродному языку является сочетание монолингвальных и билингвальных исследований [3, с. 199].

Билингвальные исследования предлагают предварительное системное описание каждого из сопоставляемых языков. Монолингвальное описание должно строиться таким образом, чтобы оно учло единые универсальные типологические основы последующих билингвальных сопоставлений. Лингводидактический подход требует, чтобы, во-первых, при сопоставлении звуковых систем в качестве минимальных звуковых единиц использовались не фонемы, а звуки языка как позиционные разновидности фонем; во-вторых, выделение этих единиц должно быть основано на критерии позиционности [1, с. 89].

Сопоставление звуков разных языков дает возможность определить потенциальное поле фонетической интерференции. Фонетическая интерференция проявляется в речи, как в процессе восприятия, так и производства звуков изучаемого языка. Как отмечал Н. С. Трубецкой, «звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через «фонологическое сито» нашего родного языка... Фонетическая система любого языка является как бы ситом, через которое просеивается все сказанное» [2, с. 59].

Анализ звуковой интерференции в большинстве лингводидактических исследованиях рассматривается как последняя ступень теоретического обоснования методики обучения произношению непосредственно перед построением самой методической системы в виде методических разработок и упражнений. Однако некоторые специа-

листы считают, что такой анализ является лишь предпосылкой для определения артикуляционных баз родного и изучаемого языков в их взаимодействии [1, с. 79]. В любом случае и монолингвальный, и билингвальный анализы звуковых систем проводятся на двух уровнях — фонологическом и фонетическом.

При фонологическом анализе определяется состав звуковых единиц и их поведение в разных позициях, при фонетическом анализе выявляются акустико-артикуляционные признаки этих единиц.

Сопоставление фонологических особенностей различных языков и диалектов наталкивается на трудности теоретического и практического порядков. Главная трудность связана с неоднозначностью описания фонологических систем. Например, с позиции Ленинградской фонологической школы русский вокализм состоит из шести фонем: [a], [o], [y], [и], [e], [ы], а с позиции Московской фонологической школы русский вокализм содержит пять фонем: [a], [o], [y], [и], [o]. Звук [ы] рассматривается как вариация фонемы [и]. Говоря о вокализме узбекского языка, необходимо отметить, что узбекский литературный язык содержит шесть гласных фонем: [a], [o], [y], [ў], [и], [э]. Однако такие примеры, как *адиб* (*писатель*) — *адип* (*кайма*), отличающиеся друг от друга лишь произношением ударного гласного, говорят о том, что разные оттенки и можно рассматривать как разные фонемы. В вокалической системе хорезмского диалекта узбекского языка насчитывается 14 гласных фонем: [a], [a:], [], [o], [o:], [ў], [e], [e:], [y], [y:], [Θ], [и], [и:], [ъ]. Но большинство исследователей склоняется к тому мнению, что в хорезмском говоре функционируют самостоятельные фонемы [ы], [ы:]. К сожалению, отсутствуют достаточные описания позиционных чередований гласных как узбекского литературного языка, так и его хорезмского диалекта.

Сопоставление звуковых систем обычно осуществляется на уровне фонем, то есть классов звуков языка, что не способствует выяснению многих существенных особенностей в фонетике сопоставляемых языков. Вызы-

вает затруднение и такой факт, как сходство графических обозначений далеких друг от друга в фонетическом отношении звуков. Обычно при контрастивном анализе сравниваются наиболее близкие в звуковом отношении звуки разных языков. Например, гласный узбекского литературного языка и хорезмских говоров, обозначаемый буквой [o], чаще сопоставляется с соответствующей гласной русского языка, которая обозначается такой же графемой. Но в фонетическом отношении узбекская фонема [o] гораздо ближе к русской фонеме [a].

Перечисленные выше трудности преодолеваются разными способами. Прежде всего выбирается фонологическая теория, обеспечивающая однообразную процедуру описания сопоставляемых языков. Во-вторых, элементами сопоставления должны выбираться не фонемы, а их позиционные разновидности. Требование учета позиций позволяет выбрать в качестве единой формы описания Московскую фонологическую школу. В-третьих, необходим выбор единых фонетических критериев, которые служат универсалиями единообразно оценивающими звуковые единицы разных языков. В качестве таких универсалий обычно используются артикуляционные свойства ряда, подъема и лабиализованности, а также акустические свойства силы, длительности и высоты. Кроме этого, в качестве фонетических универсалий используются форманты и дифференциальные признаки фонем, опирающиеся на анализ спектров гласных.

Обычно для сопоставительных исследований берутся системы двух языков. Контрастивные исследования как

разновидность сопоставительного анализа опираются на изучение сходств и различий отдельных соотносительных элементов разных языков. В качестве эталона для определения сходств и различий при контрастивных исследованиях, осуществляемых в учебных целях, берутся свойства изучаемого неродного языка.

Особенностью настоящего исследования является то, что сопоставляются не две, а три звуковые системы: русский литературный вокализм, узбекский литературный вокализм и вокализм хорезмского диалекта. При обучении русскому языку учитываются трудности, связанные как с интерференцией узбекского литературного языка, так и с интерференцией хорезмского говора. Помимо этого существует интерферирующее влияние звуковых систем узбекского литературного языка и хорезмского диалекта. Все эти вопросы ждут углубленного научного исследования.

В реальной социолингвистической ситуации, когда носитель хорезмского говора со школьной скамьи приобщается к теории и практике литературного узбекского языка, в его сознании формируются звуковые модели литературного языка. Но поскольку диалектоноситель не освобождается от практических навыков своего диалекта, то в его сознании возникает представление о свойствах родного диалекта как об отклонении или вариативном произношении литературной нормы. Все это создает своеобразную лингводидактическую ситуацию, когда анализ звуковой интерференции должен исходить из комплексного влияния литературно-диалектной нормы на изучаемый язык.

Литература:

1. Бельдиян, В. М. Научно-методические проблемы обучения фонетике современного русского языка студентов национальных групп (Опыт системного анализа). — Ташкент: Фан, 1980.
2. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии. — М., 1960.
3. Шанский, Н. М. О некоторых актуальных вопросах методики русского языка как науки // Проблема совершенствования содержания и методов обучения русскому языку в 4–8 классах. — М., 1969.

И снова о Шукур Бахши

Аллабердиева Марал Хайткулиевна, аспирант

Туркменский государственный педагогический институт имени С. Сейди (г. Туркменабад)

Ключевые слова: туркменская национальная музыка, дутар, бахши, Шукур бахши

Afresh about Shukur bakhshy

Magical, charming, luring music plays important role among Turkmen nation. Given article covers luminous representative at the end of XIX and in the beginning of the XX centuries, singer and musician Shukur bakhshy. Current generations are very intimate with the name of great master owing to the story «Shukur bakhshy» written by Nurmurat Saryhanov (1941 y.) and this story was cinematized («Competition» 1964 y.).

The story «Shukur bakhshy» based on historical events, known as musician Shukur released his brother from captivity of Iranian khan without a blow, but with peace treaty by the force of music. This historical event was written by the words of Shukur bakhshy's contemporaries.

On this article we can see the eminent Russian specialist in Turkic philology in the first half on XX century A.N. Samoylovich's, noted, Russian scientist V.A. Uspenskiy's research works about «bakhshy» and «dutar». Well-known, Kirghiz writer Ch. Aytmatov in his article «Music, that beat swords into plough-shares» wrote about the film «Competition» too.

Key words: Turkmen national music, bakhshy, Shukur bakhshy

Музыка — волшебная сила, которая во все времена придавала жизни особый смысл. Музыка оказывает влияние не только на духовный и эстетический мир человека, но и является неиссякаемым источником для воспитания будущих поколений. Жизнь туркменского народа, как и многих других, невозможно представить без музыки. То, что музыка занимает в жизни туркменского народа большое место — истина. Именно поэтому и по сей день музыканты и бахши уважаются среди туркменского народа особого уважения.

Согласно исследованиям одного из крупнейших российских тюркологов первой половины XX в. А. Н. Самойловича: «Слово «бахши» происходит от санскритского bhikshu — учитель. Монгольские буддисты так называли людей, владеющих уйгурским письмом, поэтому в XIII—XV веках словом «бахши» называли писцов.

В шаманизме бахши выступают в роли знахарей, колдунов, лекарей, которые посредством песен и музыки изгоняли злых духов.

В существовавшей системе обучения бахши значительное место отводилось поэтическим состязаниям.

Во время практически всеобщей безграмотности населения Средней Азии бахши являлись хранителями народной музыкальной и фольклорной традиции, а также распространяли классические произведения.

Бахши (туркм. bagşy/багшы; узб. baxshi; каз. баксы; кир. бакшы) — народный певец, исполнитель фольклора у народов Средней Азии, обычно выступает на праздниках. Неотъемлемая часть бахши — дутар, струнный щипковый музыкальный инструмент с длинным грифом, двумя жильными или нейлоновыми струнами и грушевидным резонатором» [3, 24].

В памяти народа ещё свежи воспоминания о живших в прошлых столетиях музыкантах и бахши, о прекрасных мелодиях и песнях в их исполнении. Ярчайшим представителем плеяды туркменских бахши является певец и музыкант конца XIX начала XX века известный под именем Шукур бахши. Он и поныне пользуется в народе большим уважением и почетом. Современное поколение хорошо знакомо с именем великого мастера-виртуоза благодаря повести Нурмурада Сарыханова «Шукур бахши» (1941 г.) и снятого по мотивам этой повести фильма.

В основу повести «Шукур бахши» автор взял одну из версий «исторического события» — известную в народе историю освобождения брата туркменского музыканта

Шукура из плена иранского хана, записанную со слов жителя селения Гиндигуш Ёлотенского этрапа, современника Шукура-бахши.

Образ Шукура бахши освещается как реалистичный. По условиям жизни, характеру, духовному миру Шукур бахши не отличается от трудового народа. Его музыкальное искусство близко и понятно людям. «Он был не из тех бахши, которые поглядывают на казан, и если не видят денег, то не радуют и не обрывают струны дутара. Всё, что нужно было ему, — это радость на лицах людей. Поэтому самые что ни на есть бедняки могли приглашать его к себе домой на празднества, и он играл им» [5, 12].

За это народ любит Шукура, и когда его старший брат попадает в плен, все, как один, собрались, чтобы помочь ему в освобождении брата. Они предлагали разные способы спасения пленника: выкуп, вооруженное нападение. Но у Шукура был свой план: — без оружия, вместо оружия — музыкальный инструмент — дутар,

«Я попытаюсь!.. Я поеду один, вот с этим дутаром, к самому хану, — уверенно говорит Шукур землякам. — Сыграю ему. Буду играть, как могу, в полную силу, во имя родного брата...Поеду не для того, чтобы шею перед ним сгибать. Явлюсь к нему с высоко поднятой головой. Не унижусь ни перед ханом, ни перед кем другим. Каждую минуту буду чувствовать вас за спиной. Решение мое неизменно, друзья мои, — твердо закончил Шукур» [5, 38].

Отправившись в Иран освободить брата, Шукур поднимается на горы, любителю ими, красотой своего родного края: «Густые сады, села, отары овец, а дальше видные до самого горизонта барханы Гарагумов... До чего же хорошо! До чего прекрасно!.. [5, 45]» И эта любовь к своему народу, гордость за него придают силы самому Шукуру и его музыке.

Он побеждает в состязании с ханским придворным музыкантом Гуламом. Все восхищены игрою туркмена Шукура, а главное — его новой песней, сочиненной там в горах. Так, в мирном бою силой музыки Шукур бахши добивается освобождения брата из плена и увозит его на родину.

Только человек, обладающий такими благородными чувствами, как гуманизм и патриотизм, связанный узами родства и взаимного понимания, может сочинить и исполнить такую понятную и вместе с тем волнующую мелодию.

В 1964 году на основе сюжета повести «Шукур бахши» на студии «Туркменфильм» им. А. Гарлыева был создан художественный фильм «Состязание» («Ярыш»).

Уважаемый Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов в замечательной книге «Музыка мира, музыка братства, музыка дружбы» приводит свои воспоминания о фильме и о Шукуре бахши: «Помню, как в детстве я впервые увидел этот фильм. Я был совсем ребёнком и эта кинолента произвела на меня сильное впечатление. И ощущение великого открытия — что можно не допустив кровавой бойни, победить противника с помощью искусства — я сохранил по сей день. С тех пор я не раз пересматривал эту замечательную картину, стараясь постичь тайну музыки, способной не только выразить сокровенные чувства, настроения человека, но покорить души слушателей, пролить в них свет, разбудить высокие порывы, передать добро как дар от сердца к сердцу...» [1, 18–19].

Этот фильм завоевал популярность не только в Туркменистане, но и за его пределами. Киргизский писатель Ч. Айтматов в статье «Музыка, перековавшая мечи на орала» писал: «Фильм «Состязание» заставил меня на многое в кино взглянуть заново, заставил о многом подумать... Я бы сказал, что это фильм вечной темы — дуэли добра и зла, войны и мира, искусства народного и искусства, поставленного на службу власти имущим» [2, 57].

Вписавший свое имя в историю туркменского народа золотыми буквами Шукур бахши всю жизнь занимался дайханством. Он был младшим среди трех сыновей Довата аги. Родившийся в 1831 году в Гокдепинском этрапе в селении Хурмант Гокдже сын Довата большую часть своей жизни провел в селении Душак Каахкинского этрапа. С целью увековечить память и отдать дань уважения известному музыканту одному из дайханских (сельских) объединений этого этрапа было дано название «Шукур бахши». В 1991 году в честь 160-летия музыканта именно здесь было проведено праздничное торжество.

Из различных исторических и литературных источников известно, что первыми наставниками Шукура были знаменитые Али бахши и музыкант Карадали Гоклен. Большое влияние в совершенствовании музыкального таланта Шукура бахши оказали и такие известные музыканты, как Гунгельды, Амангельды Гонибег, Батыр бахши, Кель бахши. В семидесятые годы XIX века в Гокдепе в селении Янгала близ Ашхабада была проведена встреча туркменских бахши и музыкантов. На эту встречу, в числе именитых гостей, был приглашен и Шукур бахши.

Шукур бахши не только сам являлся талантливым музыкантом, но и был горячим поклонником мастеров музыкального искусства. Он всегда находился в поиске музыкальных талантов. Шукур бахши обошёл и объездил многие уголки Туркменистана, выступая перед публикой, а также внимательно изучая исполнительские особенности своих коллег. Свидетельством этому является дошедшие до наших дней исторические факты о неоднократной встрече Шукура бахши с известными бахши из различных уголков Туркменистана: Балкана, Дашогуза, Лебапа; такими, как Гарадали Гоклен, Пальван бахши, Базар бахши, с наставником на музыкальном поприще Курбаном бахши.

Известный русский ученый В. А. Успенский встретился с Шукуром бахши в августе 1925 года в городе Мары, в самом начале своей работы по сбору и изучению образцов туркменских музыкальных произведений. Вот, что он говорит об этом в первой части книги «Туркменская музыка», написанной в соавторстве с В. М. Беляевым: «Во время посещения Мерва я познакомился со старейшим из музыкантов Шукуром бахши. В силу его возраста, бахши в то время было уже 94 года, я не мог просить музыканта снова и снова играть на дутаре, дабы перенести его музыку на ноты. Но слушая его игру, я убедился в памяти и исполнительском мастерстве бахши. Он рассказал мне о том, что в четырнадцатилетнем возрасте вместе со своим наставником Али бахши побывал в Хиве и Иране. От него же я услышал и легенды о создании дутара Платоном и Бабагамбаром. Много ещё ценных сведений дала мне эта встреча...» [6, 127].

В ценной с научной и музыкально-этнографической точки зрения работе В. Успенский разместил единственную в своем роде фотографию Шукура бахши.

Имеющиеся факты и материалы, которыми мы обладаем, дают нам право утверждать, что Шукур бахши был виртуозным исполнителем, обладал феноменальной памятью, во всех начинаниях проявлял творческое мастерство, хорошо знал жизненный опыт своих наставников, был знаком с историей возникновения отдельных песен и мелодий. Об этом говорят многочисленные факты, приведённые в названной выше книге «Туркменская музыка», воспоминания исполнителей и музыкантов, современников Шукура сына Довата, а также и поклонников его музыки.

Его имя и по сей день окружено множеством легенд и занимательных историй. Так, например, в народе бытует история о том, как во время игры на дутаре в одном из селений хана в Шукура влюбилась девушка лет 15–16, которая пришла послушать его музыку. Звали её Назбиби. Когда девушка узнала, что Шукур бахши семейный человек, она сильно загрузила. Жену Шукура бахши звали

Нургозель. Нургозель эдже не стало, когда бахши шёл уже восьмой десяток. Услышав об этом, Назбиби отправилась в долгий путь в селение Душак. Старейшины селения удивились и спросили девушку: «Нашему бахши исполнилось восемьдесят лет. Зачем тебе выходить за него замуж?». Назбиби была непреклонна, и им ничего не оставалось, как только связать их узами брака. Таким образом, бахши с Назбиби прожили в мире и согласии ещё долгое время.

Люди, окруженные любовью — счастливые люди, а счастливые люди живут долго. Возможно и Шукур бахши прожил так долго именно благодаря любви и уважению, которыми он всегда был окружён.

С Шукуром бахши происходило ещё много увлекательных историй. Будучи популярным среди народа, Шукур бахши часто отправлялся в дальние уголки (селения), куда его приглашали на той (праздник). Однажды, возвращаясь на коне со свадьбы, куда он был приглашен в качестве бахши, Шукур заехал в селение Сакарчаги близ города Мары. Устав с долгой дороги, он решил погостить в одном из домов. Подойдя к двери одной из юрт, он спросил, примут ли его в гости. Его приняли, несмотря на то, что хозяйина дома не было. Пройдя и сев вглубь юрты, Шукур стал оглядываться по сторонам. Из обстановки юрты было понятно, что здесь живут зажиточные люди. Его взор упал на расчехленный дутар, который был прислонён к стене. Не сдержавшись бахши взял дутар в руки и заметил, что его лады сделаны из серебра. Шукур бахши несколько раз ударил по струнам дутара. В этот миг в юрту вошла невестка этого дома. В руках у нее был заваренный чайник. Поставив его перед гостем, она спросила: «Взять, то его взяли, а играть то на нем вы можете? В нашем доме это очень почетное занятие». Немного обидевшись на слова молодой невестки, бахши наскоро

настроил дутар и так заиграл на нем, что забыл обо всем на свете. Дутар оказался настоящим сокровищем. Увлечшись игрой, Шукур бахши и не заметил, что пришел хозяин дома. Хозяин так и присел от удивления и восторга, завороченный волшебной мелодией и виртуозным исполнением гостя. Как только бахши перестал играть, молодой хозяин вскочил с места, обнял бахши и сказал: «Я не знаю, кто ты ага, но этот дутар отныне принадлежит тебе». Сказав эти слова, он вручил дутар с серебряными ладами гостю.

С тех пор Шукур бахши никогда не расставался с этим дутаром. Этот дутар помог ему освободить и брата их плена хана. Он победил Гулама бахши, играя именно на этом дутаре. Есть сведения, что в фильме «Состязание» исполнитель главной роли Шукура бахши Аман Хандурдыев играл именно на этом дутаре.

Посвятивший свою жизнь, свой талант, свое стремление развитию туркменской национальной музыки Шукур бахши прожил сто лет и скончался в 1931 году.

Шукур бахши оставил неизгладимый след в истории туркменской музыки и мировой культуры. Он стал символом миролюбия, служения интересам своего народа и истинного патриотизма. Эта великая личность, доказавшая всему миру, что зло, жестокость, вражду можно победить любовью и музыкой.

Шукур бахши символ и ярчайший пример, своей жизнью и своим творчеством опровергающий известное выражение: ««Когда говорят пушки, музы молчат». Человечество вновь подошло к переломному этапу, точке преодоления.

Настало время придать античной поговорке более актуальное, жизненно необходимое перенаправление: Когда говорят музы, пушки молчат!» [1, 269].

Литература:

1. Гурбангулы Бердымухамедов. Музыка мира, музыка дружбы и братства. Ашхабад, 2016 г.
2. Айтматов, Ч. Т. Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: Издательство АПН, 1988 г.
3. Самойлович, А. Н., Богатый и бедный в тюркских языках, — ИАН СССР, ООН, 1936, № 4.
4. Сапаров, А. Шукур бахши сын Довата. Журнал «Дияр», № 3 Ашхабад, 2011.
5. Сарыханов, Н. Шукур-бахши. — Ашхабад: Магарыф, 1984.
6. Успенский, В., Беляев В., Туркменская музыка. т. 1, М., 1928.

Роль фантастики в организации гротескного пространства текста

Бабенко Ирина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье систематизированы и проанализированы научные интерпретации фантастического как художественного кода гротеска. Сделан вывод о том, что наиболее отвечающей природе самого гротеска и подходящей для практического анализа текстов является концепция «завуалированной фантастики» Ю.В. Манна.

Ключевые слова: гротеск, фантастика, поэтика, художественный прием

Появление термина «гротеск» (франц. grotesque, итал. grottesco — причудливый, необычный, от grotta — грот, пещера) относят к XV в., когда был обнаружен неизвестный до этого вид римского живописного орнамента. Научное осмысление категории гротеска начинается с XVI в. («Опыты» (1580) М. Монтеня) и продолжается вплоть до нашего времени (работы И. Гёте, Ф. Шлегеля, В. Гюго, Г.В.Ф. Гегеля, В. Кайзера, Ф. Дюрренматта, Б. Дземидока, В.Э. Мейерхольда, К.С. Станиславского, В.В. Виноградова, Б.М. Эйхенбаума, С.М. Эйзенштейна, Н.Я. Берковского, А.С. Бушмина, Ю.Б. Борева, Л.Е. Пинского, М.М. Бахтина, Ю.В. Манна, А.Ф. Лосева, Д.П. Николаева, О.В. Шапошниковой, С.Е. Юркова, Е.Р. Меньшиковой, Д.В. Козловой и многих других).

Современное значение термина постепенно выстраивалось в попытках осмысления гротеска как категории эстетики, начавшихся с XIX века в литературоведческих, философских, культурологических трудах и продолжающихся в настоящее время. В связи с непрекращающейся работой ученых над уточнением теоретической составляющей гротеска особую важность имеет изучение художественных кодов, т. е. знаков его присутствия в тексте.

Одним из ключевых для гротеска кодов является фантастика. Поясним, что в данном случае речь идет о фантастике как о художественном приеме, а не жанре или литературном направлении. Этот аспект понимания так интерпретируется исследователями: «Фантастика — специфический метод отображения жизни, использующий художественную форму-образ (объект, ситуацию, мир), в котором элементы реальности сочетаются несвойственным ей, в принципе, способом — невероятно, «чудесно», сверхъестественно» [7, с. 887]; «фантастика — прием для выражения экспрессивности <...> может быть присуща как различному жанровому содержанию (романическому, этологическому и т. д.), так и различным принципам отражения жизни, литературным родам и др.» [8, с. 71].

Фантастический характер гротескной образности подчеркивается уже в ранних определениях термина, акцентирующих внимание на необыкновенном, «чудесном» соединении различных элементов. С развитием теоретической

мысли мнение ученых о формах и функции фантастики в гротеске разделилось. Одни теоретики считают, что фантастика — встречающийся в большинстве случаев, но не константный элемент гротескного образа, который может и не присутствовать в нем (Я.О. Зунделович, Ю.В. Манн и др.). Возможность существования гротескного образа без «фантастического компонента» не отрицал и Ю.В. Манн в работе «О гротеске в литературе»: «не фантастика является главной приметой гротеска, она сама играет в нем роль подчиненную. Больше того, возможен гротеск и без фантастики» [5, с. 20]. Чрезвычайно важна классификация гротескных произведений по характеру фантастики, предпринятая ученым: первый (наиболее распространен) тип представляет собой развитие каких-либо качеств, характеристик персонажей, во втором типе произведений фантастика составляет исходный пункт развития сюжета, т. е. включает «фантастическое предположение». Для первого типа характерно восприятие фантастики как «формы существования определенных качеств, как их логическое развитие (хотя прямой механической связи между фантастикой и этими качествами может не быть)» [5, с. 77]. Развертывание фантастического действия проясняет характер этой взаимосвязи, обычно сложной и многомерной. В произведениях, относящихся ко второму типу, фантастическое «кажется как бы навязанным по отношению к определенным персонажам и явлениям <...> Читатель (как и автор) с началом фантастического предположения принужден делать известное допущение» [Там же]. С развитием действия ощущение неестественности стирается, проясняется теснейшая взаимосвязь реальных и фантастических явлений, обнаруживаются глубинные предпосылки «фантастического предположения», лежащие в природе вещей. Полагая, что гротеск может обходиться и без фантастических образов, Ю.В. Манн не умалял их роли в поэтике текста: их завораживающая странность «звучит в произведении, пожалуй, самым сильным, завершающим аккордом» [5, с. 94], дает основание для поиска в реальной действительности тех закономерностей, которые лежат в основе сопоставления реального и фантастического.

С.М. Эйзенштейн, А.С. Бушмин, Ю.Б. Боров, Д.П. Николаев и другие исследователи полагают, что на-

личие фантастических элементов — обязательный и важнейший признак гротеска. Так, С. М. Эйзенштейн отмечал, что особую специфику гротеска создают «элементы искусственного сведения фантастики и реальности» [9, с. 106]. Ю. Б. Боров трактует гротеск как «целенаправленное заострение с помощью фантастического изображения» [2, с. 346]. Исследователь считает, что создание гротескного образа невозможно без «выхода за пределы вероятного» [Там же]. Эту же точку зрения поддерживает А. С. Бушмин, давая следующее определение: «Гротеск — искусственное, фантастическое построение сочетаний, не встречающихся в природе и обществе» [3, с. 478]. Различия между приведенными концепциями заключается в том, что Боров полагает фантастику одним из *средств* создания гротескного образа, обязательную составляющую его структуры, а Эйзенштейн и Бушмин — основополагающим *принципом* построения гротеска. Д. П. Николаев, обращаясь к вопросу о форме и функции фантастики в создании гротескного образа, ориентируется на концепцию немецкого исследователя Г. Шнеганса, который считал, «что гротеском является не всякое преувеличение, а такое, которое носит фантастический характер» (курсив Д. П. Николаева. — *И. Б.*) [6, с. 30]. Исследователь соглашается с этой точкой зрения, называя наличие фантастических элементов, построений, заострений — структурообразующим принципом любого гротескного образа: «Гротеск в литературе и искусстве появляется тогда, когда налицо *переплетение, смешение* фантастики с действительностью, нереального с реальным, настоящего с будущим (или прошлым). Порой гротеск образуется и сочетанием реального с реальным, но в таком случае само это сочетание носит фантастический характер» (курсив Д. П. Николаева. — *И. Б.*) [6, с. 32]. Исследователь замечает, что фантастика — это характерный признак гротеска, но не всякий образ, заключающий в себе фантастические черты, является гротескным. Поэтому на первый план при определении гротескового характера произведения выдвигается именно «смешение» реального и фантастического, их причудливый сплав.

Интересно, что М. М. Бахтин в своем фундаментальном исследовании гротеска практически не затрагивает проблему фантастики, однако полагает фантастичность неотъемлемой частью карнавального действия, органичным элементом народной смеховой культуры: «Жизнь на короткий срок выходит из своей обычной <...> колеи и вступает в сферу утопической свободы. Самая эфемерность этой свободы только усиливала *фантастичность* и утопический радикализм создаваемых в праздничной атмосфере образов» (курсив мой — *И. Б.*) [1, с. 102].

Для характеристики гротеска в исследуемых нами драматургических произведениях необходимо актуализировать специфический гротескный принцип создания фантастических образов — принцип завуалированной (неявной) фантастики (термин Ю. В. Манн, подробно освещенный в работе «Поэтика Гоголя» (1988)). «Завуалированная фантастика» создавалась с помощью целой

системы поэтических средств: концентрация фантастического начала в строго определенном месте произведения (фантастической предыстории); перевод повествования о фантастических происшествиях в форму слухов, предположений, сна, что позволяет снять однозначность трактовки явлений, размыть причинно-следственные связи, намеренно усложнить, даже запутать генезис образа; также формированию фантастического образа может служить ситуация опьянения или вызванного другими причинами помутнения рассудка персонажа, к этой же разновидности относится и мотив безумия героя — один из сложнейших и определяющих мотивов гротеска. Ю. В. Манн подробно охарактеризовал фантастические элементы применительно к гротескным произведениям Н. В. Гоголя, однако, мы полагаем, что эти определения можно использовать и при анализе любых гротескных образов, в частности в исследуемых нами драматургических текстах, тем более что все изучаемые авторы в той или иной степени рецептировали традиции классика. Ю. В. Манн предлагает различать «выражение странно-необычного в плане изображения и в плане изображаемого» [4, с. 101]. *Странно-необычное в плане изображения* включает в себя: «странное в расположении частей произведения; нарушение объективной системы воспроизведения действия и, наконец, алогизм в речи повествователя» [Там же]. Необычность композиционного решения включает в себя пропуск или нарушающую логику повествования перестановку частей произведения, «неожиданное», но нарочито открытое соединение разных произведений в одно. К элементам, разрушающим автономию действия, относится появление «сигналов», «демонстративно обращенных к нашему восприятию» [4, с. 103]: например, реплики к публике, включение эпизодов, не относящихся к основному действию, фрагментарный характер действия и т. д. *В плане изображаемого* ученым выделены следующие *формы проявления фантастического начала*: необычное в поведении вещей, чаще всего необъяснимое никакими объективными причинами; аномалии во внешнем виде героев и окружающих их предметах; «странное вмешательство животного в действие» [4, с. 112]; «дорожная путаница и неразбериха» [4, с. 113]; алогизмы в поведении персонажей, нарушение логической связи между поступком и причиной, повлекшей его; необычность речевой характеристики персонажа: нарочитые ошибки в построении умозаключений, реплик, лексических и синтаксических конструкций; странные имена и фамилии героев, воспринимаемые как аномальные на фоне традиционных номинаций; и, наконец, «непроизвольные движения и гримасы персонажей» [4, с. 123]. Последняя (из указанных) черта гротескной фантастики имеет тесную связь с традициями народной культуры, которая связывала непроизвольные движения и невозможность контролировать некоторые физические процессы со сверхъестественными силами, а также соответствует общей тенденции к распаду, отсутствию цельности.

Таким образом, фантастика является одним из основных приемов организации гротеска в художественном произведении. Чаще всего гротескные фантастические образы являют собой следствие гротескной гиперболизации, что определяет их специфику. На наш взгляд, при

исследовании текстов, содержащих в себе элементы поэтики гротеска, необходимо ориентироваться на концепцию Ю. В. Манна о завуалированной фантастике, охарактеризованную выше, как наиболее теоретически обоснованную и отвечающую характеру изучаемого материала.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. // Собр. соч.: в 7 т. — М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2).
2. Боров, Ю. Б. О комическом. М.: Искусство, 1957.
3. Бушмин, А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1959.
4. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1988.
5. Манн, Ю. В. О гротеске в литературе. М.: «Советский писатель», 1966.
6. Николаев, Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М.: Художественная литература, 1977.
7. Нудельман, Р. И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Стб. 887–895.
8. Чумаков, В. Фантастика и ее виды // Вестн. Московского университета. Сер. 10: Филология. М., 1974. Вып. 2. с. 68–74
9. Эйзенштейн, С. М. Неравнодушная природа // Собр. соч.: в 6 т. М.: Искусство, 1964–1971. Т. 3, 1964. с. 20–54.

Концепт «семья» в русской и турецкой лингвокультурах

Батанова Ильсияр Аликовна, ассистент
Московский государственный гуманитарно-экономический университет

В статье рассматривается универсальный концепт «Семья», отражающий языковую картину мира в русской и турецкой языковых лингвокультурах.

Ключевые слова: концепт «семья», культура, лингвокультура

Многогранная сфера семейных отношений и семейного быта является важнейшей частью культуры любого народа, вне связи с которой невозможно создать представление о его культурном и историческом облике в целом. Семья — это естественная группа, основанная на супружеском союзе и родственных связях, в которой со временем возникают стереотипы взаимодействия. Эти стереотипы оказывают прямое влияние на создание семейной структуры, что, в конечном итоге определяет функционирование каждого члена семьи, очерчивая диапазон его поведения.

Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и ее орудие. Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система. С лингвокультурологической точки зрения язык и культура считаются формами сознания, отображающими мировоззрение человека, и описываются в синхронном их взаимодействии, поскольку язык служит средством накопления и хранения культурно значимой информации [2].

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, формах общественного со-

знания на разных уровнях, поведенческих стереотипах и нормах, предметах материальной культуры и т. д. Языковая картина мира каждого народа является отражением его национального менталитета. Концепт, как ментальная сущность, имеет национально специфические черты, соотносимые с мировидением, культурой, обычаями, верованиями, фантазией и историей народа. Концепт «семья» является одним из ключевых в русской и турецкой культуре.

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что концепт семья относится к ключевым концептам турецкой и российской языковых картин мира. Изучение этого важного элемента национальной концептосферы турецкого и русского этносов лингвистическими методами представляет научный интерес в связи с пристальным вниманием к проблемам семьи и ее сущности в современной науке и социальной практике.

Концепт рассматривается нами как определенное понятие, единица ментального уровня, которая хранится в памяти носителей языка в вербально обозначенном виде и характеризуется совокупностью когнитивных и ассоциативных установок, присущей определенной лингвокультуре.

Любой концепт вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке,

а также в тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком и невысказаны без него, это результат соединения словарного значения слова с личным и этническим опытом человека

Для обозначения современного понятия *семья* в турецком языке используется заимствованное из арабского языка слово *aile*. Этимологический словарь современного турецкого языка дает следующее толкование внутренней формы слова *aile*: «обязанность одного человека присматривать за домочадцами», «забота, уход, пропитание, воспитание, снабжение всем необходимым для жизни». Древнерусское слово **сьмига** трактуется как «челядь домочадцы, рабы», «семья, семейство». Таким образом, этимология слова восходит к обозначению территориальной общности. Интерпретация внутренней формы русского слова *семья* позволяет говорить об исконной общности русской нации, о соборности, которая является глубинной психологической доминантой русского культурного пространства.

Главной основой брака считается любовь будущих супругов. При этом считается, что со временем супруги от любви мирской должны вместе прийти к любви возвышенной, божественной. При этом к одной из основных особенностей брака относится его моногамность (форма брака и семьи, в которой человек имеет только одного партнера во время своей жизни). Если раньше устанавливалось правило пожизненного брака, без возможности развестись, то в последние десятилетия данное правило редко, когда соблюдается и процент разводов возрос.

Взаимоотношения в браке раньше предполагали такие отношения, при которых жене следовало быть смиренной и находиться «за мужем», а мужу необходимо было быть главой семьи и нести всю ответственность за её существование. Позднее эти отношения несколько изменились, и сейчас не редкость, когда главой семьи становится жена.

Несмотря на главенство мужчины в семье, имущество супругов часто было раздельным. Приданное и имущество, приобретённое женщиной самостоятельно, считалось её личной собственностью. Сейчас в русской семье может существовать как раздельное, так и совместное имущество.

Известно, что ещё на Руси в семьях присутствовали определённые русские семейные традиции. Составление подробной родословной, своего фамильного дерева являлось неотъемлемой частью традиций каждой семьи. Когда появились фотоаппараты, люди стали составлять, а потом и хранить семейные альбомы. Этот обычай успешно дошел и до наших дней — наверное, у большинства имеются старые альбомы с фотокарточками дорогих сердцу родных.

К семейным традициям относятся совместные чаепития, вечер совместного чтения книг и прослушивания музыки. Также семьей часто входили в театр, совершали совместные прогулки. Это укрепляло семейные отношения. Забота о состоянии и здоровье детей всегда лежала на матери. Это до сих пор сохранено. В русской семье всегда были распределены обязанности по дому. Исконно русской семейной традицией было и остается почитание

памяти родственников, поминание ушедших, а также уход и постоянная забота о пожилых родителях. Ранее очень популярно было называть родившегося ребенка в честь кого-то из членов семьи. Важной семейной традицией является присвоение ребенку отчества. Таким образом, уже при рождении малыш получает часть имени рода. На Руси существовали профессиональные династии — целые поколения пекарей, врачей, военных. Вырастая, сын продолжал дело отца, потом это же дело продолжал его сын, и так далее.

С давних времен турецкий народ придает большое значение семье и каждого члена семьи наделяет своими правами и обязанностями. В наше время турецкие семьи являются патриархальными, т. е. главой семьи выступает отец. В семьях с глубоким почетом относятся к старшим. А взрослые в свою очередь предельно заботливы по отношению к детям.

Родители делят свои обязанности в воспитании детей. Принято, чтобы женщины воспитывали в детях нежность и милосердие, мужчины же играют важную роль в становлении характера ребенка. Таким образом, ребенок воспитывается как нравственно, так и духовно. Ребенок относится с нежностью к матери и с уважением к отцу. Это очень важный принцип воспитания. Потому что если только один из родителей будет примером доброты, авторитетом и воспитателем для ребенка, то это непременно станет препятствием на пути к его верному воспитанию.

Мужчина несет ответственность за материальное положение семьи. Женщина по своему выбору может работать или нет. Она отвечает за домашние дела. В особенности за отношения между детьми в доме, за их образование. Женщины, как правило, устраиваются на работы, не требующие затраты сил и энергии.

В семье важно наличие ребенка. Если пара, по каким-либо причинам не может иметь ребенка, то она готова затратить целое состояние на лечение. К сожалению, многие семьи распадаются из-за такой проблемы.

Для турецких семей важны также и религиозные праздники. В эти дни, как правило, все родственники собираются вместе, навещают старших.

Турки придают большое значение таким дням как рождение ребенка, похороны. Они вместе хотят поделиться своими радостями или разделить горе.

По турецким традициям в брак разрешено вступать в раннем возрасте. Однако есть одно «но». Мужчина не имеет права понижать социальный статус своей будущей супруги. Поэтому в Турции редки браки между людьми разных социальных слоев. Развод в Турции происходит согласно юридическим нормам и оформляется документально. По мнению турок, развод уже не является стыдным и греховным, но, тем не менее, по данным статистики очень низкий процент разводов. Поводом для развода служат шесть причин: измена одного из супругов, покушение на жизнь одного из супругов, один из супругов ведет аморальный образ жизни, бегство из семьи, инвалидность и несовместимость характеров. По взаимному

согласию никто не разводится, так как это не обоснованная причина.

Турки традиционно создают нуклеарные семьи. Это семьи, в которых вместе живут несколько поколений. В настоящее время люди стали возвращаться к такой форме семьи. Даже если они не живут в одном доме, то стараются жить по соседству друг с другом.

По сложившейся традиции главой семьи беспрекословно считается самый старший мужчина. Его указания в семейном клане никто не смеет обсуждать или осуждать. Глава семьи должен заботиться о финансовом благополучии и представлять свою семью перед другими близкими родственниками. Согласно многовековой традиции мужчины ходили в магазины или на рынки. Это входило в их обязанность.

Женщины в турецких семьях проявляют уважение и повиновение к своему супругу. Все заботы, связанные с домом, ложатся на плечи матери. Стоит отметить, что с юридической точки зрения права женщин в отношении владения частной собственностью, наследования и образования не ущемлены. Большинство женщин стремятся почтить традиции своих предков. Они носят скромные наряды, порой закрывают свои лица полностью или частично. Самое важное для мужчин — это благое отношение к жене и детям. А самым дорогими затратами должны быть затраты, сделанные для семьи.

Еще с давних времен турки женились только на одной женщине, это же советует и старшее поколение.

Вышеуказанные правила описывают идеальную турецкую семью. Конечно же, в современном обществе по социальным и экономическим причинам в Турции могут встречаться и некоторые изменения. Однако, можно сказать, что, не смотря на эти изменения, в целом турецкие семьи продолжают придерживаться старых укладов.

Местный этикет предписывает вежливое обращение, особенно к пожилым людям. К ним принято обращаться «господин» и «госпожа». На праздниках все собираются компаниями в зависимости от возраста и пола. Допустимо при приветствии друзей или близких родственников держаться за руки или обниматься, а также поцелуй в щеку. В других случаях мужчины приветствуют друг друга крепкими рукопожатиями. Если на встрече присутствует женщина, то она может не протягивать руку, чтобы поздороваться. В театре или в других местах женщина всегда выбирает место рядом с другой женщиной, а мужчина садится рядом с женщиной, если она ему разрешила.

Для русской и турецкой лингвокультур характерна ценность контактов с близкими родственниками, хотя их состав отличается в рассматриваемых социумах. Для пред-

ставителей русского и турецкого обществ к числу близких родственников относится еще и старшее поколение.

У русских и турецких людей понятие *семья* связано с наличием родственников: *родственники* (0,1%); *родные* (0,1%); *родня* (0,4%) и *akrabalık* («родство») (0,9%) соответственно. Ответ *родные* указывает на то, что русские очень высоко ценят теплые межличностные отношения, которые начинают приобретать все большую ценность в сознании людей. Таким образом, родство разного рода оказывается очень актуальным и чрезмерно важным в обоих рассматриваемых лингвообществах. [1]

Общим в представлении о семейном образе для русских и турок стало понятие любовь: у русских 1,5%, у турок — 11,8%. Видимо, турки больше, чем русские, ассоциируют это понятие с семьей. Для русских же любовь — это, прежде всего чувство между двумя любящими людьми; турки в большей степени относят понятие любовь к членам семьи. Другими общими ответами стали реакции *menlo* и *sıcaklık*, *счастье* и *mutluluk*. Для русских семья — это также *радость* дружба, гармония, для турок — *bağlılık* («преданность»), *güven* («доверие»), *destek* («поддержка»), *sadakat* («верность»). [3]

В результате сопоставления концепта «семья» в разноструктурных и генетически отдаленных языках можно сделать вывод о наличии общих и релевантных характеристик. К универсальным характеристикам можно отнести: сходный состав ядра поля; выделение эквивалентов в сопоставляемых языках для всех частей речи.

С точки зрения религиозной морали, брак значим во всех лингвокультурных обществах. Основу библейской концепции семьи составляет тезис о святости супружества. В турецком социуме брак является священной обязанностью мусульманина: тур. *nikahla keramet vardır*; в рус. браки заключаются на небесах.

Таким образом, русскому языковому сознанию в прошлом были присущи все те же признаки концепта семья, что и турецкой лингвокультуре по сей день. Мы находим их реализацию и отголоски в диалектах, в говорах, в устном народном творчестве. Универсальным для обоих пространств можно считать представление о семье, как о единстве, возникающем на основе не только кровных, но и брачных уз и включающем в свой состав множество членов, проживающих на одной общей территории. Однако, во 2-й половине XX века в России вместе с изменениями в политике, экономике и общественных структурах существенным образом изменились и представления о семье, тогда как в турецком обществе в большей степени сохранились традиционные взгляды на рассматриваемый концепт.

Литература:

1. Ekrem Asar. *Yağır çaymadan Çocuk Eğitimi*. — 2007
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 67 с.
3. Новый турецко-русский и русско-турецкий словарь 100000 слов и словосочетаний. — М.: ООО «Дом Славянской книги», 2015—992 с. Составители: Богочанская Н. Н., Торгашова А. С.

4. Ожегов, С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; — 3-е изд., стереотипное — М.: АЗЪ, 1995. — 928 с.
5. Сидорш, И. П. Концепт семья в ассоциациях носителей русского и турецкого языков // Работа представлена кафедрой русского языка как иностранного. Саратовского государственного медицинского университета. — 2008. — № 63-1. — с. 323-329.
6. Сайт «Enjoy Turkey» [Электронный ресурс]. URL: http://www.enjoyturkey.com/info/culture/Life_Style.htm (Дата обращения: 10.10.2016)
7. Сайт «Masterrussian» [Электронный ресурс]. URL: http://masterrussian.com/russianculture/russian_family.htm (Дата обращения: 11.10.2016)

Нужно будет постичь нравственные законы... Или где живет кысь?

Гаркуша Людмила Константиновна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Лицей № 1» г. Воронежа

Хотим мы того или нет, книга начинает занимать все меньшее место в жизни сегодняшних школьников — поколения грядущих десятилетий. Беда в том, что научить будущего взрослого человека различать «плохое» и «хорошее» современному учителю становится все сложнее. Конечно, нам, учителям — словесникам, чьи вкусы определились и сформировались при помощи признанных классических образцов, приходится считаться с тем, что нашим ученикам скучно на уроках литературы обсуждать проблемы, волновавшие великих писателей прошлых веков. Им нужно формулировать свои вопросы и искать на них свои ответы, поэтому они и осваивают новые «жанры» на страницах «контактов», постигают там же сладостные законы словотворчества, оставляют «анонимный», но свой след в многочисленных дискуссиях...

Нам-то, учителям русского языка и литературы, страстно хочется, чтобы книга оказалась незаменимым и даже, может быть, единственным фундаментом в формировании будущего нравственного человека. Конечно, это бесконечно интересные и замечательно написанные книги Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, новые книги современных авторов: В. Распутина и В. Астафьева, Б. Васильева и В. Быкова. Мы-то читали и не устаем восхищаться! И яростно тащим школьников к пониманию книги как феномена духовной культуры. А если не поймут? Не прочитают? Не сэбергут «великий и могучий» лучший язык в мире? И не завтра, а сегодня придется нам жить вместе с ними, вчерашними школьниками, в новой реальности?

Об этом думаю, готовясь к уроку внеклассного чтения в любимом одиннадцатом классе... Приказала прочитать книгу — роман Татьяны Толстой. «Кысь»... О чем мне они завтра расскажут?

О людях-мутантах? О людях, переживших взрыв? О людях, пострадавших в экологической катастрофе? Или догадаются: книга о тех, кому пришлось жить во времена катастроф нравственных. Возможно, о наших современниках, о нас....

Что определяет нашу жизнь? «Могозины»? «Осфальт»? «Пинзин»? «Оневерстеецкое образование»? Сумели ли наши современники дать правильную оценку таким понятиям, как искусство, «фелософия», «традиция», «энтелегенция»? По каким признакам причисляют себя к роду человеческому? Только ли по количеству рук и ног? Почему считают себя людьми? Потому ли, что в «распашонке», где они живут, есть «телевизор Рубин», «стенка югославская», «фотообои золотая осень», а полы польским лаком покрыты? Вот и главный герой романа, Бенедикт, пальцы на руках и ногах пересчитал, алфавит выучил, научился мышей ловить (т. е. нашел свой собственный способ стать богатым, сытым и счастливым) — и причислил себя к людям.

На этом месте нужно будет остановиться и по-стариковски, по-учительски спросить: «А что определяет вашу жизнь? По каким признакам считаете себя людьми?» Ответят не задумываясь. И про милосердие, и про духовность, и про нравственные идеалы. Хорошо, правильно. Что дальше?

В Бенедикте — два начала. Одно — от отца, другое — от матери, которая «из прежних». Это и позволяет ему чуть приблизиться к более или менее образованным и порядочным людям. О том, какое начало победит, мы задумываемся, когда читаем главу «Наш». Наш? Чей?! В этой главе рассказывается о том, как Никита Иваныч отрубает Бенедикту «хвостик», совершая его «частичное очеловечивание». «Может, поумнее будешь», — говорит он Бенедикту. В этой же главе читаем о том, что герой принимает решение жениться, войти в семью Кудеяровых. И теперь в Бенедикте будет все меньше человеческого: то к Оленьке «прыг под одеяло», то бежит к миске с пирожками. Шкуры в саях постелены, шкуры сверху — вместо одеяла... Подушки с курьим пером...

Теперь буду спрашивать, что такое «хвостик», который нужно «отрубить», чтобы стать человеком. А сколько раз запрещала себе задавать на уроке вопрос, если сама не знаю ответа! О чем будем говорить? Наверное, о животных

инстинктах, о желании сладко есть и сладко спать, о способности души бороться со своим ленивым хозяином — человеком. Вероятно, пошучу: «Кто в субботу после шестого урока в кабинете литературы хвост потерял?»

Любимое занятие Бенедикта — читать книги. Он читает все подряд, часто не понимая смысла. Например, книга «Плетение жинковых жакетов» — для него книга о свободе, потому что «при привязывании проимочки делаем две петли с накидом, для свободы движения». И все-таки он не просто читает, он ищет «главную книгу, где сказано, как жить». Этот вопрос — как жить? — и есть главный вопрос романа. Как жить после того, как сумеешь избавиться от хвоста? Нужно будет не только выучить «легкий алфавит», но и постигнуть азбуку жизни, с «трудной» фитой. Нужно будет постичь нравственные законы. Может, тогда и произойдет процесс «очеловечивания»?

Здесь, разумеется, о роли книги в процессе формирования личности. Как часто об этом говорим! В десятый, в двадцатый, в сотый раз повторю: «Книга не только источник знаний, хорошая, умная книга... Без книги...» Это без шуточек, это святое. Ну и о том, как постичь «нравственные законы».

«Нравственные законы, — учит Бенедикта Никита Иваныч, — строго предопределены огненными буквами — в книге бытия! И пусть эта книга скрыта от наших близи-руких глаз, пусть перепутаны ее страницы, дик и невнятен алфавит, но все же есть она. Жизнь наша есть поиск этой книги, бессонный путь в глухом лесу... Выйти же из этого «глухого леса» (т. е. постичь нравственные законы) можно

лишь при помощи образования. И здесь полезным окажется все: и философия Канта, и стихотворения Пушкина. А по-другому нельзя... Потому что в «глухом лесу» живет кысь. Набросится она на человека, и весь разум из него выйдет. «Вот чего кысь-то делает»!

В конце урока по традиции... Почему роман называется «Кысь»? Кто это кысь? Что это? Прочитую: «Человек есть перекресток двух бездн, равно бездонных и равно непостижимых: мир внешний и мир внутренний». Прочитаю отрывок из интервью с автором:

— Кысь, которой до смерти боится Бенедикт, это и есть внутренний страх?

— Это много чего... Она в лесу живет, и если о ней думать, то она придет.

Так современная писательница Т. Толстая ответила на вопрос, где живет кысь. И уже потом, говоря про мышей, добавила: «Когда человек убавляет свое человеческое присутствие, становится все менее и менее нравственным и впадает в животное состояние, тогда...» Что тогда? Тогда на помощь должны прийти нравственные законы, которые нужно современным детям постичь... Которые наши будущие взрослые могут постичь. Если прочитают книгу и поймут, зачем читали. Если учитель-словесник научит находить и читать книгу. Лучше ту, которая написана в недалеком прошлом.

Школьники (особенно старшеклассники) и сегодня страдают, делят с нами, взрослыми, этот «кошмарный», но отчасти даже уютный мир. Они ищут истину. Как умеют... Потому что мало читают. Кто виноват — неважно. Важно — что делать?

Функции пейзажных описаний в художественном произведении

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет (г. Оренбург)

Цель заявленной статьи состоит в определении функций пейзажных описаний и их роли в общей системе образов художественного произведения. Пейзажные описания в художественном произведении являются предметом изучения многих исследований. Термин «пейзаж» принадлежит к числу довольно часто употребляемых и неоднозначных понятий. Чаще всего исследователи исходят из понимания пейзажа как рисунка, изображающей природу, а также описания природы в художественном произведении.

В нашей статье мы придерживаемся определения пейзажа, представленного лингвистическом энциклопедическом словаре: «пейзаж — жанр изобразительного искусства, в котором основным предметом изображения является первозданная, либо в той или иной степени преобразованная человеком природа» [3, с. 512].

Как один из составляющих художественного образа пейзаж прошел долгий путь развития. С течением времени менялись его содержание и функции в зависимости от литературных течений и индивидуальных стилей того или иного писателя. Вплоть до XVIII века не существовало понятия пейзажа как объективно-реального изображения действительности. Открытие пейзажа связано с пониманием новой роли человека, неразрывно связанного с природой. По замечанию Н. А. Бабевой, «до той поры, пока пейзажу в книге отводилась только малая декоративная роль — информировать читателей, когда и где происходят события, на каком свете мы, так сказать, находимся — заботы об описании живой природы не слишком-то обременяли автора». [1, с. 595].

С развитием литературы писатели стали уделять больше внимания картинам природы, постепенно пейзаж

становится неотъемлемой частью художественных произведений. Как отмечает Г.Н. Толова: «пейзажная единица практически всегда занимает в творчестве отдельного писателя сильную текстовую позицию» [5, с. 12].

В то время как в живописи пейзаж в ряде случаев имеет самостоятельное значение как законченное художественное произведение, в литературе пейзаж обычно включен в общую систему образов произведения [5].

Отражая различные ступени и стороны духовного освоения человеком окружающего мира, искусство пейзажа несет в себе большой мировоззренческий смысл. Красота природы существует независимо от желания человека, но она всячески влияет на его сознание, напоминает ему о вечном.

Писатели научились лучше видеть, слышать и понимать природу, выражать через пейзажные описания свои чувства, мысли и настроение. В сравнении с природой писатель мог подчеркнуть характеры героев, отразить их помыслы и поступки. Пейзаж стал рассматриваться не только как средство выражения определенного содержания, связанного с описанием природы, но и как способ построения текста, формирования его темы и идеи, как текстовая единица, реализующая структурно-содержательную целостность художественного текста [6].

В зависимости от выполняемых в произведении функций, пейзаж может иметь разнообразные формы проявления: пейзажные описания, пейзажные образы, пейзажи-предварения, пейзажные штрихи, пейзажные детали, психологические и эпические пейзажные параллели. В связи с этим вопросом, возникает необходимость ограничивать собственно пейзаж от черт, элементов, мотивов пейзажности. Н. Мурадалиева предлагает различать два элемента в художественном произведении: пейзажная деталь и пейзажная картина [4].

Пейзажной деталью является образная деталь, заключающая в себе информацию, эмоциональное содержание, эстетическую оценку и позицию автора. Пейзажная деталь в художественном произведении выступает, как правило, в форме различных тропов. Это не предмет изображения, а средство изображения предмета. Пейзажная деталь играет служебную роль в контексте: на пейзажной детали основана метафорическая образность, воссоздающая облик героя художественного произведения. Пейзажная картина (собственно пейзаж) сама является предметом описания, воссоздания окружающей природы [4].

Единая классификация пейзажей, как лингвистами, так и литературоведами, до сих пор не выработана, поскольку лингвистическое исследование пейзажных описаний предполагает возможность разнообразных подходов к изучаемому явлению.

Г.Н. Толова в своем исследовании предлагает разделять пейзажные описания, основываясь на их местоположении в композиции художественного произведения. Они могут быть: инициальные; интертекстуальные; финальные [5].

Учитывая объем и локальные расположения пейзажа в тексте, исследователи выделяют следующие его типы:

а) контурный или штриховой (основан на кратком изображении, к которому автор обращается один раз);

б) дисперсивно-штриховой (состоит из нескольких кратких деталей-штрихов, называющих определённый признак);

в) компактно-дескриптивный (представлен одной объемной диктемой);

г) дисперсивно-дескриптивный (ряд развернутых пейзажных описаний, рассеянных по повествованию).

Данные виды словесного пейзажа могут рассматриваться как единицы контекстно-вариативного членения текста [2].

Существует классификация пейзажей в соответствии с географическими и временными признаками. Исходя из этих признаков, выделяют следующие типы пейзажных описаний:

— пейзажи годового и суточного природного цикла (описания природы в какое-либо время суток или время года);

— географические пейзажи (горы, леса, моря, реки, пустыни);

— пейзажи вертикального и горизонтального пространства (небо, солнце, луна, овраг, равнина, луг);

— спокойные и бурные пейзажи (штиль на море, шторм, буря, ураган);

— естественные и искусственные пейзажи (привычный глаз, земной пейзаж; пейзаж, созданный фантазией человека) [6].

Отметим также, что пейзаж является одним из средств сюжетно-композиционного построения произведения. Исходя из данного положения, исследователи выделяют статическое или динамическое пейзажное описание. Статическое описание не входит во временное развитие действия, динамическое описание, напротив, включено в событие (чаще всего пейзаж дается через призму восприятия героя при его передвижении) [1].

Пейзаж постоянно встречается в произведениях разных стилей, которые, причем особенности пейзажа, определяясь спецификой стиля, приобретает свое функциональное своеобразие в каждом данном случае.

Неоспоримым признается тот факт, что пейзажное описание играет важную роль в художественном произведении. Практически любой пейзаж несет в себе эмоционально-оценочное содержание и служат для яркой характеристики обстановки, в которой развивается действие. Также пейзажное описание является одним из главных средств раскрытия характера героев произведения, оно незаменимо для тонкого анализа психологического состояния их души. Кроме того, картины природы могут служить для выражения какой-либо мысли автора, его чувств и переживаний, для передачи его отношения к происходящему. От авторской позиции зависит смысл, вкладываемый в описания природы, их взаимосвязь с другими компонентами художественного произведения, что обу-

славливает выбор языковых средств, используемых для изображения природы и включения пейзажа в систему текста [5].

Пейзаж в художественном произведении может выполнять разнообразные функции:

- 1) моделирующая или координирующая функция;
- 2) создание местного колорита, изображение характерных черт местности, в которой происходят события;
- 3) сигнализирующая функция свидетельствует о переходе от одной композиционно-речевой формы к другой;
- 4) функция возврата к природному началу, нравственной опоре, при которой пейзаж выступает как одно из условий, определяющих жизнь и быт человека. В этом смысле природа и человек оказываются нераздельными, воспринимаются как единое целое;
- 5) символическая функция превращает пейзажное описание в символ объекта описания;
- 6) эстетически настраивающая функция привлекает внимание читателя к сообщаемой информации; природа в произведениях часто поэтична и прекрасна [1].

В зависимости от эстетической функции пейзаж может быть:

- эпическим;
- лирико-психологическим;
- историческим;
- философским [6].

В соответствии с этими функциями можно говорить о пейзаже-фоне, об эмоциональном пейзаже и пейзаже психологическом.

Литература:

1. Баева, Н. А. Интертекстуальная сущность ландшафтных описаний в художественном тексте: [на материале английской прозы]. Кемерово: Интеллект, 2006. — с. 594–600.
2. Гостева, Т. Ф. Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX–XXI вв.: дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2007. — 237 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Мурадалиева, Н. Романтический пейзаж в литературе. Баку: Язычы, 1991. — 204 с.
5. Толова, Г. Н. Пейзаж в литературе и искусстве. Пермь: Издательство ПГПИ, 1993. — 52 с.
6. Эпштейн, М. Н. Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. — 304 с.

Работа с речевыми моделями на занятиях по русскому языку как иностранному

Каландаров Уктам Сатубалдиевич, преподаватель;

Эгамов Рустам Аминович, преподаватель

Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Большую роль в практике преподавания русского языка играет так называемый метод моделирования, то есть речевая тренировка по моделям или речевым образцам. Суть работы по речевым образцам в том, что полностью или частично заменяются семантически значимые структурные члены образца. К примеру: пять тетрадей (для за-

Создавая картины природы, писатели соотносят их с человеческими интересами и стремлениями. Описания природы позволяют автору переходить, как по мостку, от темы к теме, украшают повествование, дают простор фантазии художника слова, подчеркивают красоту авторской речи.

Пейзажное описание является одним из важнейших компонентов художественного произведения, используемых для реализации его структурно-содержательной ценности и создания в нем неповторимой системы образов. В зависимости от функционального предназначения, пейзаж может быть представлен в художественном тексте в виде штрихов и деталей, в виде пейзажных образов и психологических параллелей.

Таким образом, мы можем говорить о том, что существует ряд классификаций пейзажных описаний, исходя из различных подходов к изучению пейзажа в художественном произведении. Классификация пейзажей в соответствии с географическими и временными признаками является наиболее распространенной. В художественном произведении пейзаж выполняет множество функций, прежде всего, эстетическую, привлекая внимание читателя к сообщаемой информации. Кроме того, очень важны такие функции пейзажных описаний, как моделирующая, символическая, сигнализирующая и функция раскрытия характера героя через описание природы.

Дальнейший научный интерес представляет для нас рассмотрение семантических характеристик и функций пейзажных описаний в англоязычных и франкоязычных произведениях.

мены второго компонента книг, ручек, карандашей, первого компонента: десять, двадцать). Также к учебному моделированию можно отнести и другие типы упражнений. К примеру, даны символы или условные знаки, которые нужно заполнить. Такие упражнения широко практикуются при изучении синтаксического разбора. Например,

дана схема: определение, подлежащее, сказуемое, обстоятельство.

При диктовке текста, который нужно смоделировать, имеет место графический диктант. Подобные упражнения способствуют развитию аналитического мышления, коммуникативных навыков, так что при изучении второго языка они крайне полезны.

Упражнение с речевыми образцами — это разновидность и учебного моделирования, и учебной деятельности, которую иными словами ещё называют трансформацией. Суть трансформационных действий в том, что преобразуются какие-то отрезки речи. Этот вид работы носит эффективный характер при работе с предложениями. Но так как изменяются лишь отдельные компоненты, то эти действия скорее можно назвать конструктивными, чем продуцирующими.

Различают три типа трансформационных упражнений, что связано с характером производимых изменений:

1. Структура речевых образцов сохраняется, но изменяется семантика речевых образцов
2. Семантика конструкций сохраняется при частичном изменении структуры
3. Трансформация конструкций с частичным изменением и структуры, и семантики.

Например, этот тип трансформации можно проследить на примере последовательной замены предикативного члена в простом предложении:

- Он учился в университете
- Он не учился в университете
- Он учился бы в университете.

Упражнения на трансформацию требуют соблюдения определенных правил:

1. Прежде чем приступать к трансформационным действиям, учащийся должен овладеть соответствующими категориями языка. К примеру, при замене личных предложений на безличные учащиеся должны усвоить эти понятия об этих типах предложений.

2. Трансформационные действия лучше всего производить, используя достаточно частотные и широко употребительные, при этом имеется в виду не уровень их регулярности в языке, а уровень языковых способностей и знаний учащихся, умение и навыки продуцирования речи.

3. Трансформационные упражнения не должны превращаться в преваляющий метод работы, надо помнить, что это всего лишь один из методов обучения речевой коммуникации.

Примерами речевого моделирования могут служить также и упражнения, в которых по образцу надо дать определение, установить сходство или различие, найти ошибку и т. д. Например, к словосочетаниям «светловолосая девушка», «добросердечный человек» нужно дать определения. Задание не представляет трудности, так как все нужное для замены модели в самом содержании присутствует: «девушка со светлыми волосами», «человек с добрым сердцем». Большую трудность представляют для учащихся упражнения типа: указать для чего предназначен

нож? (карандаш, лопата, ложка). Учащиеся строят конструкции по модели: Ножом режут — карандашом ..., лопатой..., ложкой...

В практическом курсе русского языка развитие коммуникативных навыков стоит на первом месте. К решению этой задачи можно идти двумя путями: от ситуации к речи (то есть трансформация и моделирование речевых конструкций, речевых фрагментов и целых текстов). Второй путь: от языковой единицы к ситуации, то есть к реальному функционированию лингвистической ситуации. Важное средство обучения иностранному языку в процессе функционирования — это моделирование ситуаций для активного употребления в речи языковых конструкций, схем, отдельных слов, словосочетаний, частотных для повседневной практики. К примеру, для разговорной речи, для которой характерны глагольные конструкции, важно выделить наиболее распространенные ситуации (Как можно узнать? Мне надо уйти. Необходимо решить проблему).

При этом важно учитывать основное положение такой грамматики: обучаемый на каждом этапе должен приучаться к самостоятельному построению текста. Поэтому на начальном этапе нельзя ограничиваться заучиванием готовых конструкций. Это ведёт потом к трудности преодоления барьера между готовыми заученными шаблонами и реальной необходимостью использовать в процессе общения и другие формулы. У обучаемого должны выработаться навыки производить тексты, а не выдавать готовые формулировки. Эти навыки должны вырабатываться постепенно, в том числе и в процессе создания моделей. Учебный материал конструктивной грамматики включает в себя морфолого-синтаксические схемы построения текстовых единиц, набор речевых задач. Некоторые методисты проводят различие между языковой моделью и её речевым воплощением — речевыми моделями. Речевые модели — это не что иное, как коммуникативная и ситуативная реализация языковой модели в конкретной ситуации речевого общения.

Эффективен метод моделирования при работе над материалом профессиональной направленности. При работе над текстами по специальности можно дать задание: на основе предложенного текста по аналогии смоделировать текст. К примеру, при работе над текстом «Водород» (на отделении «химии» факультета естественных наук) можно предложить студентам смоделировать на основе речевых образцов текст «Кислород», «Озон» и т. д.

Важную роль в учебном процессе играют естественные ситуации общения, которые также могут быть предложены в качестве речевых образцов для моделирования по аналогии.

Как свидетельствует опыт работы учителей, работа по речевым образцам способствует стимулированию нормированной связной речи.

При обучении иностранным языкам на начальном этапе многие преподаватели единицей обучения выбирают речевой образец, который представляет собой единство фонетико-интонационных и лексико-грамматических

средств языка. Он даёт говорящим возможность реализовать с его помощью ту или иную интенцию в определенной ситуации общения. Речевые модели могут быть представлены различными структурами простого и сложного предложения, диалогическими единствами, микротекстами. Речевые образцы (модели) можно представлять и в устной форме. Преподаватель показывает его, объясняет, произносит, даёт пояснения в каких ситуациях следует пользоваться данной моделью. Таким образом, речевой образец приобретает коммуникативную направленность и ситуативную обусловленность. При введении образца в устной форме желательно применять наглядный материал: иллюстрации к каждому уроку, специально принесенные предметы, фотографии для более реального воссоздания ситуации. Чтение фонетического образца ставит целью снять артикуляционные и интонационные трудности в произношении нового образца. Далее для затверживания речевого образца преподаватель проводит ряд тренировочных и условно-коммуникативных упражнений. После заучи-

вания речевого образца в тренировочных упражнениях студенты работают с моделями диалогов, которые воспроизводят определенную ситуацию из возможной сферы общения, имитируют процесс коммуникации. В диалогах даются варианты грамматических показателей в элементах речевых образцов (формы мужского и женского рода, формы обращения). Диалоги с грамматическими вариантами можно распределить между парами студентов: одна пара читает образец диалога с существительными женского рода, другая — мужского.

Работа с речевыми образцами развивает навыки и умения говорения:

- умение воспроизводить заученные речевые модели в какой-либо ситуации;
- умение варьировать компоненты речевого образца;
- умение использовать речевые образцы в ситуациях, аналогичных изученным;
- умение соединить несколько речевых образцов для высказывания.

Литература:

1. Галева, М. М., Журавлева Л. С. Старт-1. Учебник русского языка для подготовительных факультетов. — М., 1978.

Индивидуально-авторские колоративы в стихотворениях М. И. Цветаевой (на основе сборников 1913–1925 гг.)

Лоптева Тамара Сергеевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ № 28 г. Симферополя

Интерес к специфике цветового изображения в творчестве писателей зародился еще в 20-х годах XX века, однако обращение к цвету как объекту лингвистического исследования пришлось к концу 60-х годов того же века и актуально в наше время.

Изучение лексики со значением цвета поможет представить нам «цветовидение» М.И. Цветаевой, показать ее внутреннее восприятие мира. Цвет является значимым компонентом ментальности человека, поэтому анализ цветосемантики в текстах поможет проникнуть в философско-мировоззренческую концепцию автора.

Индивидуально-авторские колоративы помогают сделать заключение о всесторонне-развитой личности.

Материалом исследования стали тексты стихотворений М.И. Цветаевой в период с 1908 по 1928 гг. Результат обработки — картотека из 905 контекстов, обозначающих 193 исследуемые единицы.

Современную науку о языке характеризует значительный интерес к проблеме картины мира, которая на сегодняшний день остаётся одним из ключевых, актуальных, дискуссионных и интенсивно разрабатываемых понятий в

когнитивной лингвистике и гуманитарных науках в целом (работы Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, В.И. Поставаловой, Е.В. Рахилиной, Б.А. Серебренникова, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелёва, Е.С. Яковлевой и др.).

Лексико-семантическая группа цветообозначений в лирике М.И. Цветаевой представлена достаточно большим количеством. Группа слов, называющих цвет, является типичной лексико-семантической группой, с отношениями компонентов, типичными для такого рода групп. По Ф.П. Филину лексико-семантические группы слов представляют собой собственно языковые единицы, продукт исторического развития языка. Ученый считает, что слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собой отношениями, не безразличными для их собственных отношений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения. Об этом же говорил лингвист Ю.Н. Караулов. Он утверждал, что лексико-семантическое поле — понятие весьма емкое. Здесь перекрещиваются главные проблемы

лексикологии — проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия.

При установлении семантической соотнесенности слов как членов лексико-семантической группы следует исходить прежде всего из содержания и семантических структур, определяющихся целым комплексом значений. Функцию связующего звена и одновременно отличительного между членами одной лексико-семантической группы выполняют семантические признаки [1, с. 323].

Аспекты исследования цвета в парадигме лингвистических наук разнообразны. Цвет рассматривается в сопоставительном и в типологическом планах, изучается история отдельных цветолексем, этимология цветообозначений, цветосемантика в художественных произведениях писателей и поэтов, при этом возможно сравнение цветообозначений в произведениях разных авторов, а также на материале разных языков (работы Е. А. Дивиной, Ю. А. Карташовой, Н. В. Коптевой, С. И. Меньчевой, С. Г. Носовца, Л. П. Прокофьевой).

Цветовая картина мира существует у нации, этноса, отдельного человека. Оценки, нормы, установки человека в значительной степени связаны с субъективными цветовыми ощущениями и характеристиками. Представители разных отраслей науки (психологии, когнитологии, культурологии) приходят к выводу, что цветовое восприятие действительности у каждого человека индивидуально. Зрительное восприятие цвета не сводится к показаниям только сетчатки глаза: этот сложный процесс имеет ряд особенностей, которые связаны с ранее полученной информацией, предшествующим опытом познания действительности. Цвета предметов, объектов и явлений природы могут восприниматься по-разному, что обуславливается психофизиологией зрительного восприятия.

Макс Люшер, швейцарский психолог, разработчик цветового теста Люшера, провел ряд исследований в области цвета, изучая выбор различными людьми оттенков из цветовой гаммы. Вывод, сделанный им гласит, что реакция людей на цвет имеет глубочайшие корни в самом человеке. И выбор того или иного цвета отражает психологические качества человека [2, с. 282].

Наименования цвета в произведениях писателей и поэтов исследовали Е. Глушкова, И. Лебедева, М. Алпатова, Г. Чеснокова, О. Борзых, Е. Завадская, С. Гудина и многие другие.

Результатом семантического развития цветообозначений в произведениях стало сосуществование их прямых, переносных и символических значений.

Индивидуально-авторские коннотации колоративов у разных писателей почти всегда основаны на объективных свойствах элементов лексической системы.

Необходимо отметить, что на разных этапах развития русского языка количество слов, составляющих колористическое пространство, не оставалось постоянным. Ученые-физики определили 7 основных спектральных цветов — это хроматические цвета, но выделяют и ахроматические (белый, черный, серый). [3, с. 100–102].

На самом деле, как утверждают эти же ученые, человеческий глаз способен различать от 500 до 2,5 миллионов оттенков [4, с. 5], каждый из которых может быть назван конкретным словом.

В своих исследованиях мы опирались теорию на Р. М. Фрумкиной, которая отмечает, что в русском языке «наивная картина мира». Она включает «семь цветов радуги», а также розовый, коричневый и так называемые ахроматический цвета — черный, белый, серый. Эти цвета носители русского языка считают «основными». Менее употребительные, второстепенные имена цвета исследователь называет «прочими». Кроме того, можно выделить 32 «базовые» цветовые лексемы. Смысл «базовых» имен цвета известен всем носителям языка (алый, вишневый, бордовый, малиновый, морковный, апельсиновый, медный, песочный и т. д.) [5, с. 64–85].

М. И. Цветаева говорила, что пишет «по слуху», однако в ее стихотворениях четко прослеживается зрительный образ. Исследователь творчества поэтессы Ю. В. Пухначев небезосновательно сравнил произведения с кинематографическим образом.

Наиболее активна в лирике М. И. Цветаевой схема ахроматических наименований: микрогруппа со значением «черный» и «белый». Однако нас заинтересовала индивидуально-авторская картина мира поэтессы. Выделяя колоративы «наивной картины мира», определили то, что характерно только для М. И. Цветаевой.

Микрогруппа со значением колоратива «красный» представлена такими индивидуально-авторскими цветообозначениями: «красного сердца риф», «заря кровянит», «закатный луч», «виноградины ржавели», «ложь — красные листья», «огневой фонтан», «винное облако», «крик, что кровью окрашен».

Так, употребление цвета «красный» является указанием на проявление жизни там, где возможно ее уже не предполагали:

Леты подводный свет,

Красного сердца риф.

Застолбенел ланцет,

Певчее горло вскрыв... («Леты подводный свет». — [6])

Осень — любимое время года Марины Ивановны, однако за его красотой прячется наступление заморозков и прекращение жизнедеятельности всего окружающего, поэтому осенние листья становятся заложником лжи:

Не краской, не кистью!

Свет — царство его, ибо сед.

Ложь — красные листья:

Здесь свет, попирающий цвет. («Деревья» (6). — [6].)

Среди эквивалентов колоратива «жёлтый» удалось выделить такие: «девочка цвета луны», «волосы спелая рожь», доченька «солнышко — волосом».

Для Марины Цветаевой нет рамок и ограничений. Она сравнивает цвет кожи девушки с цветом луны:

Сумерки. Медленно в воду вошла

Девочка цвета луны.

Тихо. Не мучат уснувшей волны

Мерные всплески весла.

Вся — как наяда. Глаза зелены,

Стеблем меж вод расцвела. («В сумерках» — [6].)

Также красиво передан оттенок волос дочери:

Породила доченьку —

Синие оченьки,

Горлинку — голосом,

Солнышко — волосом. («Посадила яблоньку» — [6].)

Значение поэта в обществе бесценно. Так М. И. Цветаева сравнивает ушедших коллег с хризолитами — драгоценными камнями, которые никогда не заменят те, кто бесцветно и холодно пишет под диктовку:

Пусть погибла виной одного из движений неожиданных

Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить!

Пусть над пламенным прошлым холодные плиты!

*Разве сможем мы те **хризолиты***

Придорожным стеклом заменить? («Зелёное ожерелье». — [6].)

Среди индивидуально-авторских цветоименований прилагательного «голубой» зафиксирован один — «первоголубизна»:

Когда ж в пратишину

*Тех **первоголубизн***

Высокое плечо,

Всю вынесшее жизнь. («Когда же, Господин!». — [6].)

Индивидуально-авторское цветообозначение «синеморский» также встречается только в творчестве М. И. Цветаевой:

*Над **синеморской лоханью** —*

Воинствующий взлет.

Божественное задыханье

Дружб отроческих — вот! («Над синеморской лоханью». — [6].)

Оттенок фиолетового «облачно-лиловый» имеет значение «бледно-лиловый», «тусклый»:

*В зале **облачно-лиловой***

Безутешны вечера!

Здесь на всём оттенок давний,

Горе всюду прилегло,

Но пока открыты ставни,

Будет облачно-светло. («Волей луны». — [6].)

Микрогруппа со значением цветоименования «белый» представлена такими индивидуально-авторскими колоративами: «волнисто-белый» и «нарядно-белый». Значение таких оттенков осознается только в контексте.

Туман М. И. Цветаева назвала «волнисто-белым дымом», придав ему цвет:

Ах, ведь и им, как в наши дни,

Казались все луга иными.

*По вечерам в **волнисто-белом дыме***

Весной тонули и они. («Зима». — [6].)

Колоратив «нарядно-белый» несет отрицательную коннотацию:

Как восковые — ручки, лобик,

На бледном личике — вопрос.

*Тонул **нарядно-белый гробик***

В волнах душистых тубероз. («Памяти Нины Джавахы». — [6].)

Микрогруппа со значением «черный» представлена словосочетанием «глаза огоньки-угольки» и «плащ цвета времени и снов»:

*Плащ — **вóроном над стаей пестрой***

Великосветских мотыльков.

Плащ цвета времени и снов —

Плащ Кавалера Калиостро... («Ночные ласточки Интриги». Цикл «Плащ». — [6].)

Глаза у меня огоньки-угольки,

А волосы спелая рожь. («Колдунья». — [6].)

В стихотворениях М. И. Цветаевой присутствует такой индивидуально-авторский колоратив как «седость» в значении «безжизненность»:

Тусклостями: ущербленных жил

Скупостями, молодых сивилл

Слепостями, головных истом

Седостями: свинцом. («Леты слепотекущий всхлип». — [6].)

Осенняя седость.

Ты, Гётевский апофеоз!

Здесь многое спелось,

А больше еще — распелось. («Осенняя седость». — [6].)

Таким образом, исследовав сборники стихотворений М. И. Цветаевой мы имеем право утверждать, что в творчестве этой поэтессы представлено множество колоративов, в том числе индивидуально-авторских.

В результате исследования лексическую систему можно представить как единство семантических группировок. Важным следствием непрерывности, пересечаемости и взаимодействия словесных парадигм, составляющих ее, является допустимость неоднозначной интерпретации ее внутренней структуры. Сложность лексической системы языка объясняет возможность существования разных моделей, различного членения и выделения разных группировок в одном и том же материале.

Нам удалось описать семантические и функциональные наименования цвета в индивидуальной поэтической речи М. И. Цветаевой, выявить корпус наименования цвета, описать структуру индивидуально-авторского лексико-семантического поля обозначений цвета и способы создания цветовой картины мира М. Цветаевой.

Литература:

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. — М.: Языки русской культуры: Восточная литература, 1995. — 472 с.
2. Баешко, Л.С., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. — М.: Эксмо, 2007. — 304 с.
3. Борисова, Д.Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. № 21 (122). — 52 с.
4. Бычков, В.В. Эстетическое значение цвета в восточно-христианском искусстве // Вопросы истории и теории эстетики. — Вып. 9. — М.: Педагогика, 1975. — 156 с.
5. Фрумкина, Р.М. Цвет и сходство. // Психолингвистика. — М.: Академия, 2001. — 285 с.
6. Серебрянный век. Марина Цветаева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusilverage.blogspot.com> Проверено: 02.01.2017

Скрытая фольклорная основа сказки Г.-Х. Андерсена «Тень»

Маломожнова Екатерина Сергеевна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

«Чужой сюжет как бы вошел в мою кровь и плоть, я пересоздал его и только тогда выпустил в свет». Эти слова Г.-Х. Андерсена взял эпиграфом к своей «Тени» — пьесе, «пересоздающей» андерсеновский сюжет, Е. Шварц. Так осмыслили оба писателя особенность своего творчества — создание самостоятельных, оригинальных произведений, которые основаны на заимствованных сюжетах.

Источниками сказки Андерсена «Тень» были повесть А. Шамиссо «Необычайная история Петера Шлемиля» и сказка «Человек и его тень» из сборника М. Винтера [1]. От обоих источников Андерсен ушел довольно далеко: он снял имеющийся и у Шамиссо, и в датской народной сказке мотив купли-продажи тени и ввел новый мотив — сложных взаимоотношений между тенью и ее бывшим хозяином. Фольклорный сюжет о сделке с нечистой силой, присутствующий в повести Шамиссо, у Андерсена отсутствует: произошел ощутимый разрыв с фольклорной традицией.

В таком виде использовал сказку Андерсена Шварц. На ее основе он создал произведение иного жанра и существенно иной — хотя столь же глубокой — философской и общественной направленности. Сюжет оказался при этом полностью переработан. В настоящей статье предпринята попытка показать, как, пересоздавая сюжет Андерсена, Шварц подчинил его законам волшебной сказки.

«Тень» Андерсена, произведение трагическое и горькое, подчиняется этим законам лишь в минимальной степени. Сюжет ее укладывается в несколько фраз: герой, ученый, приезжает в чужую страну; интерес к обитателям дома, напротив которого он живет, побуждает его шутливо предложить своей тени пойти туда; тень уходит от ученого. Через некоторое время она возвращается к нему чело-
веком (главное содержание сказки — отношения между

ученым и тенью) и понемногу меняется с ним ролями. Когда, однако, тень объявляет о своем намерении жениться на принцессе и предлагает ученому признать себя ее тенью, ученый отказывается, грозит разоблачением, и его казнят. От волшебной сказки тут только один мотив — мотив «ложного героя».

«Тень» Шварца построена намного сложнее. Но начальный элемент сюжета выделен драматургом абсолютно четко: это завещание покойного короля страны, где происходит действие, требующее от наследной принцессы найти себе мужа, который отвечал бы определенным условиям и сумел бы хорошо управлять страной. Замужество принцессы остается основным двигателем сюжета на протяжении всей пьесы. Таким образом, начало сказки Шварца — недостача, а все действие направлено на ее ликвидацию.

Перейдем непосредственно к сюжету. Начальная ситуация: король и его единственная дочь. Смерть короля влечет за собой завещание, которым задается недостача — жениха для принцессы и короля для страны. Герой отправляется в путь из своей страны в страну принцессы; это происходит до того, как он узнает о завещании. Такое отклонение и отсутствие связи первых действий героя со сложившейся ситуацией с необходимостью объясняются указанными выше причинами (героя не интересует корона; знакомство его с героиней и зарождение любви даны в традициях не волшебной сказки, классической литературы). За приездом героя в страну следует посредничество: Аннунциата, дочь хозяина гостиницы, в которой остановился ученый, рассказывает ему о завещании. Ученый знакомится с принцессой и полон решимости завоевать ее любовь, несмотря на возможные препятствия. Знакомство ученого и принцессы очень быстро приводит к помолвке. Условиям завещания ученый отвечает полностью, можно говорить о ликвидации недостачи. Таким об-

разом, первый ход сказки завершен, но между функциями противодействия и ликвидации недостачи как будто имеется провал.

Во время объяснения с ученым принцесса упоминает сказку о царевне-лягушке. Позднее, «отправляя» тень к принцессе и давая ей шуточный наказ, ученый, в частности, просит сказать: «Мой господин любит вас... Если вы царевна-лягушка, то он оживит вас и превратит в прекрасную женщину». Последняя фраза может указывать на то, что драматург ощущал некую сюжетную неполноту в этой части пьесы. При том, что общий замысел требовал сосредоточить внимание на событиях, происходящих после помолвки, Шварц счел необходимым дать намек на возможность борьбы ученого за руку принцессы еще на этом этапе развития действия. При этом предполагаемым антагонистом ученого предстает весь тот мир противоестественных отношений между людьми, в котором выросла принцесса, который отравил ее сознание и не хочет отпустить ее от себя.

Такое толкование фразы о царевне-лягушке может показаться искусственным и ненужным, ибо слова эти абсолютно органичны и в контексте данного монолога, и в контексте пьесы вообще, но в том-то и состоит сила художника, что даже служебная деталь не кажется (а в значительной степени и не является) служебной.

При рассмотрении первого хода сказки остался в стороне очень важный эпизод — уход тени от ученого. Имея первостепенное значение для драматической композиции и представляя собой по существу завязку драмы, в построении сказочного сюжета эпизод этот не играет роли: сказка не нуждается в подробной и обоснованной подготовке появления ложного героя.

Второй ход. С целью помешать свадьбе ученого и принцессы плетется придворная интрига, в которой тень, ставшая человеком, ведет двойную игру: она якобы помогает министрам, нашедшим для принцессы других женихов, а на самом деле завоевывает принцессу для себя. Этой двойной игре соответствуют две функции тени: одна — антагониста, поскольку она представляет лагерь врагов ученого, другая — ложного героя, поскольку она стремится именно занять место ученого, подменить его собой.

Подготовительная часть второго хода — поступление тени на службу и знакомство ее с ученым: эти эпизоды можно рассматривать как своеобразное преломление функции выведывания; тень уговаривает ученого якобы для вида подписать бумагу об отречении от принцессы, на что тот нехотя соглашается: обманные уговоры вредителя, на предложение которого реагирует герой. После подписания бумаги тень подстраивает отлучку ученого, которая, хотя и находится композиционно не на своем месте, функционально важна и создает аналогию той классической ситуации, когда вредитель, выманивая героя с помощью волшебного животного, похищает в его отсутствие героиню [2]. Следует вредительство, которое можно рассматривать и как похищение, и как околдовывание;

именно в этот момент тень подменяет собой ученого, принимая на себя роль ложного героя.

Узнав о происшедшем, ученый не намерен уступать и решается на противодействие. По дороге во дворец он встречается и беседует со своим другим доктором, который неожиданно выступает в роли дарителя. Этот эпизод следует рассмотреть подробнее.

Различие между волшебной фольклорной сказкой и литературной сказкой должно особенно ярко проявляться в отношении функций дарителя и волшебного помощника. Герой фольклорной сказки после обретения волшебного помощника «внешне теряет всякое значение: сам он не делает ничего, помощник исполняет все» [3]. Герой литературной сказки, а тем более, как в нашем случае, сказки драматической, не может довольствоваться столь пассивной ролью. Ученый Шварца — яркая, активная личность, человек (несмотря на внешние слабости) героического склада, который должен напоминать читателю скорее персонажей классической литературы, чем Ивана-царевича. Таким образом, функции, связанные с дарителем, неизбежно должны отойти на второй план. Однако обойтись без них оказалось невозможно: в разговоре ученого с доктором возникает элемент испытания, хотя сами участники диалога этого осознать не могут. Расспрашивая ученого, намерен ли он сдаться, доктор настоятельно уговаривает его сделать это; отказ ученого и готовность его пойти на смерть побуждают доктора дать ему волшебное средство — заклинание, с помощью которого тени, ставшей человеком, можно на время вернуть ее прежний облик.

Явившись во дворец, ученый оказывается в классической ситуации: жених на свадьбе своей невесты. Со стороны окружающих он встречает полное отчуждение: его никто не признает. Тень требует от ученого, чтобы тот признал себя ее тенью. Ученый прибегает к волшебному средству, с помощью которого он должен был бы решить трудную задачу. Задача ему, однако, никто не ставит: и принцессе, и всем, окружающим безразлично, кто истинный, а кто ложный герой. Сцена использования ученым заклинания (кульминационная сцена пьесы) напоминает скорее поединок; функция боя здесь, разумеется, не на месте, но цель ее в данном случае та же, что и трудной задачи, — вызвать узнавание героя.

Несмотря на успешное действие заклинания (т. е. на победу героя), ученого продолжают не узнавать. Здесь, несомненно, вступают в силу особые законы мира, в котором происходит действие, — мира искаженной сказки. И в полном согласии с логикой этого мира наказывается не ложный, а истинный герой: ученого князят.

Так кончается «Тень» Андерсена. Возможность подобного конца (или неких безвыходных положений) обыгрывается и в пьесе Шварца — путем открытых указаний на источники. «Человек без тени — ведь это одна из самых печальных сказок на свете», — говорит Аннунциата. На это ее отец с полным знанием дела замечает: «...у него (ученого) вырастет новая тень». Позднее, беспокоясь о

судьбе ученого, доктор напоминает ему: «В народных преданиях о человеке, который потерял тень, в монографиях Шамиссо и вашего друга Ганса-Христиана Андерсена говорится, что.»... Ответ ученого на эти слова знаменателен: «Не будем вспоминать о том, что там говорится. У меня все кончится иначе». Действительно, все кончилось иначе — и в счастливом конце пьесы проявились направляющие действие законы волшебной сказки.

Временная гибель героя в волшебной сказке возможна в связи с похищением невесты (казнь ученого композиционно ей не соответствует, так что аналогия может быть только условной). За гибелью героя должно следовать оживление, в том числе и с предварительной добычей живой воды. Но Шварц в финале создает предельно драматическую ситуацию, при которой добыть живую воду для ученого некому (одни бессильны, другие боятся). Чтобы выйти из этого положения, драматург придумывает совершенно особенное, свое собственное чудо: когда ученому отрубают голову, она слетает и у тени. Для оживления тени живая вода есть. Но у Шварца она действует избирательно (свойство, возможное для волшебного средства): с ее помощью можно воскрешать только хороших людей. Несомненно, лишь полное владение законами сказки, ее миром, могло подсказать изобретательной фантазии Шварца эти два хода. Благодаря им оживление ученого происходит не из-за чьей-то помощи, а силой вещей, потому, что иначе было невозможно.

После оживления ученого дело идет к развязке вроде бы по правилам: ложный герой обличается и должен быть наказан (тени удается бежать — совершенно благополучный конец был Шварцу не нужен). Перед героем открывается возможность свадьбы и воцарения. Ученый отказывается и уезжает. Таким образом, недостача не ликвидируется: принцесса остается без мужа, а страна — без короля. Однако ученый, покидая эту страну, берет с собой влюбленную в него Аннунциату: намек на возможную свадьбу в финале присутствует.

В центре «Тени» Шварца стоит не семья, как это было бы естественно для волшебной фольклорной сказки, а государство (и человек в нем). При этом происходящие события выходят за рамки некоей конкретной коллизии. Центральный конфликт выражен в противоположности максимально обобщенной и носящей характер почти символический: «С одной стороны живая жизнь, а с другой — тень». Сферой действия становится «социальный

космос» [4], в котором борются две полярно противоположные друг другу силы.

Сюжет Андерсена — Шварца о взаимоотношениях человека со своей тенью находит совершенно неожиданную параллель в одной из легенд болгарских богомилов о сотворении мира. Бог, желая обрести друга, замечает свою тень и приказывает ей встать. Тень получает человеческий облик, «но то не било човекъ, ами дяволъ». Вначале между создателем и тенью существуют самые дружеские отношения. Когда Бог хочет одарить своего друга, дьявол предлагает разделить между ними мир (себе землю, Богу — небо) и людей (себе мертвых, Богу — живых). Бог соглашается, и, по предложению дьявола, раздел скрепляется договором. Впервые Бог начинает раскаиваться в происшедшем, когда узнает, что дьявол препятствует Адаму и Еве обрабатывать землю. Позднее, когда дьявол вместе с грешниками начинает мучить и праведников, Бог решает отнять у него власть. Ангел похищает у дьявола договор, и с этого момента дьявол становится врагом Богу.

Как видим, и у Андерсена — Шварца, и в богомильской легенде тень обретает человеческий облик по приказу своего хозяина и оказывается полной ему противоположностью. Дружеские отношения устанавливаются по желанию хозяина и нарушаются по вине тени (во всех трех случаях так или иначе — вследствие ее притязаний на господство); разрыв приводит к конфликту. При этом у Андерсена противодействие хозяина тени фактически отсутствует, и, должно быть, поэтому тень побеждает. В богомильской легенде и у Шварца, напротив, предельно заостренный конфликт выливается в упорную борьбу, которая не заканчивается в рамках сюжета. В богомильской легенде подлинная вражда антагонистов возникает в финале и оказывается отнесенной в будущее; в пьесе Шварца, как уже упоминалось, тени удается избежать кары. «Он скрылся», — говорит ученый, — «чтобы еще раз и еще раз стать у меня на дороге. Но я узнаю его, я всюду узнаю его». Борьба двух начал представляется вечной и в легенде, и в пьесе; дуализм богомильской легенды оказывается близок символической противопоставленности героев Шварца. В литературной сказке проявляются черты сходства с мифом.

Создавая сказку «Тень», Андерсен отошел от фольклорного начала своих источников. «Пересоздавая» его сюжет, Шварц, не приближаясь к источникам Андерсена, вернулся в мир фольклора.

Литература:

1. Брауде, Л. Ю. Сказочники Скандинавии. Л., 1974. с. 75;
2. Гринцер, П. А. Древнеиндейский эпос. М., 1974, с. 183;
3. Пропп, В. Я. Морфология сказки. М., 1969. с. 48;
4. Мелетинский, Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. с. 52—53.

История символики «плексиса»

Маломожнова Екатерина Сергеевна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В искусстве народов Древнего Мира нередко изображены определенный символ, воспринимаемые обычно как орнамент [1]. Для краткости изложения мы будем в дальнейшем обозначать этот символ греческим словом «плексис» (плетение, сплетение, ткань). Обычные, наиболее часто встречающиеся формы его — это двойной переплетающийся жгут или шнур [2], две спирали или два клубка, соединенные между собой нитью, и моток нитей, переплетенных в определенном сложном порядке. Иногда в промежутках между изгибами размещаются точки, бусины или пальметки. Вероятно, к рассматриваемой группе относится и так называемая бегущая спираль. Важно отметить, что нити, составляющие «плексис», всегда изображаются не спутанными, а расположенными в определенной, организующей, ритмической последовательности.

Иногда эти нити персонифицируются в териоморфных образах, чаще всего в виде змей или несоответственно удлиненных шей животных (гепарды, жирафы и др.). Встречаются и передачи этого символа в виде растительного орнамента. Различные изобразительные типы плексиса (от переданных весьма реалистично до предельно схематизированных) засвидетельствованы в монументальном искусстве, глиптике, торовитике и живописи додинастического Египта (и в его иероглифическом письме), Элама, Шумера и Вавилонии, Ирана и древней Индии, Болгарии, Закавказья, микенской Греции и др., т. е. на огромной территории Евразии и Египта с III тыс. до н. э. Особенно часто плексис встречается в искусстве хеттов и минойского Крита [3].

При анализе древнейших памятников с этими изображениями четко определяется, что символика их связана с культовым комплексом великой Богини-матери, повелительницы-владычицы зверей, подательницы плодородия. Предположительно эти символы можно истолковать как бегущую с веретена шерстяную нить, моток пряжи [4]. Иногда сама богиня передается с ногами в виде плетенки, т. е. идентичной своему символу (см. хеттско-хурритские печати). Хеттско-лувийская богиня Камрусепя связывает и развязывает природные явления (в частности, дождь), она связана с чесанием овечьей шерсти и т. д. У статуи великой сирийской богини в одной руке — скипетр, в другой — веретено (Luc. De Dea Syr. 14). Сравнительный этнографический материал показывает, что прядение и ткачество в большинстве первобытных обществ было связано с различного рода охранительными запретами: жена не должна прясть во время охоты мужа и т. п. Много примеров подобных представлений собрано в классическом труде Фрезера «Золотая ветвь»; из них ясно, что, по древним представлениям, эти трудовые процессы, производимые женщинами, имели магическую связь с ростом растений, увеличением поголовья животных, здоровьем

рождающегося ребенка и т. п., иными словами — как раз с тем, что являлось главными функциями Богини-матери.

Примечательно, что в последующем мифологическом и эпическом материале греческие богини, связанные по происхождению с комплексом Богини-матери (Афродита, Гера, Артемида, Кирка, Калипсо, Пенелопа, Арахна, Афина), занимаются прядением и ткачеством. Афродита, отзывая Елену с башни, уподобляется старице-пряхе, но Елена узнает богиню по ее прекрасной шее (Илиада, III, 386–88). Еще в известном гимне Афродите Сафо называет богиню «долоплке» — «плетущей хитрости». Этот эпитет прилагается к ней и в поздней поэзии (см., например: Theognidea 1386, Orph. h. 55, 3). Сюда же можно отнести и символы брака у Артемидора Эфесского (II, 5, 37, 47 и др.). Позже Сократ называет и саму Сафо «мютохлокон» — «сплетающей мифы» (Maxim, Tygius, XXIV, 9). Интересно попутно отметить, что лесбосская поэтесса и ее девичье окружение поразительно напоминают олицетворение древней Афродиты или Артемиды (еще не девы, а женщины), окруженной девушками-нимфами.

Политехн колофонский (Лидия) вызывает гнев Геры. Посланная ею Эрида возбуждает ссору между ним и его женой Аэдоной. Стремясь победить друг друга, супруги начинают работать: колофонец изготавливает кресло, она — ткань. С помощью Геры Аэдона становится победительницей (Anton. Lib. II).

О Кирке и Калипсо Гомер кратко сообщает, что на их тканях были чудные узоры. И само имя Кирка, по мнению некоторых исследователей, означает «Ткачиха». Цирцея учит Одиссея хитроумному узлу, которым он потом завязывает сундук с подарками феаков (Одиссея, VIII, 446–448). Да и миф о нити Ариадны — это версия сказания о Великой Критской богине-пряхе, выводящей своего смертного возлюбленного из подземного царства смерти в мир живых.

Интересный миф о ткани сохранился в «Метаморфозах» Овидия (VI, 5 сл.). Арахна (примечательно, что она происходит из Лидии, что еще ярче подчеркивает ее коренную связь с малоазиатской Великой богиней), состязаясь с Афиной, создает ткань, на которой изображает много сцен из жизни богов, вокруг же венки из цветов, перевитых плющом. На произведении же Афины вытканы Афинский Акрополь, спор ее с Посейдоном за владычество над Аттикой и двенадцать олимпийцев в качестве судей. Посейдон создает соленый источник, Афина — оливу; по краям же изображения идет венок из листьев оливы [5]. Разгневанная искусством Арахны, Афина превращает лидянку в паука.

Из этого мифа ясно, что Великая богиня, занимаясь прядением и ткачеством, осуществляет акт творения, ор-

ганизует, упорядочивает хаос, превращая его в космос. Наиболее часто это представление сформулировано в сравнительно поздних орфических представлениях, что неудивительно, ибо именно в поздних записях мы зачастую находим фиксацию наиболее архаических вариантов мифа. Порфирий Тирский в своем сочинении «О пещере нимф в Одиссее» (XIV, 15) прямо говорит, что «Кора, которая является надзирательницей всего творения, передается как ткачиха». Ему вторит Прокл в комментариях к Платоновскому Кратилу (р. 24): Кора ткёт порядок жизни. Поэтому, кстати, гипотеза Фонтенроуза, что хаос обязательно связан с женским началом, а организация хаоса в космос — с мужским, не всегда правильна. Это относится лишь к анализируемой им группе мифов о борьбе (и то не всегда).

Ткущие богини сопровождают свою работу пением («Одиссея», V, 61–62; X, 221–223, 254–255). Это пение тоже является магическим средством приведения хаоса в космос. Пережиточно это выражается в победных гимнах после борьбы (например, Аполлона). Но и само пение равно заклинанию, пророчеству-предсказанию. Связь тканья, сплетения, творческого процесса с поэтическим искусством, чародейством, пророчеством видна как на греко-римском, так и на обширном этнографическом материале. Греч. «плеко» означает одновременно «плести, сплести, вить, выдумывать, придумывать»; «хюфайно» — «ткать, замышлять, придумывать»; «плөкё» употребляется как определение творческого метода поэта (схолии к «Миру» Аристофана, 775, см. у него же «пряжа песен» — «Птицы», 682). И Гораций определяет поэтическое искусство как тканье (Сатиры, II, 3). Лат. «кармен» — песнь, пение, поэтическое произведение, изречение оракула, предсказание, чародейный наговор (см. многочисленные примеры у Ливия, Вергилия, Горация, Овидия, Тибулла, Проперция, Тацита, Квинтилиана). Сюда же относится мифическая прорицательница Кармента, святилище которой стояло у подошвы Капитолия; она связывалась с луной и водой, народная этимология выводила ее имя от «кармен». Ее спутницы — ипостаси Антеворта (или Прорса) и Постворта вещали, одна — о темном прошлом, вторая — о будущем. «Канаре» по-латыни «петь», но и «предсказывать», и «предрекать» (Тибулл, Гораций, Вергилий, Цицерон, Юстин и др.). То же самое можно сказать и о термине «кантаре».

Яркий пример неразрывной связи этих представлений в мифе засвидетельствован в одном из эпизодов «Одиссеи». Герой проплывает мимо острова Сирен. Они поют, что насладившийся их пением узнает многое, ибо они знают все. Но Одиссей велит привязать себя к мачте, т. е. действие заклинаний нейтрализуется веревкой и узлами — противодействующим средством («Одиссея», XII, 1).

Такую же связь между терминами «петь» — «вить нить», «ткать» — «петь», «предсказывать» можно найти и в позднейшем фольклорном материале. А.Н. Веселовский приводит примеры из финского, китайского, греческого, хорватского, немецкого фольклора. В мифах аф-

риканского народа догонов наличествуют представления о связи волокон, плетения со словом, творческим актом обуздания хаоса и установления космоса [6]. Обширные материалы по этой теме в мифологии индейцев Центральной и Южной Америки, особенно у народов майя и науа (эта тема заслуживает специального исследования).

В известном втором фрагменте из сочинения Ферекида Сиросского (VI в. до н. э.) «Гептамюхос» Зевс ткёт в качестве свадебного подарка Хтонии покрывало, на котором изображены земля и океан. Таким образом, роль устроителя вселенной здесь передана мужскому персонажу, но символика ткачества как организующего начала в этом процессе остается. Не случайно, по-видимому, упоминание в этом тексте и Хтонии. Античные писатели неоднократно подчеркивают знакомство Ферекида с восточной мифологией. Возможно, именно ему, пытавшемуся переосмыслить религиозные представления народов Древнего Востока в рамках нарождавшейся греческой философии, принадлежит такая «перелицовка» древнего мифа. Позже, как мы хорошо знаем, эта версия становится главенствующей.

Переход этот, однако, засвидетельствован и другими источниками. Плиний в своей «Естественной истории» (VII, 56) наивно сообщает: «Искусство ткать изобрели египтяне, окраску шерсти — лидийцы в Сардах, веретено для прядения шерсти — Клостер, сын Арахны, лен и веревки — Арахна». Отражение этой борьбы между женским и мужским началом в мифе мы находим в сказании о лидийской царице Омфале, которая заставляет Геракла надеть женские одежды и прясть. Эта же причина прослеживается и в рассказе о Дионисе, наказывающем дочерей орхоменского царя Минин. Девушки предпочитают работу на ткацком стане (и посвящают свое изделие богине Эргане!) служению ему (Aelian. Poik. hist. III, 42; Anton. Lib. 10; Ovid. Met. IV, 1–42, 389–415).

Итак, женские персонажи, занимающиеся прядением и ткачеством, уже вершат не судьбы мира, вселенной, а лишь судьбы индивидуума (Мойры, Айса, Парки) или отдельной этно-конфессиональной общности («Илиада», XX, 127; XXIV, 209; «Одиссея», VII, 197 и др.; Эсхил, «Эвмениды», 335 и др.). Этот переход сказывается и в том, что второстепенные персонажи ткют одежду для богов и богинь (Хариты изготавливают Дионису одеяния на острове Дии, Грации плетут амброзийную одежду для Афродиты: «Илиада», V, 338; у Вергилия Нереиды поют за пряжей о любви Ареса и Афродиты и др.). Подобный процесс мы наблюдаем и в ритуале (изготовление новой одежды для статуй Афины, Геры и т. д.). Древняя пророчица богини земли и плодородия пифия становится голосом Аполлона. Могущество некогда Великой богини-матери уходит в безвозвратное прошлое, а магическая связь между плетением, тканьем и поэтическим творчеством-предсказанием становится простой метафорой.

Такой же процесс наблюдается и в изобразительном искусстве. Постепенно эти символы становятся принадлежностью мужских божеств, теряют свою первоначальную смысловую связь с комплексом Богини-матери

и становятся символами культового благополучия вообще (ср., например, вышивку на одежде ассирийского царя или роспись на родосской керамике VII в. до н. э.). Еще позже (см., к примеру, нижний бордюры на знаменитом электровом сосуде из Куль-Обы [7]) этот образ полно-

стью теряет свое прежнее символическо-культовое значение и становится чисто декоративным элементом, хотя, возможно, в ряде случаев и здесь мы просто еще не в состоянии проследить наличествующую в глубине символическую связь.

Литература:

1. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963;
2. Сидорова, Н. А. Искусство Эгейского мира. М., 1979. с. 51;
3. Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. с. 81;
4. Троцкий, И. М. Религия греческого пастуха // Религия и общество. Л., 1926. с. 135;
5. Шмидт, Р. В. Афина Эргана // Сб. в честь С. А. Жебелева. Л., 1926. с. 324;
6. Котляр, Е. С. Миф и сказка Африки. М., 1975. с. 200;
7. Ростовцев, М. И. Воронежский серебряный сосуд // Материалы по археологии России. Пг., 1914. № 34.

Театр эпохи Реставрации и возникновение жанра английской героической драмы

Морозова Мария Никитична, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Театр эпохи Реставрации по сравнению с театром Возрождения и театром Просвещения исследован мало. Огромное количество интереснейших работ посвящено изучению сцены времен Шекспира, Дж. Чепмена (George Chapman 1560–1634), Т. Деккера (Thomas Dekker 1570–1632), Б. Джонсона, Ф. Бомонта и Дж. Флетчера. Не меньшее внимание уделяется творчеству представителей английского театра XVIII века — Г. Филдинга (Henry Fielding 1707–1754), Д. Гаррика (David Garrick 1717–1779), О. Голдсмита (Oliver Goldsmith? 1730–1774), Р. Шеридана (Richard Brinsley Sheridan 1751–1816). Однако, гораздо меньше мы знаем о сценическом искусстве XVII века, о драматургии Афры Бен (Aphra Behn 1640–1689), Н. Ли (Nathaniel Lee 1653–1692), Т. Отвея (Thomas Otway 1652–1682), В. Конгрива (William Congreve 1670–1729), В. Уичерли (William Wycherley 1640–1716), Дж. Фаркера (George Farquhar 1677–1707).

Это тем более странно, что время кризисов и нестабильности всегда вызывают повышенный интерес исследователей, а английский театр XVII века как раз и представляет собой явление сложное и противоречивое.

Театры того времени были вынуждены строиться за городской чертой, так как совет общин Лондона запрещал реализовывать патент на театр из-за больших скоплений народа и возможности нарушения общественного порядка. До появления профессионального театра в Англии существовало несколько трупп актеров, которые давали представления при дворе или в лондонских тавернах. До нас дошли сведения о двух таких труппах. В 1564–67 гг. появляются сведения о труппе Хансдона, покровителем которой был Генри Карей, лорд Хансдон (Henry Carey, 1st Lord Hunsdon), в 1585 году он стал Лордом Чемберленом

и труппу переименовали в труппу Чемберлена. Просуществовав под этим именем до 1603 года, когда Джеймс I взял их под свою опеку, актеры превратились в Королевскую труппу. С последней и связано появление театра в Лондоне в 1576 году. Организовал этот театр Джеймс Бёрбейдж (James Burbage), актер и плотник. Когда в 1597 году истек срок аренды, сыновья Бёрбейджа разобрали театр и использовали тот же материал при строительстве всем известного «Глобуса», сгоревшего в 1613, реконструированного в 1614 и снесенного в 1644.

Вторая труппа изначально была известна под именем труппы лорда Ховарда (1576–79 гг.), в 1585 — она стала труппой Адмирала, став, наконец, труппой Палсгрейва, в 1600 году актеры основали театр Фортуна.

За короткий промежуток времени в Лондоне появилось огромное количество театров: Rose Theatre (1586), Swan Theatre (1596), Red Bull Theatre (1600–5), Blackfriars Theatre (1608) и т. д. Одним из основных новшеств театра Реставрации стало появление профессиональных актрис: Нелл Гвин (Nell Gwyn 1650–1687), Анна Брайсгёдл (Anne Bracegirdle 1663–1748), что придавало представлению большую реалистичность и повышало интерес к театральным постановкам.

После 1588 года, в период укрепления буржуазии и нового дворянства, в условиях национального подъема, вызванного борьбой с Испанией, английская драматургия достигает своего расцвета. Это связано с появлением целого поколения «университетских остряков» («university wits»), группы профессиональных драматургов, которые взяли на вооружение традиции национального театра, создали новую, самобытную драму. В числе остряков были Джон Лили (John Lyly 1554–1606), Кристофер Марло

(Christopher Marlowe 1564–1593), Роберт Грин (Robert Greene 1558–1592), Томас Нэш (Thomas Nashe 1567–1601), Томас Лодж (Thomas Lodge 1557–1625), Джордж Пиль (George Peele 1556–1596) и Томас Кид (Thomas Kyd 1558–1594), эти молодые выпускники Оксфорда или Кембриджа, не чуждавшиеся экспериментов и пробовавшие себя в разных жанрах, вплоть до драматического поурри, подготовили почву для творчества Шекспира.

В этот период на английской сцене доминируют трагикомедии, драма ситуаций заменяет драму характеров, художественные образы отличаются многогранностью и объемностью, появляются новые жанры, например, «драма мести», мода на которую установилась после «Испанской трагедии» Томаса Кида («The Spanish Tragedy» 1589). Создававшаяся под непосредственным влиянием трагедий Сенеки, драма мести обычно начиналась с появления страждущего духа или несправедно обиженного человека, взывающего к своему потомку или другу с просьбой об отмщении. Дальнейшее действие пьесы всецело посвящалось исполнению этой мести. Примерами подобного жанра можно считать «Гамлета» и «Тита Андрония» В. Шекспира, «Трагедию мстителя» С. Тернера (Cyril Tourneur «The Revenger's Tragedy», 1606), «Белого дьявола» Д. Уэбстера (John Webster «The White Devil», 1612), «Подмену» Т. Мидделтона (Thomas Middleton «The Changeling», 1622 и другие. К новым жанрам можно отнести и так называемую «черную комедию», примером которой является, например, «Антонио и Мелинда» Д. Марстона (John Marston, «Antonio and Melinda», 1599).

Таким образом, английские драматурги плодотворно занимались творчеством, часто вступая друг с другом в споры по поводу главных задач драматургии («война театров» Б. Джонсона и Марстона). И все-таки, несмотря на покровительство аристократии, в глазах пуритан, отрицающих воспитательное значение искусства, театр — источник порока и разврата, а актер — богопротивное существо. Надо сказать, что театральные нравы и в самом деле были довольно свободные; и на сцене, и в зрительном зале царил полная непринужденность. Театр становится объектом нападок и насмешек за вольность и распушенность как среди публики, так и на сцене.

В начале XVII века происходит резкое разделение драмы по сословным и классовым признакам. Появляется буржуазная драма Т. Хейвуда (Thomas Heywood 1574–1641) и Т. Деккера (Thomas Dekker 1572–1632), трагикомедии и романтические драмы Бомонта и Флетчера. На сцену выходят пьесы Ф. Мессинджера (Philip Massinger 1583–1639/40), Дж. Шерли (James Shirley 1596–1666), Д. Форда (John Ford 1586–1639), которые часто исполнялись труппами мальчиков (boys companies), чрезвычайно популярными в первом десятилетии XVII века. Однако, в 1613 году, после завершения творческой деятельности Шекспира английская драма приходит в упадок. Один за другим уходят из жизни В. Шекспир, Ф. Бомонт, Д. Флетчер, Т. Миддлтон (Thomas Middleton 1580–1627), Дж. Чапмен (George Chapman 1559–1634), Д. Марстон,

Б. Джонсон, Т. Хейвуд, а 2 сентября 1642 года, английский парламент закрывает театры и запрещает всякие представления. В 1644 году снесен шекспировский «Глобус», в 1649 — театры «Фортуна» (Fortune Theater) и «Феникс» (Phoenix Theater), в 1649 — «Блекфрайэрс» (Blackfriars Theater). Тем не менее, после провозглашения республики и прихода к власти Кромвеля, когда борьба пуритан против театра лишилась своей политической остроты, решения парламента стали потихоньку обходить. Началось все с постановки отдельных сенок в частных домах, ну а в последние годы Протектората при дворе Кромвеля идут уже целые спектакли. Первые попытки возродить английский театр принадлежат Уильяму Дэйвенанту. Поэт-лауреат с 1638 года, он сражался за роялистов в гражданской войне, посвящен в рыцари в 1643 году, бежал от революции в Париж, вместе с Каули, Уоллером и Гоббсом, в 1649 году захвачен войсками Кромвеля и посажен в Тауэр, был освобожден при содействии Мильтона и в 1656 году написал и поставил пьесу «Осада Родоса» («The Siege of Rhodes»), явившуюся первой английской «оперной трагедией». Основанная на «Общей истории турков» Ричарда Кноллса (Richard Knolles (?1550–1610) «General History of the Turks» 1603), она сочетала в себе черты героической драмы и музыкального произведения (её рифмованные диалоги перемежались песнями и хором). После возвращения Карла II именно Давенант получает один из двух патентов на открытие театра, обуславливающий монополию в театральном деле. Вторым патентом получил Томас Киллигрю (Thomas Killigrew 1612–1683), автор популярных в то время трагикомедий, вернувшийся в Англию в свите Карла II.

Так образовались две конкурирующие труппы: Герцогская, возглавляемая Давенантом, и Королевская, под руководством Киллигрю. Первоначально они размещались в небольших зданиях со зрительным залом ярусного типа. Дворяне и богатые буржуа размещались в ложах на уровне большого просцениума, простой люд — в тесном райке под самым потолком. Сцена освещалась большой люстрой и чадающими лампами у края рампы. Вот в таком театре, в здании бывших теннисных кортов Гибсона, где разместились Герцогская труппа, 5 февраля 1663 года и была поставлена первая трагикомедия и единственная прозаическая пьеса уже известного в то время поэта Джона Драйдена «Необузданный кавалер».

Первой английской героической пьесой стала «Королева Индейцев» Драйдена и Ховарда. Учитывая вкусы Карла II, известного своей любовью к рифме и пьесам французского образца, они создали жанр, позволивший им применять разнообразные сценические эффекты. По стилю, манере постановки, декорациям и костюмам «Королева индейцев» была несомненным открытием для зрителей того времени.

Перемешав в своей пьесе любовь и ненависть, дружбу и предательство, месть и раскаяние, преступление и подвиги, Драйден и Ховард тем не менее весьма непринужденно обходят правила построения классицистической

драмы: не соблюдают единство места — действие происходит сразу в двух странах; весьма затруднительно представить себе, как в течение 24 часов один народ и одерживает победу, и терпит поражение; не соблюдают и единство действия — сюжетных линий как минимум две (историей любви и со своего рода преступление и наказание). Пути героев, в принципе, определены, обусловлены принципом поэтической справедливости. Главный герой — Монтесума позволяет своей ярости и чувству мести одержать верх над разумом, он совершает предательство, переходит на сторону врага, однако авторы, симпатизирующие своему персонажу, незамедлительно находят ему оправдание: ведь перейдя на сторону ацтеков он, как выясняется, приносит победу своему собственному народу. Этот человек обладает определенной жизненной целью, и это придает его характеру особую энергию и масштаб, а, следовательно, в качестве приза должен получить то, к чему стремиться. Один из наиболее интересных персонажей пьесы — Дземпоалла; Этот поистине отрицательный персонаж явно выигрывает на фоне положительных героев.

Эта женщина, раздираемая противоречиями, как и Монтесума, твердо идет к намеченной цели, но умеет и проигрывать. Лишившись всего — власти, сына, надежды на любовь — она находит в себе силы сама прервать свою жизнь. Так что можно лишь предполагать, кого авторы имели в виду, называя свою пьесу «Королева индейцев», законную королеву Амексию, или захватчицу Дземпоаллу.

Надо сказать, что «Королева индейцев» вызвала не только восторженные отзывы зрителей, в том числе и известного театрала Семюэла Пипса, но и резкую критику, упреки в слезливости и мишурном блеске, чему противоречили огромные кассовые сборы и борьба театральных компаний за право постановки.

Пьесу «Королева Индейцев» в какой-то степени можно считать первым этапом возникновения жанра героической пьесы, именно создание этого произведения подтолкнуло Драйдена не только к написанию целого ряда подобных пьес, но и к детальному теоретическому обоснованию этого жанра, которое органично вливалось в литературно-эстетическую концепцию Джона Драйдена.

Литература:

1. Allsid, M. W. Dryden rhymed heroic tragedies. A critical study of the plays and of their place in Dryden's poetry. Vol. 1–2. Salzburg, 1974
2. Barber, C. L. The Idea of Honour in the English drama 1591–1700 // Gothenburg Studies in English, Goteborg, № 6, 1957
3. English drama: forms and development: Essays in honor of Muriel Clara Bradbook/ Ed. by Marie Axton a. Raymond Williams. -Repr.-Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1979.
4. Brown, L. English dramatic form, 1660–1760: An essay in generic history. New Haven; London: Yale univ. press, cop., 1981 p120
5. Алексеев, М. П. О связях русского театра с английским в к. XVII — н. XVIII веков//Ученые записки ЛГУ. 1944. № 72.
6. Аникст, А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. М., 1967

Анализ русских терминов по морской радиосвязи и их эквивалентов в персидском языке

Мохаммади Мохаммад Реза, кандидат филологических наук, доцент;
Ахмади Мирейла, кандидат филологических наук, доцент;
Авазпур Какруди Ш., магистрант
Университет Тарбият Модарес (г. Тегеран, Иран)

Данная статья посвящена рассмотрению русских терминов по морской радиосвязи и их эквивалентов в персидском языке.

Во время перевода любого текста всегда от переводчика требуется правильность, ясность и точность осуществляемого перевода. Именно поэтому любой переводчик во время своей работы прибегает к использованию таких источников, как словарей и справочников. Но иногда у переводчика возникают трудности при переводе текстов по специальным направлениям, например радиосвязи. Это обусловлено тем, что не все специальные термины по морской радиосвязи собраны в одном определенном словаре. Переводчику приходится обращаться к разным источникам и, естественно, это занимает много времени. Таким образом, необходимо составить словари по разным специальным направлениям, в том числе и по морской радиосвязи.

Однако, специалистов, владеющих русским языком, крайне мало и это может стать причиной возникновения ошибок и недопонимания в общении. Наивысший приоритет занимают термины и аббревиатуры по морской радиосвязи в русском языке.

До настоящего времени не существует специализированного русско-персидского словаря по морской радиосвязи, но необходимость в нем существует, т. к. подобный словарь облегчает работу не только специалистам в области радиосвязи, но и переводчикам, работающим в данной области.

Цель данной работы заключается в рассмотрении терминов и аббревиатур по морской радиосвязи и нахождении подходящих эквивалентов в персидском языке.

Ключевые слова: морская радиосвязь, термин, терминология, аббревиатура, эквивалент, русский язык, персидский язык

Польза радиосвязи на большом морском судне ни у кого не вызывает сомнений. Радиосвязь играет важную роль — организацию взаимопомощи на маршрутах. Использование радиостанций, во время прослушивания аварийных сообщений в оговоренное время могло бы предотвратить множество аварийных ситуаций. Сегодня радиосвязь на судне, на море является важной составной частью навигационного процесса. Системы радиосвязи обеспечивают безопасность судов, передают коммерческую и служебную информацию. На сегодняшний день системы радиосвязи получили значительное развитие. В настоящее время применяются такие системы как: спутниковая связь Inmarsat, радиолокационные системы, система навигации GPS и многие другие. Морская радиосвязь состоит из следующих компонентов: оборудование и аппаратное обеспечение, а также специальные коды, применяемые в радиосвязи. В связи с отсутствием специализированного русско-персидского словаря по морской радиосвязи, нам приходится выбирать специализированные термины из русских книг по данной тематике, таких как:

— П. О. Борисович «*Морская автоматическая идентификационная система*» — в этой книге можно почерпнуть информацию о судовой аппаратуре;

— В. И. Сидоров, В. В. Романов «*Морская навигация*» — содержит пояснения по таким терминам как *радионавигация*, *радиоприёмник*, *радиопередатчик*, а также по различным видам радиоприёмников: *судовой радиоприёмник*, *панорамный радиоприёмник* и т. п.

— Информация по различным видам антенн, таким как: *линейная антенна*, *штыревая антенна*, *ферритовая антенна*,... изложена в книгах «*Антенные портативные приемники*» В. А. Васильева и «*Антенны*» К. Ротхамеля. В данных книгах классифицированы антенны, их структура и функции.

Персидские книги по морской радиосвязи играют значительную роль при выборе подходящего эквивалента на персидском языке. «*Справочник по морской радиосвязи*» Б. Агаи — Один из основных источников, используемый для персидского толкования эквивалентов. Например, для термина «*радионавигация*» он предлагает подробное и полное толкование, на основании которого можно подобрать самый подходящий эквивалент. И на основе этих толкований можно предлагать самый подходящий эквивалент. Следует отметить, что сфера морской радиосвязи очень широка и располагает колоссальным количеством терминов, пригодных для рассмотрения.

В области радиосвязи можно встретить термины, смежные с другими областями. Так, например, термин «*антенна*» присущ автомобильной, спутниковой и др. областям: автомобильная антенна, спутниковая антенна, телевизионная антенна... Но в данной работе, термин «*антенна*» рассматривается со специальной точки зрения, т.е его толкование предлагается лишь в сфере радиосвязи, а в дальнейшем в смежных областях — портовые антенны, береговые антенны и т.п. В качестве примера можно еще указать на слово «*сигнал*» — оно также имеет несколько значений, а в сфере радиосвязи сигналы в свою очередь разделяются на несколько групп, в том числе: *сигнал бедствия* «*МАУ DAY*», *сигнал безопасности* «*security*» и т.п. Есть термины, которые не переводятся, а только выражаются персидским алфавитом. Например «*супергетеродинамный радиоприёмник*» в персидском языке выражается фразой «*گیرنده سوپر هترودین*» [гирāнде радиои супер-хетрудин]. [Авазпур, 2016, с.19-21]

Основная часть

Начало создания персоязычных словарей исследователи относят к IX в., т.е. к тому периоду, когда получает широкое развитие литература на новоперсидском языке. Богатейшая письменная культура иранского средневековья в большинстве своем была представлена в стихотворной форме. Поэтическая форма письменной речи была не только в произведениях художественной литературы, но и в научных трудах, в работах по дидактике и богословию. Метафоричность и полисемантизм поэтического языка того времени, усложненный цветистый стиль требовали пособий для чтения и понимания текстов. В связи с этим лексикографическая работа осуществлялась в нескольких направлениях создавались толковые словари к отдельным литературным произведениям, толковые словари персидского языка общего характера, терминологические словари. Они представляли собой особый вид научной литературы, игравшей важную

роль в культурной жизни персоязычных народов, так как содержали не только лингвистический, но и энциклопедический материал. Недаром первые толковые и переводные словари персидского языка назывались иранским по происхождению словом «*Фарханг*». В значении «словарь» слово *фарханг* употреблялось еще в доисламскую эпоху как термин среднеперсидской лексикографии. Мы лишь остановимся на характеристике основных персидских словарей, сыгравших ведущую роль в развитии персидской лексикографии. <...> Создание основной массы персидских толковых словарей приходится на XVI – XIX вв. Главные центры их создания – средняя Азия, Иран, Индия, Афганистан, Азербайджан» [Рубинчик, 1991: 6-7].

«С развитием контактов Ирана с различными европейскими странами возникла необходимость в создании переводных словарей на европейских языках. Уже в конце XVII – начале XVIII в. появились первые учебники и словари персидского языка, созданные европейцами с чисто практическими целями. Во второй половине XIX и в начале XX, заметно активизировалась работа по составлению персидских словарей различного типа как в самом Иране, так за его пределами, создаются толковые и переводные (двух и трехязычные) словари, впервые появляются терминологические, этимологические словари персидского языка, словари языка писателей и литературных произведений. Особенно усилилась словарная работа в послевоенные годы и активно продолжалась до конца 70-х годов. В этот период создаются наиболее полные толковые словари персидского языка, различные персидско – иностранноязычные и иностранноязычно – персидские, многочисленные терминологические словари, словари отдельных диалектов и говоров, разговорного языка, пословиц и поговорок» [Рубинчик, 1991:16, 19].

При переводе любого текста всегда от переводчика требуется правильности, ясности, точности в переводе. Таким образом, переводчик старается при помощи разных источников, как словарей и справочников переводить текст. Но иногда у переводчика бывают трудности при переводе текста специальной отрасли, потому что не все термины по данной отрасли существуют в одном определенном словаре и переводчику придется обратиться к разным источникам. Конечно, это занимает время. Поэтому всегда нуждается в составлении словарей по разным специальным отраслям. Первоначально мы будем объяснять отношение между Ираном и странами побережья каспийского моря и необходимость радиосвязи при перевозке суда.

С давних пор Иран имеет важные политико – торговые отношения со странами побережья каспийского моря, такие как Россия, Туркменстан, Казахстан, Азербайджан. Таким образом, Каспийское море считается важнейшим путем для развития этих отношений и имеет стратегическое значение. Ежегодно осуществляются погрузки больших объемов товаров коммерческими укомплектованными судами между Ираном и странами побережья каспийского моря, в том числе Россией и Азербайджаном. Въезд и выезд судов из России в иранские порты и наоборот требует хороших знаний, особенно знаний морских терминов. Например, специалисты радиосвязи, владеющие английским языком, должны уметь переводить важную соответствующую информацию о судне (весь судна, объем склада судна, осадка судна, количество экипажа, ...), соответствующую информацию о товаре (весь товара, вид товара, ...), время прибытия судна в порт назначения, и т.д. между капитаном судна и портом через специальные системы радиосвязи. Поскольку официальный язык стран Каспий – это русский, то специалистам радиосвязи в Иране необходимо знать русский язык для общения с русскоязычными странами. Но, к сожалению, мало специалистов знают русский язык, поэтому могут произойти ошибки при общении с такими странами. Судя по всему, это могут быть стандартные термины по морской радиосвязи в русском языке. Цель данной работы заключается в рассмотрении терминов по морской радиосвязи. Однако до настоящего времени русско – персидский словарь по морской радиосвязи еще не издан. Поэтому необходимо составить словарь по данной теме, который будет полезен тем, кто работает в сфере морской радиосвязи, или переводчикам по русскому языку.

Рассмотрения терминов и выбора подходящих эквивалентов включает в себя следующие последовательности:

1. Выбирать русские термины на основе русских книг и словарей по морской радиосвязи, в том числе «*Радионавигационные приборы и системы*» Василенко В. А, Розен Б. С., «*Антенны портативных приемников*» Васильев В. А., «*Глобальная морская система связи при бедствии и для обеспечения безопасности*» под ред. Пономаренко В.В., «*ГМССБ за три недели*» Морской учебно-тренажерный центр ГМА им. адм. С. О. Маракон, «*Краткий словарь морских терминов*» под ред. Развозова С. Ю., «*Радиосвязь — термины и определения*» Государственный комитет по стандартам СССР., «*Антенны*» Ротхаммель К., «*Электрооборудование и радиосвязь речных судов*» Самодолов Т. Т., «*Морская навигация*» Сидоров В. И., Романов В. В., «*Словарь радиолюбителя*» под ред. Крайзмер Л. П., Хайкин С. Э., «*Словарь радиотерминов*» под ред. Чумаков С. П., «*Морские радионавигационные устройства*» Щеголев Е.Я., «*Основной морской технической терминологии*» Яковлев А. А., Яковлев В.А.

2. Отсутствие русско-персидского словаря по морской радиосвязи, вынуждает нас для поиска подходящего эквивалента на персидском языке обращаться к английским источникам, в том числе: «*Русско-английский морской технический словарь*» Лысенко В.А., «*Русско-английский словарь*» под ред. Ахмановой О.С., Электронный словарь «*ABBYY linguo-12*».

3. При нахождении подходящих эквивалентов в персидском языке используются следующие словари: *Академия персидского языка и литературы* (V, VI, VII, VIII), *Группа избранных терминов, «Англо-персидский словарь специальных терминов по радиосвязи»* Воджуди М. А., Фахими С., *«Англо-персидский словарь по электронике, компьютеру и радиосвязи»* Клаус Будиш П., *«Толковый словарь по радиосвязи»* Ньютон Х., *«Англо-персидский политехнический словарь»* Садри Афшар Г., Хаками Н., *«Словарь-справочник по радиосвязи»* Министерство связи и информационных технологий, *«Словарь по радиосвязи»* Группа избранных терминов по радиосвязи.

4. Русско-персидские источники играют важную роль при нахождении подходящих эквивалентов, в том числе: *«Русско-персидский политехнический словарь»* Мирзабекян Ж.М.

В данной работе при выборе подходящего эквивалента и словосочетаниях всегда имеем в виду нижеследующие параметры и правила, выбранные из Фархангестана:

1. «Эквиваленты должны быть исконно персидские до той степени, чтобы не повредить пониманию грамматического явления.

2. Эквиваленты по значению и этимологии должны быть близки к своим соответствующим терминам в русском языке.

3. Выбирается тот эквивалент, который наиболее близок к русским терминам с точки зрения фонетики (количество слогов, число и порядок звуков).

4. Эквиваленты должны быть близки к своим соответствующим терминам в русском языке.

5. Эквиваленты должны близко совпадать с русским толкованием соответствующего термина. Необходимо на основе русского толкования предлагать подходящий эквивалент на персидском языке.

6. Предлагаемый эквивалент должен быть понятен говорящим на фарси специалистам.

7. Не использовать арабские и английские слова в качестве эквивалента, кроме тех случаев, когда арабские и английские слова являются широко-используемыми.

8. Предлагаемый эквивалент должен быть выбран из тех терминов, по которым у авторов существует общее единое мнение.

9. Необходимо выбрать тот термин, который по структуре совпадает с русским эквивалентом.

10. Необходимо избегать удлинения высказывания. [10]

11. Использовать опыты специалистов, работающих в сфере радиосвязи.

12. Выбирать эквивалент, имеющий наибольшую частоту в сравнении с другими персидскими эквивалентами.

После рассмотрения 52 терминов по морской радиосвязи, можно прийти к следующим итогам: [Авазпур Какруд, 2016, с 108]

1. С точки зрения структуры: Термины в данной работе разделяются на 3 группы, простое слово, осложненное слово и словосочетание.

а) Простое слово обычно переводится одним словом:

– **Сигнал** – پیام - [пәям], علامت - [әламәт], سیگنال - [сигнал]

Исследователь предлагает три варианта для слова «сигнал»:

1) «پیام» [пәям]

2) «علامت» [әламәт]

3) «سیگنال» [сигнал]

1. «پیام» [пәям]: поскольку носит какое-то сообщение.

2. «علامت» [әламәт]: сообщение появляется каким то знаком на приемнике.

3. «سیگنال» [сигнал]: специалисты по радиосвязи рекомендуют «سیگنال» [сигнал] для английского эквивалента «signal».

б) Осложненное слово переводится двумя или более словами.

– **Радиопередатчик** – فرستنده ی رادیویی - [ферестәнде-йе радиои]

Существует единое мнение у авторов. Персидский эквивалент по значению соответствует с русским эквивалентом. Эквивалент «فرستنده ی رادیویی» [ферестәнде-йе радиои] выбран из тех терминов, по которым у авторов существует единое мнение.

в) Словосочетание - переводится тремя или более словами переводится тремя или более словами.

– **Радиомаяк навигационный** – دکل فرستنده ی رادیویی دریایی - [дәкәл-ә ферестәнде-йе радиои-йе дәрәйи], دکل فرستنده ی رادیویی ناوبری - [дәкәл-ә ферестәнде-йе радиои навбәри]

Есть два английского эквивалента — «maritime» и «navigation» для слова «навигационный». Таким образом, на основе английских эквивалентов, предлагается два варианта «دکل فرستنده ی رادیویی ناوبری», [дәкәл-ә ферестәнде-йе радиои навбәри] «دکل فرستنده ی رادیویی دریایی», [дәкәл-ә ферестәнде-йе радиои-йе дәрәйи] а поскольку персидские специалисты редко употребляют второй вариант, то «دکل فرستنده ی رادیویی دریایی», [дәкәл-ә ферестәнде-йе радиои-йе дәрәйи] считается подходящим эквивалентом, наряду с другими эквивалентами.

2. По значению:

а) у тех терминов, которые не имеют эквивалентов в существующих источниках, исследователь пытается на основе английского эквивалента предлагать подходящий эквивалент.

– **Сигнал бедствия «MAY DAY»** — «سیگنال اضطراری (می‌دی)» - [сигнал-э эзтерари-йе мейдэй]

У специалистов по радиосвязи есть единое мнение по поводу слова «MAYDAY», что оно не переводится в персидском языке и используется так и есть, «می‌دی» [мейдэй]

– **Сигнал срочности «PAN PAN»** — «پیام فوریت (پن – پن)» - [пәям-э фориат-э пән пән]

Предложенный нами эквивалент «پیام فوریت (پن – پن)» - [пәям-э фориат-э пән пән] по значению соответствует с русским словосочетанием. По мнению специалистов по радиосвязи, слово «PAN PAN» не переводится в персидском языке. Таким образом, рекомендуется употребить его английский эквивалент с персидской транскрипцией.

– **Радиосвязь** — «ارتباط رادیویی - [эртебат-э радиои], مخابرات - [мохаберат]

Персидский и русский эквивалент полностью совпадают по значению. Хотя слово «радио» имеет французское происхождение [32], но в персидском языке это слово уже употребляется как персидское слово. Эквивалент «ارتباط رادیویی» [эртебат-э радиои] имеет частоту употребления. У авторов есть единое мнение. Еще Агаи в своей книге «справочник по морской радиосвязи» предлагает «مخابرات» [мохаберат].

Заключение

Рассмотрев 52 термина по морской радиосвязи, мы пришли к следующим выводам:

С точки зрения структуры: Термины в данной работе разделяются на 3 группы, простое слово, (состоящее из одного слова), осложненное слово и словосочетание. Простое слово обычно переводится одним словом, осложненное слово хотя состоящее из двух частей, но переводится двумя или тремя словами. И словосочетание — переводится тремя или более, т.е. термины имеются возможности перевести на персидский язык.

По значению: — у тех терминов, которые не имеют эквивалентов в существующих источниках, исследователь пытается на основе английского эквивалента предлагать подходящий эквивалент. Есть термины, по которым в персидских источниках существует единое мнение. Есть термины, которые близки с точки зрения фонетики, например, «Навигация» — navigation — ناوبری [навбәри]. Русское и персидское толкование часто помогает нам предложить подходящий эквивалент: например, по поводу эквивалента термина «радиопеленгатор»-«جهت یاب رادیویی» [джәхәт айб-э радиои]. у авторов существует единое мнение.

Литература:

1. Авазпур, Ш., Магистерская диссертация на тему: Рассмотрение русских терминов по морской радиосвязи и их эквивалентов в персидском языке// научный руководитель: к. ф. н Мохаммади Мохаммад Реза, Тегеран: 2016.
2. Агаи, Б, Справочник по радиосвязи. — Исфаган: Мана, 2012.
3. Академия персидского языка и литературы (V, VI, VII, VIII), Группа избранных терминов, Тегеран: Асар, 1387—1390.
4. Борисович, П.О. Морская автоматическая идентификационная система. — Владивосток: Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского, 2002.
5. Василенко, В. А, Розен Б. С., Радионавигационные приборы и системы — М.: Агропромиздат, 1986.
6. Васильев, В.А. Антенны портативных приемников, — М.: Энергия, 1973.
7. Воджуди, М.А., Фахими С., Англо-персидский словарь специальных терминов по радиосвязи. — Тегеран: Саффар — Эшраги, 2011.
8. Глобальная морская система связи при бедствии и для обеспечения безопасности, под ред. Пономаренко В. В. — Одесса: Морской тренажерный центр, 2002.
9. ГМССБ за три недели, Морской учебно — тренажерный центр ГМА им. адм. С. О. Маракон. — М.: 2000.
10. Голестан, П., Магистерская диссертация на тему: Изучение основных русских грамматических терминов и их соизвещающие корреляты в персидском языке (на уровне морфологии)// Научный руководитель: к. ф. н. Мохаммади М. Р., Тегеран: 2006.
11. Клаус Будиш П., Англо-персидский словарь по электронике, компьютеру и радиосвязи, переведенный Н. Голестани Дариани, Тегеран: Амир Кабир, 2011.
12. Краткий словарь морских терминов, под ред. Развозов С. Ю. — СПб: Государственная морская академия имени адмирала Макарова С. О., 2008.
13. Лысенко, В. А., Русско-английский морской технический словарь. — М.: Логос, 2006.
14. Мирзабекян, Ж.М., Русско-персидский политехнический словарь. — М: Советская энциклопедия, 1973.
15. Насри, Ф., Радионавигация. — Ноушахр: Университет морских наук, 2008.
16. Ньютон, Х., Толковый словарь по радиосвязи, переведенный М. Х. Махдави, Тегеран: Хане нашре хезаре, 2004.

17. Радиосвязь-термины и определения, Государственный комитет по стандартам СССР — М.: 1980.
18. Ротхаммель, К. Антенны: В 2 т. — М.: Додека, 2005. — 2т
19. Рубинчик, Ю. А. Лексикография персидского языка. — М.: Наука, 1991.
20. Русско-английский словарь, под ред. Ахмановой О. С. — М: Огиз Гос. Издательство иностранных и национальных словарей, 1947.
21. Садри Афшар Г., Хаками Н., Англо — персидский политехнический словарь. — Тегеран: Нилуфар, 1994.
22. Самодолов, Т. Т., Электрооборудование и радиосвязь речных судов. — М.: Транспорт, 1981.
23. Сидоров, В. И. Романов В. В., Морская навигация. — М.: Фонтас, 2003.
24. Словарь-справочник по радиосвязи, Министерство связи и информационных технологий, Тегеран: Бинеше но, 2010.
25. Словарь по радиосвязи, Группа избранных терминов по радиосвязи, Тегеран: Университет Санати шариф, 2004.
26. Словарь радиолюбителя, под ред. Крайзмер Л. П., Хайкин С. Э. — М.: Энергия, 1966.
27. Словарь радиотерминов, под ред. Чумаков С. П. — М.: Радиоиздат, 1973.
28. Справочник по радиосвязи, Министерство связи и информационных технологий, Тегеран: Бинеше но, 2010.
29. Щеголев, Е. Я., Морские радионавигационные устройства — Ленинград: Водного транспорта, 1954.
30. Электронный словарь «АВВУУ lingvo-12»
31. Яковлев, А. А., Яковлев В. А., Основной морской технической терминологии. — М.: Морфлот, 1978.
32. Электронный словарь lagousse

Трудности устного перевода для беженцев и мигрантов

Никонова Мария Александровна, магистр

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Данная работа посвящена рассмотрению устного перевода для мигрантов и беженцев. В статье подробно описаны особенности работы коммунальным переводчиком. Особое внимание уделяется рассмотрению трудностей коммунального перевода.

Ключевые слова: коммунальный перевод, коммунальный переводчик, перевод для мигрантов и беженцев, европейский миграционный кризис

The article provides an overview of the process of interpreting for migrants and refugees. The work deals with the peculiar features of community interpreters' job. Special emphasis is laid on the difficulties of community interpreting.

Key words: community interpreting, community interpreter, interpreting for migrants and refugees, European refugee crisis

«Европа стала Европой благодаря миграции. Она сформировала нашу историю и является частью нашей ДНК», — отметил в одном из своих выступлений г-н Martin Seychell, заместитель генерального директора по здравоохранению, Директорат Европейской комиссии по здравоохранению и безопасности пищевых продуктов. Однако в условиях современного мира, или правильнее сказать его отсутствия в таких странах Ближнего Востока, как Сирия, Египет, Афганистан, Ирак, массовый приток беженцев, лиц, ищущих убежища, и мигрантов в Европу представляет собой острую проблему.

В 2015 году согласно данным Евростата в Европу прибыло 1,25 млн. беженцев, что более чем в два раза превысило уровень 2014 года (562,68 тыс) [9]. Несмотря на значительное снижение в 2016 году числа лиц, ищущих убежища, к началу 2017 года можно с уверенностью сказать, что миграционный кризис продолжается и будет продолжаться.

Связано это с рядом причин: недостаток финансирования и одновременно с этим значительные затраты на содержание беженцев и решение миграционных проблем, а также отсутствие четкого плана по распределению беженцев в странах Европы [1, с. 35–44]. Не менее актуальной проблемой остается нехватка квалифицированного персонала, например, полицейских пограничного контроля и работников миграционных служб. Но особенно остро ощущается нехватка переводчиков.

Вы можете задать вопрос: «Почему? Зачем нужны профессиональные переводчики? Сейчас так много людей, которые знают иностранный язык, или владеют им хотя бы на разговорном уровне, неужели этого не достаточно, и нужна помощь специалиста?» Безусловно, ответ «да», особенно, если речь идет о мигрантах и беженцах. Мигранты — это лица, совершающие переселение, меняющие место жительства внутри страны или переезжающие из одной страны в другую, чаще всего из-за экономиче-

ской, политической, национально-правовой нестабильности [13, с. 355]. Беженцы — это лица, оставившие место жительства вследствие какого-нибудь бедствия [13, с. 39]. Иными словами, это люди, которые по той или иной причине оказались в тяжелом, даже безвыходном положении, будь то стихийное бедствие или война, люди, которые ищут помощи в другой, чуждой для них стране и культуре. Задача переводчика заключается не только в том, чтобы обеспечить коммуникацию и взаимопонимание сторон, но и в том, чтобы помочь людям, ищущим убежище, лучше ассимилироваться в другой стране. Это касается многих аспектов, начиная с регистрации в миграционных службах и юридической консультации, заканчивая помощью в получении медицинских услуг. Содействием в решении этих и многих других вопросов занимается коммунальный переводчик.

На первый взгляд, кажется, что знание ПЯ и ИЯ будет более чем достаточно, чтобы стать переводчиком. Действительно, в этом есть доля истины, знание рабочей пары языков является неотъемлемым элементом в создании качественного перевода как письменного, так и устного. Что же тогда может повлиять на успешное выполнение переводчиком его работы? Нельзя забывать, что мигранты и беженцы — это особая «уязвимая» группа людей. Возраст, пол, социальный статус, религиозные и политические воззрения переводчика — все это может оказать положительное или отрицательное влияние на ход и исход коммуникации, которая осуществляется посредством перевода [7, с. 19]. Знание особенностей, а также трудностей коммунального перевода может стать подушкой безопасности для начинающих коммунальных переводчиков. Для того чтобы разобраться в тонкостях этого сложного процесса, необходимо рассмотреть ситуации, в которых используется коммунальный перевод.

Прежде всего, это перевод в миграционных службах. Миграционная служба является своеобразным перевалочным пунктом, обход которого для беженцев и мигрантов незаконен. Беженцы и мигранты проходят собеседование с работниками данных служб, которые собирают всю необходимую информацию об иностранных гражданах с целью признания в соответствии с действующим законодательством правового статуса лиц, прибывающих или намеревающихся прибыть на территорию данной страны [11], их приема и временного размещения на территории принимающей стороны, предоставления временного жилья, трудоустройства и решения многих других вопросов. Переводчик помогает не только заполнить бумаги, но и пройти все необходимые процедуры, включая собеседования. Какие же сложности могут возникнуть в работе переводчика?

Во-первых, огромную роль играет культурный аспект, ведь для вновь прибывших иностранцев местные обычаи, культура в целом и даже задаваемые во время собеседования вопросы могут показаться недопустимыми и даже оскорбительными. Переводчик — это тот человек, который должен смягчать сказанное, но не исказить инфор-

мацию, в этом и заключается основная трудность данного вида перевода.

Следующей сферой, в которой может возникнуть потребность в коммунальном переводе, является юридическая. Ни для кого не секрет, что с увеличением числа беженцев в Европе возросло количество преступлений, начиная с мелких нарушений (езда без билета в общественном транспорте, подделка различных документов, в том числе проездных, справок, мелкое воровство), заканчивая серьезными преступлениями (среди которых ограбления, нанесение увечий, вымогательство, насилие, в том числе и сексуальное). Это не учитывая преступлений и правонарушений в отношении самих беженцев (контрабанда нелегалов, эксплуатация беженцев в подпольных предприятиях, что близко по масштабу к рабскому труду, проституция и т. д.) [8], [10] и это лишь вершина айсберга. Независимо от того, оказывается ли мигрант или беженец на скамье подсудимых, выступает в качестве пострадавшего лица, или же просто нуждается в консультации юриста, он имеет право на помощь переводчика как в ходе следственных действий, так и во время судебного заседания.

Еще одной областью применения коммунального перевода является медицина. О чем думают люди, которые бегут от войны? «Все ли прививки проставлены? Все ли данные указаны в моей медицинской карте?» Разумеется, нет, об этом они задумываются в последнюю очередь. То, с чем столкнулась Европа — это тысячи людей, состояние здоровья которых оставляет желать лучшего, это сотни лагерей беженцев с антисанитарными условиями проживания, это риск завоза и массового распространения болезней, включая «экзотические», нетипичные для данной местности заболевания [1, с. 46–47]. И снова переводчики выступают посредниками между нуждающимися в помощи и теми, кто эту помощь может оказать, в данном случае работниками здравоохранения. Это может быть прохождение медицинского освидетельствования при получении статуса мигранта\ беженца, запись в регистратуре, непосредственный прием у врача, вакцинация и т. д. — во всех этих случаях коммуникация осуществляется, в первую очередь, посредством устного перевода, так называемого коммунального перевода.

Как можно заметить, сферы применения коммунального перевода довольно разнообразны, работа в каждой из них требует от переводчика наличия знаний, понимания специфики, определенных навыков и профессионализма. Перечисленные выше ситуации являются стрессовыми для любого человека, а мигранты и беженцы, вероятнее всего, находятся в неблагоприятном материальном положении, не говоря уже о подавленном моральном состоянии, ведь они вынуждены покинуть родину. Эти люди могут испытывать страх, проявлять раздражительность и подозрительность к сотрудникам миграционной службы, врачам, следователям и даже переводчикам [13].

Отсюда следует, что одной из особенностей коммунального перевода можно считать условия работы пере-

водчика (об этом подробнее говорилось в статье «К вопросу определения понятий «коммунальный перевод» и «коммунальный переводчик» [4, с. 178]). Таким образом, независимо от ситуации, в которой возникает потребность в коммунальном переводе, как принципал, так и переводчик испытывают стресс. У переводчика стресс вызван страхом совершить ошибку при переводе (например, неправильно переведенный диагноз, данные, предоставленные работникам миграционной службы, показания свидетелей и т. д.), от этого в прямом смысле зависит дальнейшая судьба или даже жизнь человека. Также это страх не суметь наладить контакт с принципалом. При устном переводе в равной мере важны и семантика, имеется в виду максимально полная передача ИЯ на ПЯ, и стилистика материала перевода, включая не только вербалику, но и невербальные составляющие, которых нет в письменном переводе. Здесь значительную роль играет умение переводчика воспринимать эти вербальные и невербальные сообщения и правильно их интерпретировать. Переводчик должен также уметь подавать себя как профессионала, но при этом оставаться «простым» человеком, чтобы принципалы не испытывали дополнительного давления, этого итак хватает со стороны представителей власти страны, в которую они въезжают, а наоборот, люди, ищущие убежища, должны полностью доверять переводчику. В этом и есть главное отличие устного перевода от письменного.

Вот почему некоторые полагают, что наилучшим вариантом является выбор переводчика из числа соотечественников мигранта или беженца, тогда переводчик будет восприниматься как «свой человек». Но, как мы знаем, найти коммунального переводчика, который является билингом, довольно трудно, поэтому и существует ряд гласных и негласных правил, а также морально-этических и правовых норм, соблюдение которых является обязательным для коммунальных переводчиков. Давайте рассмотрим их более подробно.

Прежде всего, как именно осуществляется устный перевод для беженцев и мигрантов? В редких случаях применяется синхронный перевод («нашептывание»). По-другому этот вид перевода называют шшутаж — это устный перевод, осуществляемый одновременно со слуховым восприятием исходного текста [3, с. 174], при этом переводчик в прямом смысле слова нашептывает перевод на ухо одному или двум слушателям без использования каких-либо технических средств. В подавляющем большинстве случаев применяется последовательный перевод, т. е. устный перевод текста после его прослушивания [3, с. 173]. Он может осуществляться также дистанционно, посредством современных технологий: Skype, Line, телефонная и конференц-связь и т. д., это позволяет переводить разговор между людьми, находящимися на больших расстояниях друг от друга. Особенно часто этот вид перевода применяют при работе с глухонемыми или слабослышащими. Не менее актуален он и при работе с редкими языками, когда не удается быстро найти и привлечь к ра-

боте переводчика, который работает с этим языком [6, с. 153–154].

Перевод должен осуществляться от первого лица. Кажется бы, это простое правило, но начинающие устные переводчики часто сталкиваются с проблемой выбора местоимений (я, он, мы, вы и т. д.). Представим ситуацию, что беженец (например, женщина 35 лет) говорит: «У меня есть дочь. У меня есть все необходимые документы для того, чтобы...». Как нужно перевести эти предложения, от первого или третьего лица? Ответ напрашивается сам собой, если рассмотреть вариант перевода от третьего лица: «She has a daughter. She has all the necessary documents for...» В итоге становится непонятно, кто эта «she», у кого есть все документы, у дочери или ее матери?

Трудно постоянно переключаться с языка А на язык В, только опыт может помочь справиться с этой задачей. Главное, помнить о том, что в любой момент можно приостановить процесс перевода и уточнить, правильно ли принципалы поняли и восприняли переданную информацию [7, с. 24]. В отличие от письменного текста, устная речь отличается меньшей организованностью и логичностью построения, что также затрудняет понимание. А чтобы информация на ИЯ была передана правильно на ПЯ, необходимо применять технику активного слушания, а также скорописи (вспомогательное средство памяти переводчика, заключающееся в фиксации на бумаге наиболее важной с его точки зрения информации [3, с. 173]). В результате чего переводчик чувствует себя более уверенно, ему не нужно запоминать даты, имена, числа и т. д., и не нужно часто прерывать говорящих, чтобы не забыть, что было сказано, и поскорее это перевести.

Однако использование вспомогательных записей в процессе работы вовсе не означает перевод «слово в слово». Не стоит злоупотреблять пословным переводом, даже если вас об этом просят (чаще всего он требуется в области юриспруденции, например, в зале суда, когда необходима максимально точная передача информации). Пословный перевод может привести к непониманию сторон, особенно, если люди, которых вы переводите, совершенно не знают язык друг друга, но при этом используют многочисленные идиомы (это обычное явление для разговорного стиля речи). Так, например, если перевести фразу «he took me for a ride» пословно, то получится «он взял меня на прогулку», хотя оригинал звучит как «он обманул меня» [7, с. 49].

В то же время есть еще одна крайность: чрезмерные опущения. И речь идет не только о незначительной информации (междометия, лексические повторения, слова-паразиты, заполнители пауз и т. д.). Есть случаи, когда переводчик упускает ключевые детали, в силу неопытности, усталости или речевых особенностей говорящего (заикание, диалекты, высокая скорость речи, неграмотность и т. д.). Если такое происходит, необходимо остановить принципала, сделать небольшой перерыв, попросить говорить медленнее, а иногда стоит прибегнуть к

кардинальным мерам (попросить о помощи другого переводчика). Иначе количество совершенных при переводе ошибок будет расти как снежный ком. Однако опущения допустимы в случае оскорбительной и нецензурной лексики, использование которой может привести к конфликту сторон.

Иногда возникает необходимость упростить речь для облегчения понимания, например, сложных понятий права. Но для того, чтобы переводчик сумел справиться с этой задачей, он должен сам понимать, что он переводит, а значит, обязан хорошо знать терминологию той области, в которой он работает (термины, используемые в миграционных службах, юридическая и медицинская терминология).

Некоторые специалисты полагают, что переводчик должен сохранять нейтральный тон голоса. Безусловно, не стоит полностью копировать интонацию говорящего, переводчик не актер, но и монотонный голос — это не всегда хорошо. Коммунальный переводчик осознает разницу задействованных языков и культур и в соответствии с этим осуществляет устный перевод.

Стоит также упомянуть и о «нейтральности» в поведении переводчика. Коммунальный переводчик — третья, независимая, незаинтересованная сторона. Его главной задачей является точная передача информации и сохранение объективности, беспристрастности. Но сохранить отстраненность при работе с мигрантами и беженцами крайне сложно. И когда человечность при виде бедности,

больных детей, обездоленных, измученных мигрантов берет верх, переводчик становится эмоционально связанным с принципалом, невольно превращается в «помощника», «защитника», «адвоката» [5, с. 13]. Но ни в коем случае нельзя переступать границы отведенной вам роли и давать эмоциям бразды правления. Это, в первую очередь, касается тех коммунальных переводчиков, которые работают в сфере юриспруденции (перевод во время следственных действий и в процессе судопроизводства). Здесь роль переводчика в качестве независимой стороны чрезвычайно важна, она позволяет избежать наличия у переводчика заинтересованности в определенном исходе уголовного дела [4, с. 179–180].

Рамки, в которых находится переводчик, устанавливаются не только морально-этическими нормами, но и правовыми. Так переводчик не имеет права использовать в собственных интересах или в интересах третьих лиц любую информацию, ставшую ему известной в процессе или в результате осуществления перевода, которая во всех случаях рассматривается как «профессиональная тайна» [2, с. 33–34].

Как мы видим, в своей работе коммунальные переводчики сталкиваются с множеством трудностей. Возможно, именно поэтому в разгар миграционного кризиса в Европе так остро ощущается нехватка специалистов этой области. Безусловно, устный перевод — это нелегкий труд, но в то же время, это возможность помочь тем, кто действительно нуждается в помощи.

Литература:

1. Гришин, В.И., Гришина О.А., Кондрашов В.В., Манойло А.В., Кошкин А.П., Бочарников И.В. // Миграционный кризис в Европе. Информационно-аналитический вестник, выпуск № 6. — М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. — 92 с.
2. Кузнецов, О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. — М.: МПИ ФСБ России, 2006. — 118 с.
3. Миньяр-Белоручев, Р.К. Как стать переводчиком? — М.: «Готика», 1999. — 190 с.
4. Никонова, М.А., Скворцов О.Г. К вопросу определения понятий «коммунальный перевод» и «коммунальный переводчик» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февраля 2016 г.). — Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2016. — с. 176–181.
5. Скачкова, И. Переводчики и их клиенты о русском социальном переводе в Финляндии. Tampere: Tampereen yliopisto, 2013. — 118 с.
6. Garzone Giuliana, Viezzi Maurizio. Interpreting in the 21st Century: Challenges and opportunities: Selected papers from the 1st Forli Conference on Interpreting Studies / Giuliana Garzone, Maurizio Viezzi. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. — 335 с.
7. United Nations High Commissioner for Refugees. Interpreting in a Refugee Context, 2009. — 109 с.
8. Европа толкает мигрантов в объятия преступников // ИноСМИ. Ru. URL: <http://inosmi.ru/social/20160201/235237856.html> (дата обращения: 16.01.2017).
9. Миграционный кризис в Европе // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <http://rusrand.ru/analytics/migracionnyu-krizis-v-evrope> (дата обращения: 16.01.2017).
10. Невероятная прибыль перевозчиков мигрантов в Средиземноморье // ИноСМИ. Ru. URL: <http://inosmi.ru/economic/20151219/234856467.html> (дата обращения: 16.01.2017).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2012 г. N 711 г. Москва «О вопросах Федеральной миграционной службы» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2012/07/20/ims-dok.html> (дата обращения: 16.01.2017).

12. Трудности официального перевода: достоверность никому не нужна? // Открытый мир. URL: <http://otkrmir.ru/uslugi-perevoda/sudebnyy-perevod/statii-po-sudebnomu-perevodu/trudnosti-ofitsialnogo-perevoda/> (дата обращения: 16.01.2017).
13. Толковый словарь русского языка. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. — изд. 4-е, переработанное и дополненное/ Ожегов С. И. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

Unusual ways of giving information

Nurutdinova Madina, teacher
Uzbek state world languages University

The fast developing of our century has reverbated every part of writing. Journalism can also combine with any other professions like: economy, business, study, technic and shows its influence. In ancient times the history was drawn on walls, rocks but now it becomes a real profession and considered as fourth power of country. Working with information demand supreme skills and thoroughly handling.

There are many types of journalism: tv, radio, internet, writing form. Despite of types variation there is only one purpose. You can be tv or radio host, or a writer. They collect and then present the information. Now we want to introduce you with fast-developing type of journalism — infojournalism. In many cases was shown in internet by bright visual effects and light perception to audience. The applied genre of journalism is infographics, longrid, time-line, story-maps. Also we can include data-journalism as infojournalism because of its speed.

Key words: *infographics, visualization, datajournalism, longread, statistics, portrait*

Нурутдинова Мадина Чориевна, преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Что такое журналистика? Ответ для нас очевиден, — это писать статьи, вести репортажи, проще говоря, доставлять информацию общественности. Но так ли это на самом деле? Оказывается, все намного сложнее, но не менее интересно. Новости, которые доходят до нас, — это тщательно обработанная информация.

В этой статье журналистика рассматривается под микроскопом, автор расщепляет свой объект на атомы для того, чтобы мы могли увидеть все воочию и воспринять эту информацию глазами журналиста. Мы познакомимся с разными жанрами «искусства пера», узнаем по каким критериям отбирается информация и какие средства помогают журналисту в написании статьи. Здесь также перечислены требования, которым должен соответствовать каждый журналист. Как же все-таки появилась нужда в журналистике и как эта профессия развивалась и давала плоды, мы узнаем в этой статье.

Ключевые слова: *инфографика, визуализация, датажурналистика, лонгрд, статистика, портрет*

The fast developing of our century has reverbated every part of writing. Journalism can also combine with any other professions like: economy, business, study, technic and shows its influence. In ancient times the history was drawn on walls, rocks but now it becomes a real profession and considered as fourth power of country. Working with information demand supreme skills and thoroughly handling.

There are many types of journalism: tv, radio, internet, writing form. Despite of types variation there is only one purpose. You can be tv or radio host, or a writer. They collect and then present the information.

Now we want to introduce you with fast-developing type of journalism — infojournalism. In many cases was shown in internet by bright visual effects and light perception to audience. The applied genre of journalism is infographics, longrid,

time-line, story-maps. Also we can include data-journalism as infojournalism because of its speed.

There were so many accidents in past ten years so we couldn't count them in one day. By statistics of 19 century there were only 10–20 news in a day, but it was enough. By now it is about 1000–3000 of any types of information in a day including daily news, talks, meetings and any other forms.

For present hard days the best suitable is infojournalism it can be shown by graphics, pictures, statistics and it gives results.

If someone wants to work in this sphere, he (she) should make out in design, economics, mathematics, drawings.

Infographics — info (latin) means explanation, graphics (greek) means writing — easy fast and unusual way of pre-

sensation. Firstly it was used In USA in 1982–1983 and shown in «USA Today» magazine. The presentation consists of graphics, statistics and information. Americans understood that it was very easy way of describing information [1].

Infographics is divided into two parts:

— applied in economy financial and business sphere;

— journalistic infographics.

The first is limited by economy financial qualified people. It is narrow in exploiting.

The second form is wide in using, you need numbers statistics and graphics to show information.

The example of infographics:

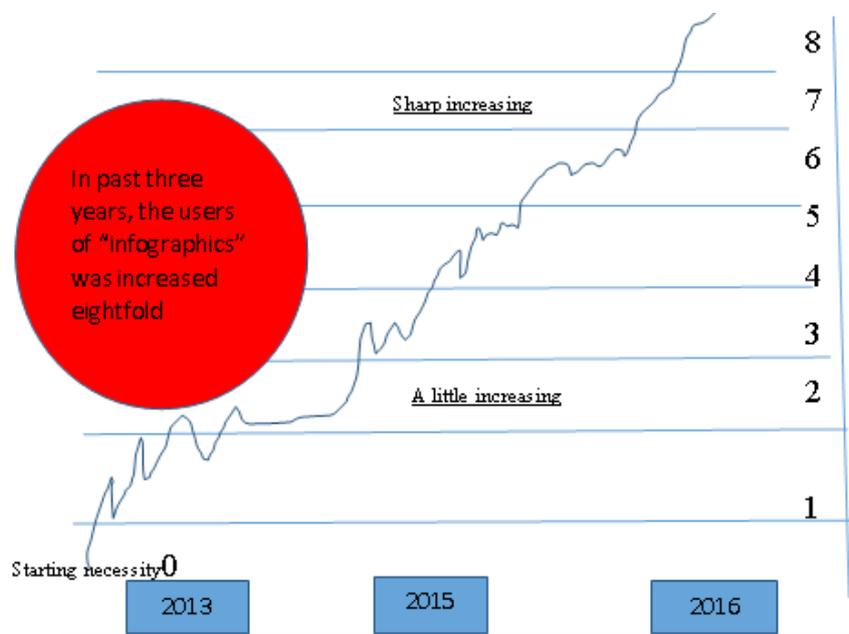

Fig. 1.

In past 2015–2016 years was included to design as one of its type. It was presented by Edward Taft in scientific way.

In opinion of this scientist it is the best way of presenting the information without unnecessary and spare details.

Example of infographics that was made by designer:

Fig. 2.

You can make a presentation with the help of Flash, SVG programmes. There are many ways of showing infographics: by diagrams info-maps pictogrammes gistogrammes. The next wide using type of data-journalism is Longrid. The long rid users made it popular by its simple ways of delivering news to audience. Longrid is also strongly connected with info journalism.

For example if you want to write a Longrid article you will also use infographics extra information and details.

Longrid articles demand full information. And you should introduce audience with any details any people (even if he (she) is not so important). You should full your article with pictures infographics videos presentations. Now we should stop on different genres of Longrid.

Reportage is a very famous for us. For this genre is unnecessary to write about your opinion only facts numbers and etc. [2]

Reconstructive Longrid. The main purpose of reconstructive Longrid is prediction. You must give full informa-

tion about some problems and give suggestions about further condition. And also full it with pictures videos.

Portrait Longrid.

You should write a portrait article with the help of interviews scetch-books biography. In this janre you should fully describe the biography of somebody.

The main rules of Longrid:

- Wide and full opinion;
- Fairly analyzed information;
- Unnecessary information that makes boring your article;
- Fresh and consummate news;
- You should use only your opinion.

The longest Longrid-article was written by Indonesian immigrants, it was 10500 words.

In the end we should remember:

That any news must be fully and truely written. Alternatively your article will be boring and will intrest the audience.

References:

1. MetthwRicketson. Writing feature stories: How to research and write newspaper articles. Unvin 2014.
2. Вейлер К., Мауер Р.И. Сетевые СМИ — другая журналистика. Пер. С англ. //http://www. mediasprur. ru/jour/theorie/
3. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
4. http://ru. wikipedia. org

Исследование эпоса «Шахрияр» в фольклористике

Пашиева Гуландом Микиевна, преподаватель

Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза (Узбекистан)

Каждый народ имеет свою историю и связанный с ней эпос.

Эпос — жанр сложный. Передача событий, изображаемых в эпосе, имеет свою специфику. Действительно, взаимосвязь мелодии, песни и художественной речи в произведении выводит эстетическое восприятие на высший уровень и расширяет круг слушателей. Передаваясь из поколения в поколение, дастаны могут распространяться не только в фольклоре народа-«творца», но и других народов.

«В отличие от сказки героический эпос отличается малой проницаемостью для международных влияний. Представляя историческое прошлое народа в масштабах героической идеализации, он вдохновляется памятью народа о своём прошлом, а не сюжетно занимательными чужеземными образцами. Поэтому эпос не мигрирует, как сказка, и редко заимствует сюжеты и образы у других народов» [3, с. 190].

Эпос может мигрировать только при наличии соответствующих условий, совпадении образа жизни, мировоз-

зрения двух народов, проживающих на смежной территории.

В Хорезмском регионе с древних времен совместно проживают несколько народов.

«Крупным очагом распространения дастанов и центром творческих связей сказителей был и остаётся Хорезм — средоточие культур ряда братских народов — узбеков, туркмен, каракалпаков, таджиков и отчасти казахов. Здесь сказитель в зависимости от аудитории поет на узбекском, туркменском и других языках, что, без условно содействует интенсивному взаимообогащению искусства братских народов [5, с. 206].

В этой связи достаточно вспомнить представителя каракалпакской национальности Муса-бахши, который исполнял дастаны на узбекском, туркменском и каракалпакском языках [10, с. 333].

К слову, традиции наставничества-ученичества здесь приобретают несколько иной характер. Например, туркмен Суяв бахши, являвшийся учеником узбекского сказителя Эшвая бахши, воспитал таких учеников из предста-

вителей других национальностей, как Жумамурод бахши, Болта бахши (туркмены), Ахмад бахши, Отажон бахши (узбеки), Жапак бахши (каракалпак) [10, с. 332–333].

Все эти факторы привели к сближению эпических традиций и ускорению обмена репертуара в регионе. В результате, некоторые дастаны популяризовались среди близкородственных наций.

Именно с данной точки зрения надо подходить при исследовании общих элементов в репертуаре узбекских и каракалпакских бахши. Доказательством этому может послужить репертуар турткульского Курбанбай жырау [6].

Проникновение дастана «Шахрияр» в репертуар каракалпакских сказителей также является результатом взаимовлияния эпических традиций в Хорезмском регионе.

Известный каракалпакский ученый И.Т. Сагитов, классифицируя каракалпакские дастаны, утверждает, что дастан «Шахрияр» возник на основе сюжетов вымышленных сказок [11, с. 38].

Следовательно, этот сюжет первоначально стал популярным в форме легенды, предания, сказки. Однако необходимо отметить, что именно на основе этих жанров он сформировался как книжный дастан, так как всякие легенды, предания и сказки сперва письменно фиксируются, включаются в репертуары сказителей, затем только начинают распространяться среди интеллигенции.

В каракалпакском дастанном творчестве особое место занимают сказители. В исследованиях известного каракалпакского фольклориста К. Айимбетова приводятся сведения о творчестве более двадцати каракалпакских сказителей [1, с. 103].

Останавливаясь на дастане «Шарьяр», ученый подчеркивает: «При исследовании этого дастана необходимо подойти с точки зрения его сопоставительного изучения с дастанами близкородственных народов» [1, с. 104].

Это утверждение ученого не лишено логики, так как определение генезиса всякого дастана требует его сопоставительного изучения.

В середине прошлого столетия В.М. Жирмунский и Х.Т. Зарифов выдвигали такую мысль об узбекском эпосе: «Вопрос о времени, месте и условиях происхождения узбекского народного эпоса пока ещё не может считаться решенным. Для такого решения необходимо широкое сравнительное изучение эпических сюжетов, мотивов, образов, стиля с привлечением для сравнения, с одной стороны, эпического творчества других тюркоязычных, в первую очередь — среднеазиатских народов, с другой стороны близких фольклорных жанров в особенности народной сказки и народной книги» [4, с. 447].

Представляет особый интерес сопоставительное изучение сюжетов дастанов с сюжетами сказок, так как значительное количество народных книг с точки зрения генезиса связано со сказками [15].

В частности, дастан «Шахрияр» имеет непосредственную связь с легендами, преданиями и сказками. Поэтому, в решении многих проблем исследование ее в со-

поставительно-типологическом аспекте имеет важную научно-практическую значимость.

Дастан «Шахрияр» особо популярен в Хорезмском регионе. Сюжет и мотивы устных и письменных вариантов совпадают с каракалпакской версией дастана. И хорезмская и каракалпакская версии глубоко научно исследовались.

Был переиздан рукописный экземпляр дастана, принадлежащий ханкинской сказительнице Суна [9, с. 343–431].

Распространение дастана «Шахрияр» в Хорезмском регионе. Дастан широко распространен среди узбеков и каракалпаков, проживающих на территории региона. Известные исследователи высказали ценные суждения о генезисе, ареале распространения, исполнителях, легендарных и сказочных вариантах этого дастана. Были исследованы и связи между его каракалпакской и узбекской версиями.

Одно из таких исследований было осуществлено известным ученым-литературоведом М.К. Нурмухамедовым. В его книге «Сказка А.С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии» дается обзор исследований дастана «Шахрияр».

Как утверждает М.К. Нурмухамедов, в 50-х годах прошлого века член археологическо-этнографической экспедиции в Шаватском районе Хорезмской области Г.П. Снесарев записывает сюжет легенды у 52-летнего Юсуфджана ишана, который был очень близок сюжету произведения А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане».

Г.П. Снесарев приходит к такому выводу, что эта легенда составила основу сюжета пушкинской сказки. Таким образом, он опровергает точку зрения русского фольклориста Е. Аничковой, которая видит корни сюжетов сказок А.С. Пушкина в греческой мифологии.

М.К. Нурмухамедов придерживается точки зрения Г.П. Снесарева и в своей книге подкрепляет ее вескими доводами [8, с. 6–7]. Утверждается, что данный сюжет в X-XII веках через Хорезм переходит в Восточную Европу.

В своем исследовании М.К. Нурмухамедов, останавливаясь на формировании и эволюции дастана «Шарьяр», бытующего в каракалпакском фольклоре, приводит ценные сведения и о его исполнителях, издателях, сказочном варианте сюжета.

Одно из ценных исследований дастана «Шахрияр» принадлежит ученому К. Максетову. Статья ученого «Шарьяр» достони туралы» [7, с. 62–136] — явное подтверждение данной мысли. В ней автор дает сведения о печатных экземплярах дастана XVIII-XIX веков, переходе на репертуар каракалпакских сказителей и его эволюции, о значимости рецензий А. Пахратдинова и И. Сагитова на сюжет дастана. В свою очередь, исследователь оценивает дастан как произведение на бытовую тему и сопоставляет его с произведением А.С. Пушкина, а также выдвигает гипотезу о связи его сюжета с турецкой народной сказкой «Дил рўкаш» и казахской «Мунглик ва Зорлик».

В статье автор останавливается и на особенностях вариантов, принадлежащих Утанияз жырау, Кияс жырау, Есемурат жырау, Абдирейим жырау, КулаMAT жырау и Жумабой жырау. Далее приводятся ценные мысли о композиции, традиционных мотивах, образной системе, основном конфликте и художественности произведения.

Заслуживают внимания труды Х. Абдуллаева, посвященные взаимосвязи дастана «Шахрияр» и каракалпакского эпоса «Шарьяр» [1, с. 6–64]. Он, выдвигая гипотезы о вариантах дастана «Киронхон-Шахриёр», сравнивает сюжет дастана «Шарьяр» с узбекскими вариантами дастанов «Сохибқирон», «Ойпарча», «Киронхон», «Дурапшо», «Чорёр», «Қоракўзойим», стараясь, таким образом, установить генезис произведения.

Исследование имеет большую ценность как важный источник при решении некоторых проблем. Вместе с этим имеются и спорные аспекты. Например, исследователь ищет основу сюжета в устных преданиях и легендах тюркских народов. В во вступлении рукописного варианта «Шахриёри олам» имеется такое предложение: «В провинции Яман царствовал каянидский правитель Дарапшо». Оно связывает произведение с «Шахнаме». Кроме того, М. Нурмухамедов и К. Мақсетов полностью обосновали связь сюжета дастана с письменными источниками.

Данный вопрос основательно решается в книге Х. Хамидова «Боқий бўстон таровати» [14].

Ценные суждения о дастане «Шахрияр», его связях с версиями других тюркских народов приводятся и в исследованиях фольклориста С. Р. Рузимбаева.

Литература:

1. Абдуллаев, Х. Халқ дostonлари ва уларнинг вариантлари. — Ташкент, 1984.
2. Айымбетов, Қ. Халқ даналығы. — Нукус: Каракалпакстан, 1988.
3. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение. — Л.: Наука, 1979.
4. Жирмунский, В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. — М.: ГИХЛ, 1947.
5. Каррыев, Б. А. Эпические сказания о Кероглы у тюркоязычных народов. — М.: Вост. лит., 1968.
6. Мадрахимова, Н. Я. «Ширин билан Шакар» дostonининг қиёсий-типологияк таҳлили (ўзбек ва қоракалпоқ версиялари асосида). Автореферат. — Ташкент, 1996.
7. Мақсетов, Қ. Дәстанлар, жыраулар, бақсылар. — Нукус: Каракалпакстан, 1992.
8. Нурмухамедов, М. К. Сказки А. С. Пушкина и фольклор Средней Азии. — Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. — Ташкент: Фан, 1983.
9. Ошиқнома. Книга II. — Ургенч: Хоразм, 2006.
10. Ошиқнома. Книга IV. — Ургенч: Хоразм, 2009.
11. Сагитов, И. Т. Каракалпақ халқының қахарманлық эпосы. — Нукус: Каракалпакстан, 1986.
12. См.: Рўзимбоев С. «Шахриёр» дostonининг ўзбекча қўлёзма варианты ҳақида // Адабий мерос. — 1981. № 2.
13. См.: Рўзимбоев С. С. Жанубий Хоразм дostonлари тилининг луғавий-маъновий таҳлили («Шахриёр» ва «Маликаи Завриё» дostonлари асосида). — Ташкент, 2000.
14. Хамидов, Х. Боқий бўстон таровати. — Ташкент: изд-во имени Г. Гуляма, 1986.
15. Эгамбердиева, Г. М. Эртақ тип сюжетли Хоразм дostonлари поэтикаси. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. — Ташкент, 2005.

Как утверждает ученый, распространение дастана «Шахрияр» в Хорезме имеет такую же давнюю историю, как и «Авеста». Начиная с тех времен, мотивы сюжета были распространены среди населения в виде сказок, легенд и преданий. После запрета «Авесты» сюжет перекочевал в «Шахнаме». В XVII веке начинают распространяться письменные экземпляры дастана, которые создают почву для возникновения его устных вариантов [12]. «Однако послушать киссачи приходили и бахши. Неграмотные бахши заучивали тексты наизусть, подвергали их своеобразной обработке и распространяли в более широкой аудитории.

Киссачи читали напевным речитативом, близко напоминающим манеру исполнителей русских былин [9, с. 128]. Все это подтверждает гипотезу о связи и каракалпакской версии с письменными вариантами.

Опубликованный в Хорезме экземпляр дастана «Шахрияр» был исследован в лингвистическом плане [13].

Вместе с изучением лингвистических особенностей произведения, тщательно проанализированы и лингво-поэтические средства текста. Отмечено активное употребление в лексике дастана слов и словосочетаний арабского и персидского происхождения. Доказано, что основную массу лексических средств составляют тюркизмы. Некоторые лексемы были сопоставлены со словами из произведения М. Кашгарского «Словарь тюркских наречий».

Язык дастана, интерпретация образов также подтверждают суждения известных ученых: произведение сперва было распространено в письменном варианте, затем проникло в репертуар бахши и полностью сформировалось в XVI-XVII веках.

Ономастический пласт в художественной речи дастанов

Рузимбаев Сарвар Сапарбаевич, кандидат филологических наук, доцент
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В народных дастанах, особенно в их художественной речи активно обращаются к ономастическому пласту. Имена персонажей также подбираются неслучайно. Особое внимание при этом обращается на имя главного героя.

Известно, что «Имена людей — часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты» [7, с. 3].

Ономастический пласт занимает особое место в лексике дастанов, так как события в нем протекают в определенной местности и связываются с деятельностью ее жителей. Поэтому в дастанах часто упоминаются топонимы, антропонимы. Заслуживают особого внимания вопросы, связанные с именами эпического героя и его приближенных, потому что «существующее в нашем языке большое количество имен является бесценной жемчужиной, важным культурным и духовным богатством нашего народа. Имена, как и сами народы, имеют свою историю, в которой отражаются условия их возникновения и развития» [2, с. 3]. Часть этой истории дошла до нас в составе дастанов.

Имена, упоминаемые в тексте дастанов, выбраны неспроста, так как они связаны с характером, качеством героя произведения [8, с. 23]. Имена персонажей также служат для выяснения идеи произведения [6, с. 44–49].

Антропонимия дастанов, представляющая собой составную часть лексического богатства диалектов, до сих пор не исследована в узбекском языкознании [4, с. 5]. Антропонимы, встречающиеся в составе хорезмских дастанов, также не подвергнуты серьезному исследованию.

Известно, что в других жанрах народного творчества именам героев, как важному вспомогательному средству, не уделялось особого внимания. В частности, в сказках вместо них используются такие аппелятивы, как старик, старуха, принц, принцесса и т. п. Одной из причин надежды имен в дастанах особым значением является непосредственная связь данного жанра с развитием человеческого общества.

На протяжении веков дастаны были связаны с жизнью, духовностью народа и переплетались с исповедуемой им религией. В свою очередь, данное обстоятельство играет важную роль в формировании человеческого имени. По лексико-семантической классификации имена можно разделить на следующие группы:

1. Имена религиозного характера: Мухаммаджон, Махмуд, Абдулла, Маматхон (Мухаммадхон), Рахимберди, Маматсўйин (Мухаммадхусайн) Хизр, Ахмад, Жаббор, Муртазо, Али, Фотима, Хазрати Полвон, Баховаддин и другие. В именах данной категории имеются

производные от имен пророка, святых, исторических и религиозных личностей.

2. Имена, связанные с небесными телами: Хуршид, Ойжамол, Хилола, Ойпора, Шамсикамар, Мехригул, Ойсултон, Мехришамс, Обир (абр), Анжумпари, Шамсунпари.

3. Имена, связанные с растительным миром: Лола, Сарвигул, Гулширин, Гулжамила, Гулжахон, Гулзор, Гуландом, Гулиасрор, Гулчехра, Наргиз, Бодом, Ясмик.

4. Имена, связанные с животным миром: Сўна, Арслон, Кумри, Тўти, Кўзи, Кўчкор.

5. Имена, образованные от слов, обозначающих родственные связи: Бобохон, Отахон, Бобожон (Бўжон).

6. Имена, связанные с цветовыми оттенками: Оксулуд, Қорамалик, Кўкгул, Савсон, Хуризаъфарон.

7. Экзотические имена: Шахриёр, Шахсувор, Шамсикамарподшо, Рустамшох, Оға Юнус, Хурилко и другие.

Имена данной группы в тексте употребляются для указания на определенное качество обладателя: Шахриёри олам, Шахсувори олам, Оға Юнус паризод, Хон Гўрўгли, Бек Гўрўгли, Шох Рустам, Сокина Сардор и другие. Данные качества в тексте дастана порождают возвышенную художественную речь. Эти имена условно можно назвать экзотическими антропонимами.

8. Имена, связанные с временами года: Навбахорбиби, Ёзим и другие. Выбор таких имен связан с обычаями по празднованию наступления определенного сезона. Однако отсутствуют имена, связанные с осенью и зимой, что связано с их символикой. Обряд имянаречения эпических героев в дастанах рассматривается как один из основных. Он осуществляется в кругу уважаемых и почитаемых людей.

В дастане «Шахрияр» о рождении главного героя Шахрияра и обряде его имянаречения повествуется следующим образом: «Явился на свет мальчик... Ему дали имя. Отца его звали Шахсувориолам, а мальчику дали имя Шахрияр и помолились за него» [3, с. 357].

Значение имени Шахсувор — грациозный наездник, всадник, богатырь. В дастане также встречаются женские образы Гулчехра, Анжум пери, Шамсун. Рассмотрим значения этих имен: Гулчехра — лицо, подобное цветку, красивая, изящная, прелестная; Анжум пери — кудряво-волосая, лицо подобно молодому месяцу, зубы жемчужные, губы рубиновые; Шамсун пери — изящная, муравьиная талия, несравненная красавица.

С этимологической точки зрения экзотические антропонимы в дастане имели арабское, персидское, еврейское происхождение и служили для характеристики смелости, отваги главных героев:

Шахриёрнинг пири хазрат Алидур,

Хақнинг даргоҳинда севгили кулдир [3, с. 373].
букв.

Наставником Шахрияра был почтеннейший Али,
Который был мил и самому Всевышнему.

Использованное в этих строках имя святого Али в религиозных догматах означало «верховный», «отличный».

Оганг бўлди биздин жудо,
Хизри Илёс анга хамроҳ [3, с. 389].
букв.

Твой брат покинул нас,
Пусть сопутствует ему Хызр Ильяс.

Употребленное в двустишии имя Хызр Ильяс имеет значение «бессмертный».

В дастане «Шахрияр» имеются строки, где к лицам с религиозным именем обращаются с просьбой о помощи, милосердии:

Тангрининг бир дўсти Хазрати Мусо,
Бир Расули онинг Ҳазрати Исо.
Ошиқлар сарвари Юсуф, Зулайҳо,
Раҳм этақўр ҳоли зорима манинг [3, с. 374].

Мусо, Исо — имена святых Моисея и Иисуса. Также в тексте встречаются такие антропонимы арабского происхождения, как Набиулло (пророк Ной), Жалил (могущественный), Жаббор (сильный, целитель души); еврейского происхождения: Айюб (выносливый, терпеливый пророк), Довуд (единственный), Иброхим (прекращающий), Исмоил (милый), Ёқуб (избранный), Сулаймон (способный, здоровый); персидского происхождения: Фарход (сильный), Ширин, Заҳҳок (змея-дракон, отец Жайхун пери), Омин шох (оберегающий, отец Шамсун пери).

Арабское и персидское происхождение имен в дастане свидетельствует о заимствовании сюжета дастана из фольклора этих народов.

В тексте дастанов отдельные имена людей сочетаются с прозвищами, соответствующими особенностям их характера. Со временем эти прозвища приобрели негативный оттенок, добавляясь к именам отрицательных героев:

Сафар косе. Косе — человек, имеющий редкую бороду и усы (безбородый). В представлении народа такой человек приносил несчастье, о чем свидетельствует пословица «Кўса келса қўл қурир», которая буквально означает: «С приходом безбородого мелеет озеро». Зависть, эгоизм Сафара косе из дастана «Гороглы», Кенжабая косе из «Эдигея» полностью соответствует их прозвищам.

Каманд айёр. Слово «каманд» означает петлю, ловушку, а определение «айёр» (хитрый) еще более усиливает негативность образа Каманд, который коварным путем похищает Хирмон пери, главную героиню одноименного дастана.

Шомомо маккор. Значение этого прозвища — коварный человек, обманщик. В действительности, он путем обмана похищает коня Гирата, принадлежащего Гороглы.

Сейтак қирқма. Это понятие означает щегольство, хвастливость.

Вали дуник. Слово «дуник» в некоторых диалектах употребляется в значениях лицемер, выходящий сухим из воды.

В некоторых случаях прозвища даются, исходя из профессии человека, занимаемой им должности:

Булдур қассоб — отец Авазхана (қассоб — мясник).

Сакина Сардор — глава служанок.

Бобохон шотир — стремянный.

Обир махрам — закадычный друг, наперсник.

Прозвища Мулла Бўжон, уста Бодом также указывают на профессию, род деятельности человека.

Гариб, Хирмон дали, Бозиргон из дастана «Ашик-Кериб и Шахсанам» тоже являются прозвищами.

Гариб. Настоящее имя героя — Шахназар. После смерти отца его прозывают Гарибом, который буквально значит беспомощный, бедный.

Окча. Настоящее имя Гулнихол. Исходя из белоснежности лица, героиню прозывают «окча».

Хирмондали. Хирмон — сокращенная форма слова Хиромон. Исходя из ловкости и воинственности девушку прозывают «дали» (воинственная).

Бозиргон — торговец на базаре. Настоящее имя героя не упоминается в дастане, а употребляется в форме «Бозиргон, сын Салсол». Этот герой-богатырь, в основном, занимается торговлей.

Все вышеупомянутые прозвища служат в дастане для четкого выделения характерных особенностей, рода деятельности героев, а также для различения их друг от друга. Кроме этого, существуют прозвища, которые выбираются исходя от социального положения, национальности, принадлежности к определенным слоям населения.

Эдиге узбек, Саёдхон, Эрмонбий, Шермонбий.

Эдигей является прозвищем героя, настоящее его имя — Рахимберди. Впоследствии прозвище стало частью имени. В некоторых источниках отмечается, что антропоним Эдигей связано с «ийдгоҳ» (место проведения религиозных праздников) [3, с. 345].

В исторических памятниках зафиксировано, что Идиге происходил от узбекского рода [1, с. 148].

Имя Саёд, встречающееся в Хорезмских дастанах, связано с названием одного из племен: «...баяты, саяты, тегены, авшары и др., восходящие генетически к огузскому племени, — представляются нам потомками тех племен, которые в разной степени и на разных этапах принимали участие в тюркизации старого аборигенного населения Оазиса» [5, с. 91].

Элемент «бий» в именах Эрмонбий, Шермонбий вначале означал титул, социальный статус, передающийся из поколения в поколение, но позже превратился в прозвище. Титул «бий» давался старейшинам рода [9, с. 37].

Следовательно, имена и прозвища, находясь в непосредственной взаимосвязи с историей народа, его этнографией, дают нам ценные сведения об истории языка.

Литература:

1. Абдураимов, М. Темур ва Тўхтамиш // Шарк юлдузи, № 11, 1991.
2. Бегматов, Э. Исм чироғи. — Ташкент: Фан, 1994.
3. Ошикнома. Книга II. — Ургенч: Хорезм, 2006.
4. Рахимов, С. М. Хоразм минтақавий антропонимикаси. — Ташкент, 1998.
5. Снесарев, Г. П. Объяснительная записка к карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — нач. XX в.) // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1975.
6. Солижонов, Й., Муминов С. Бадий асарларда исмининг айрим функциялари // ЎТА, 1984, № 2.
7. Сулова, А. В., Суперанская А. В. О русских именах. — Л., 1991.
8. Урманчиев, Ф. Имя эпического героя // Вопросы тюркологии. — Баку, 1986, № 4.
9. Чориев, З. Тарих атамаларининг қисқача изоҳли лугати. — Ташкент: Академия, 2002.

Художественный мир Ф. Искандера

Рузимбаев Хуррам Сапарбаевич, кандидат филологических наук, доцент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В ряду современных мастеров художественного слова видное место занимает творчество известного абхазского писателя Фазиля Искандера (1929–2016).

Творчество Ф. Искандера представляет собой художественный феномен: писатель, пишущий исключительно на русском языке, он, тем не менее, принес в русскую литературу богатый мир абхазской бытовой и культурной жизни. Действительно, место действия в большинстве произведений Искандера — Абхазия, главные герои — абхазы. Великолепное знание автором народной культуры и фольклора позволяет ему широко использовать этот интересный материал, давая читателю почувствовать Абхазию изнутри. Однако Ф. Искандер считает себя русским писателем — и не только благодаря языку, на котором он создает свои произведения: его художественный мир тесно связан с традициями русской реалистической прозы.

Фазиль Абдулович Искандер родился 6 марта 1929 года в городе Сухуми. Жизнь каждого писателя воплощена в его книгах. Фазиль Искандер в этом отношении, как и во многих других, — особый случай. Абхазец Фазиль Искандер пишет свои книги на русском языке. Художественный мир его прозы не просто связан, но почти весь уместается в Абхазии. Тип художественного видения, при котором «малая родина» из бесконечно дорогого, но захолустного уголка становится средоточием правды о мире и критерием его оценки, — одно из художественных открытий литературы XX века, когда авторское «всеведение» стало условностью. «Автобиографизм» книг Искандера — ключ к его личной судьбе и судьбам мира.

В творчестве писателя наблюдается своеобразное сочетание традиций мировой и русской классической сатиры и юмора. Его художественные произведения органично вобрали в себя искрометный и добрый юмор Н. В. Гоголя, саркастическую сатиру М. Салтыкова-Щедрина и М. Булгакова, «смех сквозь слезы» М. Зощенко.

Есть писатели, использующие широкий диапазон комических средств. Например, у Н. В. Гоголя есть приемы звуковой семантики, забавные имена, каламбуры, алогизмы, гротеск, комическое в поступках, манерах, облике персонажей, в сюжетных положениях и манере повествования. Фазиль Искандер не пользуется всеми этими приемами. У него нет значимых имен, в портретах персонажей и их поведении нет заострения, шаржа; как портретист он вообще скуп. Наружность действующих лиц лишь тогда привлекает внимание повествователя, когда она включена в смысловое движение рассказа. Для писателя важное значение имеет трактовка происходящего в комическом ключе. Комизм возникает и реализуется не в портретных характеристиках, а в сфере авторской речи. Комизм Ф. Искандера — интонационный. Комические приемы авторской речи разнообразны — это и парадокс, и пародирование, и иронический подтекст, и прочее.

Главный герой романа «Сандро из Чегема» — это воплощение юмора, иронии, веселья. Он постоянно шутит, рассказывает смешные истории из жизни, описывает подвиги, которые он совершал, смеется над знакомыми и друзьями, но что самое главное, он может посмеяться и над собой, над своими приключениями, он не боится выставить себя в невыгодном свете.

Хотя подвиги Сандро и комичны, сам он отнюдь не смешон. Ф. Искандер подчеркивает его физическую привлекательность, обаяние, ум, находчивость, чувство собственного достоинства. Сандро не смешон — он смешит.

В самые тяжелые дни жизни, в сложных ситуациях, смех никогда его не покидает. Во всех рассказах, где присутствует Сандро, он предстает перед нами беззаботным балагуром, радующимся жизни. У него есть фольклорный прототип — плут, с которым его роднит лукавство, насмешливость, живой ум. Отсутствуют другие черты, присущие этому типу — корыстолюбие,

неразборчивость в средствах, похотливость, грубая телесность [3].

Герой синтезирует фольклорную, народную традицию. Смех у Фазиля Искандера вообще присущ народной жизни; у чегемцев в ходу шутки, острое словцо, нет места демагогии и социальным миражам. Там, где смех, там всегда ум и здравый смысл.

Таким образом, главной чертой произведений писателя является открытый смелый юмор. «Чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставляемый этим обратным путем, и будет настоящим юмором» [2, с. 32].

Искандеровский юмор как составную часть мироощущения рассматривает Н. Иванова в своей книге «Смех против страха, или Фазиль Искандер». Она исследует тему противостояния человеческой личности тоталитарному миру на основе произведений писателя. Н. Иванова приходит к следующему выводу: смех у Фазиля Искандера является художественным средством, которое возвращает миру равновесие, потерянное в результате вторжения тоталитаризма в частную жизнь человека. В художественной системе Фазиля Искандера юмористическая подоплека повествования имеет коннотативное значение: она противопоставлена страху, приходящему извне [1].

Смех, по Н. Ивановой, — внутренняя защитная реакция, она идет от душевного настроения индивидуума, в то время как страх является внешним, чуждым явлением. Смех обладает жизнеутверждающим началом: он углубляет понимание вещей и дает суровую оценку человеческим недостаткам.

Гневный и саркастический смех Ф. Искандера звучит в философской сказке «Кролики и удавы». Здесь писатель

вскрывает механизм тоталитарной системы и анализирует его на разных исторических и социальных уровнях. Он воспроизводит структуру иерархического общества, основанного на лжи. Мотив гипноза, которым охвачены кролики в сказке — один из ключевых в концепции Ф. Искандера. Автор создал сказку о социуме, опирающемся на зомбирование и страх. «Кролики и удавы» — плод горьких размышлений Ф. Искандера о поведении творческой интеллигенции.

Необходимо также указать и на важную роль анекдота в произведениях писателя. Анекдоты рассказываются героем-повествователем, самим автором, героями романа. Анекдот в «Сандро из Чегема» — это своего рода текст, построенный в традициях устного народного творчества, где многочисленные анекдотические случаи составляют основу сюжетной канвы произведения. В ситуациях речевой коммуникации в романе возникает игра слов, которая имеет тенденцию перерастать в анекдот как таковой (например, «колхоз/кумхоз»). Анекдотический случай может разворачиваться в сюжет целой новеллы (новелла «Колчерукий»). Ну и, конечно же, сам Сандро — любитель шуток, баек, анекдотов, чей рассказ не обходится без юмористической подоплеки.

Ф. Искандер через юмор обнажает неразумное в окружающем мире. Своеобразие интонации писателя обусловлено индивидуальными свойствами дарования и национальным складом характера его народа. Привлекает жизненный лиризм. Писатель чужд крайних проявлений условности, фантастики. Его истории вырастают из хорошо знакомого ему быта; создается впечатление, что он ничего не придумывает, а записывает и комментирует увиденное, делясь по ходу дела с читателем своими соображениями, переживаниями, воспоминаниями. Он — рожденный наблюдательный рассказчик.

Литература:

1. Иванова, Н. Б. Смех против страха, или Фазиль Искандер. — М., 1990.
2. Искандер, Ф. А. Начало. Рассказы. — Сухуми: Алашара, 1978.
3. Искандер, Ф. А. Сандро из Чегема: В 2 т. — М., 1999.
4. Интернет-ресурсы.

The subject matter and similar plots of epic poems and their comparative analysis

Ruzmetov Hamid Kalandarovich, candidate of philological sciences, associate professor;

Sapaeva Bibijon Rustamovna, master

Urgench state University named after Al-Khorezmi (Uzbekistan)

Рузметов Хамиджон Каландарович, кандидат филологических наук, доцент;

Сапаева Бибижон Рустамовна, магистрант

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

The nation, which forgot its past, will not have its future

I. A. Karimov

As we know, each nation in the world has their own legendary heroes. In turn, folk epics are heroic tales about the honor of gods and heroes. At first, the term «epic» was used for the description of heroic adventures. In these epics, there will always be the main character and his whole adventurous life will be described thoroughly. That's why, it is called «heroic epics». They were narrated by aeds and rhapsodes in Greece, suts, magadhas, vandinams (palace singers), kushilava (wandering musicians) in India; jongliers and troubadours in France; gus and skomorokhs in Russia; shpielmans in Germany, akyn, bakhshi (folk singer) and poets in Central Asia. The main content of epics comprises a certain historical background, which caused to an incomparable heroism and endeavor, battles among people, and great courage of the hero, but not usual event. That's why, it is said that the main subject, being the art of interpreting events (R. Wellek and O. Uorren) in epics is history or basing on real-life events of the occurrence, in it the destiny of a whole people is commented inseparably together with development of historical events. The research assert that the described events in epics occurred in real life.

For example, Homer's epic «Odyssey», is a literary tale, comprising historical realities, revealing much about life and times in early Greece. At the meantime, the details show valid recollections of the past, which were confirmed by an archaeological research — that the vision of a «Historical Troy», as well as, armor and ship design existed exactly in the second millennium (ca. 1200 BCE).

However, literal-figurative means or expressiveness, using exaggeration and allegory or simile, importance of the narrating scene of events play an immense role on interpreting the events in sequence, likewise, the cultural background of the main character, a festive description of his great courage, good deeds, as well as, the troops, weapons and the battle field and e. t. are intensively described. «Cultural» or an epic hero in epics is described as a powerful character, whose wisdom and courage, was gifted by the God. The following statements, taken from the epic «Gilgamesh» can be a crucial example: «when the gods created Gilgamesh they gave him a perfect body, Shamash the glorious sun endowed him with beauty. Adad the god of the storm endowed him with courage, the great gods made his beauty perfect, surpassing all others, terrifying like a great wild bull. Two thirds they made him god and one third man»

Due to the previous poetic origin, epics plan its genre features and considerable maintenance. Having been refined through long periods, passing from generation to generation, it enriches by the help of legend and myths, the God and heroes, religious commitment and behavior norms, historical data and then will submit them as an entire historical process.

The events of old epics were embodied through the imagination of the people of that period in romantic or heroic adventure or religious-mythological descriptions, being in written or oral form.

Old epic poems include «Iliad» and «Odyssey» by Homer, Indian folk epics «Ramayana» and «Mahabharata», German «Song of Nibelungs», Spanish «Song of Sid», French «Song of Roland», Anglo-Saxon epic «Beowulf», «Kalevala» of Karel-Fins, Georgian «Amirani», Kyrgyzian «Manas», Russian «Battle record of Igor» and Uzbek «Alpamish».

In turn, the epic poem «Alpomish», being a valuable work, is considered a heroic poem, which represents the ancient and glorious history of Uzbek people, passing from generation to generation. It was described good virtues of the people such as fidelity, great patience and devotion. That's why, the epic «Alpomish» embodies the concept of patriotism and summons the people to defend their land.

Moreover, there has been kept the data that the first works of the ancient French epics in the medieval French literature, were formed as a heroic poems, which were developed in a form of epic poem, which was called «Chanson de geste» (poems about the events) and devoted to the milestones such as labor, daily life-style, marriage and religious matters. The people's life and their desire, which reflected love adventures and heroic endeavors were involved in these epics. At the meantime, the epic «Song of Roland» gains more significance on this matter.

Being well-known for their loyalty, fidelity, prowess and agility, some of these characters underwent similar stories. The most common plot is that the main characters fought with dragons, troll-shape monsters and defended their people.

If we pay attention to some identical points in some of these folks, Gilgamesh an epic hero in the Akkadian epic «Gilgamesh», who was a Babylonian king set out in order to seek an everlasting life. At the meantime, King Arthur in folk epics of Anglo-Saxons, been especially famous for the round

table and Camelot, made such a journey, seeking an eternal life cup.

Another attractive point is that the divine agility of these epic heroes; the event about pulling out the sword Excalibur by Arthur, which nobody managed to do it shows that Arthur had a gifted power and courage. As well as, we can exemplify another old Anglo-Saxon epic poem «Beowulf», while fighting with Grendel's mother, a troll-shape monster, Beowulf was able to lift the sword, hung on the wall, which nobody could lift it, because of being hammered by giants and blessed with their magic, and to kill the monster by the help of that sword.

Moreover, it is important to emphasize that, in order to be wise king and an experienced ruler, the contribution of these hero's loyal companions, their magician friends is massive. For example, in the epic «Gilgamesh» Enkidu, brave and loyal to his friend Gilgamesh; in Anglo-Saxon epic «Beowulf» loyal and courageous Wiglaf, next king after Beowulf; in the epic «King Arthur and Round Table» magician and true friend of Arthur — Merlin; in French epic «Song of Roland» Oliver — true friend of Roland, who represents wisdom; and as well as, in our national epic «Alpomish» Qorajon can be an ostentatious example to our opinions.

It should be pointed out that, the epics has formed the current stages by an inter-periodical refinement. At first, it appeared as a historical song and narrated orally. Developing through years, especially (after having invented printing books) it developed in a written form, shaping the next archaic epic form. For example, although the Russian heroic epic «Battle record of Igor» reflects historical events, it is product of the influence of folk-lore to the written literature. Having gained worldwide importance, the main character reaches to the international ideal form and at last, the final form will appear as classic form of epic.

At the same time, the main plot in epics consists of several stages, which defines them whether they gain a national or international importance. According to that, the first stage is called an archaic (old) epic, which includes the ancient form. At this stage, the hero is the head of a clan or tribe and defends his people from enemies, prevents from splitting, saves his love, demonstrating his chivalrous attempts in other lands and tries to improve the social system by the marriage.

Therefore, the plot of archaic epic will be short and as a result, it will be difficult for such kind of plots to be in an international standard of epics. Because each tribe or clan has its own national history and life-style.

References:

1. «The Odyssey». Homer. Translated by Ian Johnston.
2. «Alpomish-Rustamxon». Publication named after G»afur G»ulom. 1985.
3. «The epic of Gilgamesh». N. K. Sanders.
4. Theory of literature. Hotam Umurov.

Due to the second stage, that hero of a tribe or clan will be appreciated as a public ideal. So it more additional point or plot will be gained: «coming to his wife's wedding as a stranger, being disguised and saving her by fighting with his rivals and regaining his power is considered as an international form of the plot.

For example, in Homer's epic «Odyssey», his returning to his native land Ithaca after several years, disguising as a beggar in order not to expose himself and to rescue his wife and son from his enemies can be a vivid example to the above-mentioned points. In terms of patience and firmness, Penelope represents a marital fidelity.

When Odysseus has been away from his homeland Ithaca for nearly twenty years, and greedy suitors were seeking her hand in marriage, because with it come Odysseus' kingdom, power and wealth. In such a risky situation, Penelope had managed for many years to hold off these suitors, as she waited and hoped for her husband's return and at last, Odysseus defeated and killed them.

In turn, we can observe such kind of plot in our classic epic poem «Alpomish». In it, was stated that, a suitor, whose name was Ultantaz, became the king instead of Alpomish, when he was far away from his native land for several years. That treacherous suitor was going to marry to Barchin (Alpomish's wife) and to possess his wealth and people. At last, courageous Alpomish visited, disguising as a shepherd and took revenge from him.

Famous Russian researcher, prof. S. P. Tolstov pointed out that «Ancient Central Asian's epic poems are very priceless and valuable. They are as deserving as the heroic epics of Greeks «Iliad» and «Odyssey», which are considered a vivid example of an ancient epic literature due to their form and subject matter.»

Soreflecting the events in long historical period by the means of a certain nation's heroic character and putting the destiny of the people at the center of the attention, epics has gained great importance. We can say that, epics are a peculiar spiritual «bridge», which connects the past and the present day, representing each nation's great culture by giving information about the history of ancient folks, their life-style, national heroes and in turn, their heroic deeds in order to serve for maintaining the peace and security of his people.

We are to give the following expression of Horhe Louis Borhes, famous Latin American literary critic, as a concluding words to our opinion: «the beginning and ending of the literature involves myths».

Об образе дива в средневековых мифологических представлениях жителей Хорезмского оазиса

Рузметов Сурожбек Аллаберганович, преподаватель
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В данной статье мы попытаемся сопоставить представления о дивах средневековых хорезмийцев с представлениями других народов. Прежде всего, важно подчеркнуть, что существует несколько вариантов написания этого слова: дев, дайва (авест.), див (перс.), дэу, дев и т. п. Исходя из особенностей хорезмского диалекта, мы выбрали персидский вариант.

Див — образ сверхъестественного существа, встречающийся в иранской, славянской, грузинской, тюркской и других мифологиях, а также в зороастризме.

Мифологический образ дивов распространён в фольклоре народов Кавказа, Урала, Малой, Средней Азии. Они представляются в качестве злых духов, великанов антропоморфного или зооморфного вида. В сказках описываются случаи похищения ими женщин. В индийской мифологии дивы, напротив — боги или полубоги (санскр. देव — «сияющий», латыш. Dievs — Бог) [1].

Исследованием системы мифологических персонажей, куда кроме дивов входят и демоны, духи и другие подобные им существа, занимается специальная наука «демонология». Демонология (от греч. δαίμων, то есть божество, дух, гений, и λόγος, то есть слово, рассуждение, наука) — общее название разнородных мифов о демонах. Основными направлениями в демонологии обычно являются изучение демонов, описание поведения демонов, обрядов по их вызову, борьбе с ними, подчинению и контролированию их сил и т. п. [2].

Хорезмская демонология, в отличие от других народов и этносов Азии, имеет отличительные особенности. Одна из положительных ее сторон заключается в том, что в хорезмских вариантах некоторых дастанов, литературно-письменных памятниках, дошедших до наших дней, сохранились ценные сведения по данной области. Восстановленные на основе этих сведений и сохранившихся устных преданий персонажи хорезмской демонологии играют важную роль в воссоздании того, что в других регионах Средней Азии оказалось утерянным.

Образ дива можно рассмотреть как результат весьма развитых анимистических представлений.

В начале XX века у некоторых европейских народов образы демонологии потеряли свое былое значение и преимущественно перешли в область фольклора. В отличие от этого, вера в сверхъестественные существа в Хорезме пережила XX век, сохранившись и поныне.

В этнографических материалах Хорезма совершенно четко прослеживаются представления о следующих категориях сверхъестественных существ — «джинах», «пери», «дивах», «аждархо» и «албасть». Все эти персонажи пандемониума хорошо известны по литературе,

посвященной анимистическим представлениям народов Средней Азии. В верованиях Хорезма значение их не равноценно, некоторые образы стали довольно смутными [3].

Дивы — злые человекообразные существа, обладающие большой силой. Потомки хорезмийцев считали, что они обитают в основном в горах и пещерах.

Рассмотрим особенности характеристики образа дива в мифологиях отдельных народов, приведенные в энциклопедии С. А. Токарева «Мифы народов мира».

Армянская мифология. Здесь дивы — это злые духи, главным образом великаны, антропоморфного, иногда и зооморфного облика, часто с двумя, тремя, семью головами. Они обладают огромной силой. Живут в горах, в пещерах, в глубоких и темных ущельях, в пустынях. Действуют обычно группами — три, семь, сорок братьев. Владеют большими сокровищами. Похищают красавиц, царевен, соблазняют их. Герои, воюющие против них, всегда побеждают. Иногда дивы вступают в дружбу с героями, помогают им в их подвигах. Матери дивов — тоже великанши. Они более дружелюбны по отношению к людям, чем сыновья [4].

Грузинская мифология. В грузинской мифологии и фольклоре дивы — злые духи. Они зооморфны, рогаты и волосаты, многоглавы (от трёх до ста голов). С увеличением числа голов возрастает их сила, на месте срубленной головы вырастает новая. Дивы обитают в подземельях, но могут жить и на земле, владея дворцами и богатствами. Обычно вместе живут семь-девять братьев. В основном они занимаются скотоводством и охотой, похищают и держат в неволе красавиц. Дивы-женщины (великанши) менее злы, они дают приют и огонь пришельцам и охраняют их от своих сыновей-людоедов [4].

Дагестанская мифология. В мифологии дагестанских народов дивы — антропоморфные одноглазые чудовища огромных размеров. Обычно обитают по несколько братьев с матерью в пещере, в неприступной крепости, занимаются охотой. Разрушают человеческое жильё, убивают людей.

Тюркская мифология. Здесь дивы представлялись великанами, обладающими огромной силой, иногда с несколькими головами, мужского или женского пола. Как мифологический персонаж див наиболее распространен среди узбеков, а у других народов они чаще выступают как сказочные образы (хотя и сохраняют мифологические черты), а по представлению башкир дивы имеют своё подземное царство.

Еще одно из достоинств хорезмской демонологии заключается в том, в преданиях хорезмийцев сохранились

имена некоторых дивов. Так, во многих местах известны дивы Уфрид, Хамза, Ак-слу, Карахан. Див Хаджи-Мулюк согласно легенде, записанной в окрестностях Кипчака, был строителем крепости Чилпык на правом берегу Амударьи, которое С. П. Толстов считает остатками дахмы — «башни молчания» зороастрийского погребального ритуала [5].

Своими громадными руками див переносил глину для кладки стен; один комочек ее выпал между его пальцами и сейчас лежит рядом со стеной в виде большого останца стены. На Чилпыке показывают и сейчас отверстие в земле, где в пещере «жил» Хаджи-Мулюк. Ему же приписывают возникновение горы Ток в местности Самамбай: сложив эту гору, див стремился отвести течение Амударьи от полей человека. В связи с Чилпыком есть и другая легенда, согласно которой его строителем был другой див — Каратин-Алып.

Литература:

1. [ru.wikipedia.org/wiki/Дивы_\(мифология\)#cite_note-2](http://ru.wikipedia.org/wiki/Дивы_(мифология)#cite_note-2)
2. ru.wikipedia.org/wiki/Демонология#cite_note-hist-1
3. Снесарев, Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М.: Наука, 1969.
4. Токарев, С. А. Мифы народов мира. Энциклопедия. — М., 2008.
5. Толстов, С. П. Древний Хорезм. — М., 1948.

Поэтические символы: становление и эволюция

Сабирова Насиба Эргашевна, старший преподаватель

Хорезмский областной институт переподготовки и повышения квалификации работников народного образования (г. Ургенч, Узбекистан)

Термин «символ» происходит от греческого слова «symbolon», что значит «знак», «примета», «признак», «пароль», «сигнал», «предзнаменование» [5, с. 18].

Символические описания являются продуктом человеческого мышления. Их формирование связано с началом истории человечества.

Символы являлись простыми знаками, когда впервые в своей жизненной деятельности первобытный человек начал пользоваться ими. Различные символы, связанные с охотой, скотоводством, служили для удовлетворения различных потребностей первобытного человека, облегчая охоту, помогая отличить свой скот от чужого.

В связи с развитием человеческого мышления постепенно начал расширяться диапазон значений символических выражений. Общественное развитие положило начало появлению религиозных представлений. В итоге возникают такие ранние формы искусства, как пение и танцы.

В танцах начинает формироваться символическое подражание различным движениям животных, а также имитация процесса охоты, сражений [3, с. 78].

Позднее в танцах стали проявляться случаи перевоплощения в конкретного животного, сопровождаемые специ-

В Хорезме широко распространена легенда о постройке дивами города Хазараспа. В ней фигурируют дивы Каус и Самандун; последний рисуется духом водной стихии и антагонистом пророка Сулеймана, по приказанию которого дивы строили Хазарасп.

Название «Дев солган», то есть «построенный дивами», носит также крепость в местности Кят (в Шаватском районе Хорезмской области); легенда приписывает и его строительство дивам, создавшим его за одну ночь [5].

Таким образом, в отличие от верований других народов, в мифологических верованиях которых бытует образ дива, с древних времен у хорезмийцев сложилась несколько иная точка зрения по данному поводу.

В заключении отметим, что сохранением в хорезмских верованиях образов дивов мы, несомненно, обязаны письменным памятникам и, в первую очередь, «Шахнаме» Абулкаси́ма Фирдоуси.

альным облачением в его шкуру. Все эти процессы являлись результатом тотемизации животных. Таким образом, основу всех танцев составляла символизация, т. к. культура всегда стремится представляться в виде образа, а последний, в свою очередь, является символом, оболочкой духа. Дух в убеждениях народа символизируется посредством растений, животных, камней-фетишей. У некоторых народов вдова носила при себе как символ оболочку духа своего мужа [3, с. 77].

Значит, первоначальное представление символов имело сакральный, ритуальный характер. Со временем, в процессе общественного развития, символы начали выполнять функцию посредствующего звена в различных отношениях.

Как свидетельствует М. Кашгарский, каждое из тюркских племен и родов имело свой специфический символ [4]. Самое последнее представление данного явления — государственные гербы.

Человек пользовался символами при изображении различных явлений. Например, у народов, поднятие белого флага для которых символизировало мир, сохранились разные идиомы и выражения, связанные с войной.

В частности, в Хорезме выражение «Этагимдаги тошни тўқдим» (*букв.* «Высыпал камни с подола») означает перемирие, отсюда «камень» символизирует войну. Таким образом, предметы превращались в символы, заключающие различные понятия.

В дастане «Хиромон пари», распространенном в Хорезме, есть один характерный эпизод. Во время охоты взгляд принца Мунавварсултана неожиданно падает на белую вещь. Подойдя поближе, он обнаруживает там девушку, бесподобную в своей красе. Увидев ее, принц теряет сознание. Красавица некоторое время ожидает, но принц так и не приходит в чувство. В конце концов, она снимает со своей головы платок, накладывает на него семь кусков угля и гребень для бороды, затем им завязывает голову принца и исчезает. Джигиты, обнаружив его без сознания, привозят к падишаху. Он вызывает совет, чтобы понять суть произошедшего. Тогда одна пожилая женщина разъясняет суть завернутых в платок предметов: Уголь необходим для ювелира, а самшитовый гребень — «ишорат», намекает на то, что родина девушки — страна Шамшад [7, с. 301].

Слово «ишорат» употреблено в дастане в значении символа. Значит, девушка посредством платка хотела выразить свою любовь, угля — род деятельности отца, материала, из которого сделан гребень — свою родину. Здесь все предметы являются символами.

Большое количество таких эпизодов можно встретить и в сказках.

Следовательно, символы в той или иной форме проявляются в некоторых жанрах народного творчества.

На всех этапах истории человечества символы в той или иной форме употреблялись в конкретных целях.

Рассматриваемые нами поэтические символы как художественные средства значительно совершенствовались с течением времени.

Видимо поэтому в лингвистической науке сосуществуют различные подходы к рассмотрению символов.

Значения слова «символ» в истории философии и эстетики отличаются настолько большой спутанностью и неясностью, что почти каждый автор понимает их по-своему, путая то с «аллегорией», то просто со «знаком», то с «художественным образом», то с «олицетворением», то с «эмблемой», то с «выражением» и т. д. [5, с. 18].

История понятия «символ-знак» в русской фольклористике начинается с конца XVIII века.

Однако, дело в том, что символ воспринимался не как специфическое явление поэтического языка, а как вещь, как нечто застывшее и ограниченное в пространстве, как эмблема [1, с. 250].

Как утверждает К. М. Бутырин, А. А. Потебня одним из первых отделяет символ от аллегии и принимает его в качестве поэтического образа. Им также подчеркивается, что мысль — это знак, обладающий значением.

По теории А. А. Потебни, символ — понятие психологическое, а не поэтическое.

В конце XIX века с новой концепцией о символах выступил А. Н. Веселовский. Его подход к рассмотрению

символа тождественен с подходом А. А. Потебни. Поэтические образы, связанные с символом, аллегорией и метафорой, он связывает с психологическими параллелизмами [2, с. 147–148].

К началу XIX века, теория символа начала фигурировать в трудах В. В. Виноградова. По его утверждению, символ-знак — семантическая единица поэтической речи.

Если эти подходы при всей их разности не отрицают друг друга, то это происходит главным образом потому, что они имеют дело с разными реально существующими аспектами символа: Потебня с психологическим, Веселовский с культурно-историческим, Виноградов с лингвистическим [1, с. 259].

Из этого вытекает, что и в работах русских ученых существовали различные взгляды на символ. Одна из основных причин — нечеткое определение традиционной семантики и места этого поэтического элемента в художественном произведении.

Иными словами, всякий символ указывает на некоторый предмет, выходящий за пределы его непосредственного содержания [5, с. 36].

С этой точки зрения, объект (предмет) символа многозначен. Один лишь его конец соприкасается с общей аналогичностью. Например, если рассмотреть символичность цветка, то он уподобляется красоте, а если взглянуть на поэзию, то она всегда выступает как эквивалент женственности, а женщина, в свою очередь, воплощает в себе желание, душу, сущность своего «я» героя [9, с. 112]. Значит, цветок по своей красоте подобен женщине, которая выступает и как человек с разумом, преданный обитель семейного благополучия.

В самых древних образцах художественного мышления — в пословицах — некоторые суждения и выводы передавались с помощью символических выражений. Например:

«Эр-хотин-қўш хўкиз» (*букв.* «Муж и жена — одна сатана»).

«Ўглинг ёққан чирокни қизинг ҳам ёқади» («И сын, и дочь способны продлить твой род»).

Как правило, муж-жена составляют пару, так же как и «қўш хўкиз» (*букв.* пара волон). Эти два понятия связаны между собой только тем, что они вместе обозначают парное. Если взглянуть в суть вопроса, муж-жена — одна семья. Они должны действовать совместно. Значит, предметное значение сочетания «қўш хўкиз» никакого отношения к семье не имеет.

И во второй пословице можно наблюдать подобное. «Чирок» (лампа) — символ семьи. Здесь сочетание «чирокни ёқмок» (*букв.* зажигать лампу) символизирует продолжение рода.

Символ есть знак, но отнюдь не всякий знак есть символ. Для того чтобы знак стал символом, он должен иметь семантический акт [5, с. 54–55].

Фольклорист А. Мусакулов в трактате «Исторические основы узбекской народной лирики» приводит характерный пример:

Қошингинг қораси ювса кетарми,
Сенингдек тоза гул боғда битарми?
Сенингдек тоза гул боғларда битса,
Сўраб борсам боғбон менга сотарми?

В данном отрывке из народной песни «қорақош» (*букв.* чернобровая) символизирует красоту, «тоза гул» (*букв.* свежий цветок) — совершеннолетнюю девушку, «боғ» (*букв.* сад) — семью, «боғбон» (*букв.* садовник) — главу семьи [6, с. 7].

Как отмечает ученый, суть слова «сотиш» из данного отрывка буквально сводится к следующему: «ты достигла совершеннолетия, если по обычаю я заплачу калым (выкуп за невесту), отец выдаст ли тебя за меня?».

Следовательно, слово «сотиш» здесь обладает символичностью.

Такого рода символы довольно часто используются в устной и письменной литературе. В классической литературе и народном творчестве встречаются такие образы, которые, кроме своей роли в произведении, заключают в себе суть определенного символического понятия.

Народные песни непосредственно связаны с бытом и мировоззрением собственных творцов. Данный жанр, считаясь плодом художественного мышления народа, берет свое начало от первобытного строя. По этой причине, невозможно полностью раскрыть сущность поэтики народных песен, не изучая тотемизм, шаманство, магию, культы урожая, обряды и традиции, существующие в сознании народа. Для этого необходимо глубоко исследовать

каждую песню, образ, средства изобразительности, отдельное слово [6, с. 9].

Таким образом, говоря о народных песнях, необходимо заметить, что символы в их составе занимают важное место среди других художественных средств. В свою очередь, своими особенностями они различаются от других тропов.

Символическое выражение — это не простой троп. В нем отражаются традиции, обычаи, различные обряды, общественное мышление, магико-мифологическое мировоззрение народа.

Как было отмечено выше, символ прошел большой путь, пережил эволюционные изменения и превратился в художественное средство, выражающее поэтические воззрения. Поэтическая выразительность символа настолько содержательна, что он обладает логической семантикой, исходящей от образности. Поэтому художественный образ не осмысливается вне символичности. «Но если исходить из того точного определения символа, то художественная образность, собственно говоря, никогда не обходится без символа, хотя символ здесь и вполне специфичен» [5, с. 144].

Таким образом, в результате эволюционного развития символ из простого знака превратился в важное поэтическое средство. В народных песнях активно используются символические выражения, изображающие быт и обряды народа. Изучение символа как важнейшего поэтического средства, возвышающего художественно-эстетический пафос песен, служит для раскрытия разнообразных граней народного мировоззрения.

Литература:

1. Бутырин, К. М. Проблема поэтического символа в русском литературоведении (XIX—XX вв.) // Исследования по поэтике и стилистике. — Л.: Наука, 1972.
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1989.
3. Колер, И., Ранке И., Ратцел Ф. История человечества (доисторический период). — СПб.: Полигон, 2003.
4. Кашгарский, М. Словарь тюркских наречий. — Ташкент: Фан, 1960.
5. Лосев, А. Ф. Проблемы символа и реалистическое искусство. — М.: Искусство, 1976.
6. Мусакулов, А. Исторические основы узбекской народной лирики, с. 7.
7. Ошиқнома. Книга II. — Ургенч: Хоразм, 2006.
8. Шаропов, А. Оламлар ичра оламлар. — Ташкент, 1978.
9. Эшонкул, Ж. Эпик тафаккур тадрижи. — Ташкент: Фан, 2006.

Абдулла Каххар — талантливый рассказчик

Салаев Кадамбай Бабаджанович, кандидат филологических наук, доцент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Абдулла Каххар — продолжатель традиций таких предшественников русской литературы, как Н. В. Гоголь и А. П. Чехов.

Он талантливый писатель, мастер короткого рассказа, основоположник фельетона в Узбекистане. Его рассказы говорят о том, что писатель глубоко проник в жизнь. В них

запечатлены яркие человеческие образы-типы, глубоко раскрыты жизненные противоречия, конфликты, важные стороны жизни XX века.

Абдулла Каххар (1907—1968) родился 17 сентября 1907 года в Коканде в семье кузнеца-кустаря. Начальное образование получил в школе старого типа. Когда семья переехала

в Аккурган, молодой Абдулла стал посещать школу. Просвещенный человек, он свою любовь к литературе стремился привить ученикам. Каххар с большим увлечением изучал и перечитывал произведения классиков литературы:

В 20-ые годы его отдали в интернат, затем после окончания школы-интерната учился в кокандском педагогическом техникуме. В этот период Абдулла Каххар познакомился с произведениями русских классиков, в частности любил читать произведения Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и других.

1926–1930 гг. Абдулла учился в САГУ (ныне Национальный университет Узбекистана). Свою литературную деятельность начал с публицистики, сотрудничал в областных и республиканских газетах («Новая Фергана» и другие).

А. Каххар после окончания университета два года был в аспирантуре научно-исследовательского института языка и литературы имени А.С. Пушкина.

В 30-ые годы Абдулла Каххар, помимо фельетонов, стихов, новелл и рассказов, занимается переводческой деятельностью. Он перевел на узбекский язык «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина, «Мои университеты» М. Горького, роман «Война и мир» Л.Н. Толстого, многие рассказы А.П. Чехова, «Межгорье» Ивана Ле, «Огненного коня» Ф. Гладкова и других.

В годы второй мировой войны Абдулла Каххар писал вести и рассказы, посвященные дружбе народов и их героической борьбе с фашистскими захватчиками (Очерк «Герой из Дардака», «Женщины», «Асрор-бобо»).

После войны Абдулла Каххар написал роман «Огни Кошчинара», повесть «Птичка-невеличка», комедии «На новой земле», «Больные зубы», «Голос из гроба».

Тематика произведений А. Каххара разнообразна. Новеллы А. Каххара отображают разные явления. Это произведения с большим социальным содержанием. Более тридцати новелл созданы в 30-е годы XX века («Воры», «Большая», «Гранат», «Сад отдыха» и другие).

А также написаны прозаиком А. Каххаром сборник рассказов «Мир молодеет», «Синица без крыльев», «Рассказы», «Женщина, которая не попробовала кишмиша», «Тысяча и одна жизнь», автобиографические книги «Сказки о былом», «Любовь», комедии «Шелковое сюанэ», «Мои милые матушки» и другие.

В своих ранних рассказах («Мир молодеет», 1932) Каххар создает характер легкомысленного юноши, который не достигает своей цели. Дидактическими наставлениями овладевает реалистические рассказы «Противник» и «Бескрылая синица». В рассказе «Противник» показывается столкновение старого с новым, где автор смог показать враждебные отношения отца и сына. Изображает характерные черты своих персонажей.

А. Каххар в своих произведениях стремится воздействовать на читателя не нотациями и наставлениями, а художественными образами. Он овладел художественным мастерством и тем самым способствовал успешному развитию узбекской национальной новеллистики.

Язык А. Каххара богат афоризмами и идиоматическими (своеобразными) выражениями, поговорками, пословицами. В одной только новелле «Воры» он использовал более десяти пословиц, а речи персонажей индивидуализированы. В зрелых рассказах («Воры», «Гранаты») Каххара идея выражается через реалистическое обобщение, усиленными характерными деталями. Реалистически мотивированы мысли и поступки, поведение и речь персонажей, реалистичны, экономно отобраны детали обстановки, в которой происходят события.

В рассказах «Воры», «Гранаты», «Большая» Каххар обличает чиновников, показывает их гнусные дела и подлую мораль царских времен. В рассказе «Большая» рассказывается, как знахари обманывают больных. «...Позвали знахаря; он пустил кровь. У больной потемнело в глазах и закружилась голова... Заговаривал болезнь заклинатель. Приходила какая-то женщина, стегала больную ветками тальника, смазывала кровью только что зарезанной курицы...» [1, с. 103].

Сатира и юмор в рассказах А. Каххара на современную тему бичуют пережитки прошлого. Например, в рассказах «Женщина, которая не попробовала кишмиша», «Влюбленные», «Лицемер», «Писец», «Учитель литературы», «Художник» автор показывает беспринципных чиновников, мещанское настроенных людей.

А. Каххар переводил такие рассказы А.П. Чехова, как «Хамелеон», «Смерть чиновника», «Унтер Пришибеев», «Налим», «Толстый и тонкий», «Злоумышленник».

А. Каххар верно писал: «Детские годы мои прошли в кишлаках Ферганской долины... И когда в середине тридцатых годов я вспомнил свое детство, оно мне показалось беспорядочным. У меня таких воспоминаний было множество. Чаще они сплывали на поверхность, но были и такие, что долгое время оставались где-то в глубине сознания.

И остались бы там, если бы не Антон Павлович Чехов. Тридцать лет тому назад мне в руки попало полное собрание его сочинений. Я прочитал эти книги буквально за несколько дней. Произошло что-то удивительное, словно автор великолепных рассказов, мой глубокоуважаемый учитель дал мне свои очки. «Надень их и оглянись на прошлое своего народа», — сказал он... Так проснулись в моем сознании картины детства, и прошлая жизнь ещё полнее предстала перед глазами. Может, потому и родились в середине тридцатых годов полные горя и печали мои рассказы «Вор», «Большая», «Националисты», «Городской парк» [2, с. 263].

Абдулла Каххар является национальным художником, со свойственным ему индивидуальным стилем. Он свои темы и сюжеты находил в узбекской действительности. Герои писателя связаны с бытом, обычаями, традициями и нравами той среды, которая, выдвинула их. В формировании узбекской прозы важное место занимают такие его произведения, как «Мираж», «Огни Кошчинара», «Птичка-невеличка» и «Сказки о былом».

«Мираж» — роман о народной жизни. Здесь изображается жизнь молодого юноши, пришедшего в город

из кишлака получить образование и найти своё место в жизни. Саид — главный герой романа, он слабовольный, нерешительный человек.

«Мираж» с большой силой раскрывает нам писателя Каххара-сатирика.

А. Каххар имеет сатирический дар, он также хороший драматург. Известны читателям его пьесы «Больные зубы», «Голос из гроба», «Шелковое сюзане». Комедии

драматурга А. Каххара пользовались большим успехом у зрителей.

Абдулла Каххар — талантливый знаток народных характеров и родной речи. Даже в переводе можно ощутить его точное, меткое слово, своеобразную ритмичность речи. Он смог донести до читателя и зрителя свою любовь к родному народу, жителям Ферганской долины.

Литература:

1. Каххар, А. Рассказы. — М., 1960.
2. Кельдиев, Т. Т. Литература. — Ташкент, 2010.

Выражение поля персональности в русском и каракалпакском языках

Турабаева Назира Айтмуратовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза (Узбекистан)

Выполняя коммуникативную функцию, язык проявляет себя в различных формах общения. Язык всегда служит для и во благо людей, что говорит об антропоцентричной сущности языка. Исследование языка как средства общения в реальном функционировании требует учета проблемы человеческого фактора. «Одной из категорий, непосредственно отражающих связь языка с человеком, является категория персональности, представляющая человека (индивида) во всем его многообразии свойств и характеристик в процессе жизнедеятельности и интерпретируемая как многоаспектное представление человека в языке» [1, с. 8]. Функционально-семантическое поле персональности (ФСП), по определению А. В. Бондарко, базируется на одноименной семантической категории, которая квалифицируется как «категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему» [2, с. 54].

Средства выражения данной категории относятся к различным языковым уровням: морфологическому, синтаксическому, лексическому. Все языковые средства, выражающие значение соотношения процесса с его носителем или дающие ту или иную семантическую характеристику носителя процесса, объединяются в одну функционально-семантическую категорию — категорию персональности. Морфологическая категория лица глагола и личные местоимения составляют ядро, центр функционально-семантической категории персональности в русском языке. В грамматике каракалпакского языка термин «персональность» не рассматривается как отдельная категория, так как в развитии каракалпакской грамматики функциональный подход к изучению языка только начинает проявляться. Для рассмотрения поля персональности в каракалпакском языке имеются различные предпосылки,

которые характерны для большинства тюркских языков. В каракалпакском языке при выражении поля персональности наряду с категорией лица глаголов и личными местоимениями выступают также и аффиксы принадлежности существительных.

Категория лица является универсальной категорией, которая выражается в системе противопоставленных рядов форм, обозначающей отнесенность действия к производителю с точки зрения говорящего. В рассматриваемых языках формы 1 лица означает отнесенность действия к говорящему, 2 лица к слушающему, т. е. адресату, 3 лица к лицу не участвовавшему в речи.

В русском языке глаголы прошедшего времени не выражают значения лица без сочетания с личными местоимениями, только глаголы настоящего и будущего времени имеют парадигму личных окончаний в единственном и во множественном числах:

I говорю говорим пойду пойдем
II говоришь говорите пойдешь пойдёте
III говорит говорят пойдёт пойдут

В каракалпакском языке личные окончания глаголов встречаются в двух типах: полном и неполном, которые присоединяются к глаголам прошедшего, настоящего и будущего времени, при этом в третьем лице имеют нулевое окончание или же окончания единственного и множественного чисел совпадают:

I барды-м барды-қ баратыр-ман баратыр-мыз бара-ман бара-мыз

II барды-ң барды-ңыз баратыр-саң баратыр-сыз бара-саң бара-сыз

III барды барды баратыр баратыр бара-ды бара-ды

Лицо производителя действия также может быть выражено личными местоимениями. Так в русском языке личные местоимения, употребляясь с глаголами прошед-

шего времени или с существительными, указывают на производителя действия или на соотнесенность предмета, понятия с лицом: я сказал, ты сказал, он сказал, мы сказали, вы сказали, они сказали или же я писатель, ты писатель, он писатель, мы писатели, вы писатели, они писатели. В таких случаях поле персональности выходит за пределы морфологического охватывает и синтаксический уровень. Употребление личных местоимений при личных формах глаголов в рассматриваемых языках носит факультативный характер, так как основная функция выражения значения лица возложена на личные окончания глаголов. Такая же факультативная функция возложена на личные местоимения в каракалпакском языке в сочетании с существительными, так как существительные, обозначающие людей, имеют парадигму личных окончаний:

I оқытыўшы-ман (я преподаватель) оқытыўшы-мыз (мы преподаватели)

II оқытыўшы-саң (ты преподаватель) оқытыўшы-сыз (вы преподаватели)

III оқытыўшы (он преподаватель) оқытыўшы (они преподаватели)

В сочетании с личными местоимениями существительные выступают в функции именных сказуемых, поэтому Камалова Р.Т. рассматривает их как «аффиксы сказуемости» [3, с. 8].

Одной из форм выражения персональности в тюркских языках является категория принадлежности. Категория принадлежности в каракалпакском языке одна из основных категорий существительного или других именных частей, употребленных в функции существительного, наряду с категорией склонения, числа. Она одновременно обозначает и принадлежность предмета к какому-то лицу или человеку, и обладателя. Отношения принадлежности в каракалпакском языке выражаются различными способами: 1) морфологическим; 2) морфолого-синтаксическим; 3) синтаксическим [4, с. 9].

Морфологический способ выражения значения принадлежности отражается в специальных аффиксах.

Единственное число Множественное число

I -ым/-им, — м -мыз/-миз, — ымыз/-имиз

II -ың/-иң, — ң -ңыз/-ңыз, — ыңыз/-иңиз

III -сы/-си, — ы/-и -сы/-си, — ы/-и

Морфолого-синтаксический, синтаксический способ выражения значения принадлежности схожи, в обоих случаях перед притяжательными существительными употребляются существительные или личные местоимения в родительном падеже. Но при синтаксическом способе в отличие от морфолого-синтаксического существительные употребляются без аффиксов принадлежности. Сравните: бизиң баламыз (наш сын), сизиң үйиңиз (ваш дом), ана-

мның сүүрети (портрет моей мамы) (морфолого-синтаксический способ), бизиң бала (наш сын), сизиң үй (ваш дом) (синтаксический способ).

В каракалпакском языке поле персональности иногда может охватывать и функциональные формы глагола: имени действия и причастия. Имя действия это особая форма глагола, характерная для тюркских языков, в том числе и для каракалпакского языка. «Имена действия — это глаголы, которые в своей начальной производной форме не выражают глагольные значения лица, числа, залога и времени, а употребляются лишь в значении названия действия. Они образуются путем присоединения простых суффиксов как -ыў/-иў, — ў, — мақ/-мек, (-пақ), — пек, — бақ, (-бек), — ғы/ги, (-қы/-ки), — ыс/-ис и сложных суффиксов — ғанлық/-генлик, (-қанлық/-кенлик), — тугынлык, жақлык, — ыўға/-иўге, — арга/ерге, — маска/-меске к корням и производным основам глаголов» [5, 256]. Именами действий часто передаются значения русских инфинитивов, но в отличие от них не являются неизменяемыми формами глагола. Имена действий в каракалпакском языке хотя и являются неспрягаемыми формами, но большинство форм имен действий склоняются (кроме форм на -ыўға/-иўге, — арга/ерге, — маска/-меске), также изменяются притяжательными аффиксами как существительные. В сочетании с притяжательными аффиксами имена действия указывают на производителя действия, например: ертең кетиўим керек (я должен завтра поехать), ертең кетиўиң керек (ты должен завтра поехать), ертең кетиўи керек (он должен завтра поехать).

В отличие от русского языка причастия в каракалпакском языке спрягаются и имеют полную временную парадигму. В каракалпакском языке не все формы причастий спрягаются по лицам, спряжение характерно только для причастий с суффиксами -қан/кен (-ған/-ген), мақшы/-мекши, — ар/ер, — жақ/-жек: айтқанман (я говорил), көрмекшисең (собираешься увидеть), барарман (может пойду), қайтажақпыз (собираемся уходить), в третьем лице имеют нулевые окончания. При этом поле персональности пересекается и полем модальности.

Таким образом, выражение поля персональности в русском и каракалпакском языках определяется формами спряжения глаголов, а также сочетанием личных местоимений с глаголами. Причем в каракалпакском языке личные местоимения выполняют лишь факультативную функцию при выражении значения персональности при всех временных формах глагола, основная функция возлагается на личные окончания глаголов. Также при выражении поля персональности в каракалпакском языке активно употребляются притяжательные аффиксы.

Литература:

1. Миниярова, И. М. АҚД. Функционально-семантическое поле персональности в современном русском языке. 1993 Уфа.

2. Бондарко, А. В. Проспект функциональной морфологии русского языка и фрагмент «Категория залога» // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. — Л., 1976.
3. Камалова, Р. Т. Категории лица, числа и притяжательности в татарском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. АКД. Казань 2010.
4. Патуллаева, Г. С. Способы выражения принадлежности в каракалпакском языке. АКД, Нукус, 2011.
5. Хэзирги каракалпак әдебий тилиниң грамматикасы. Нөкис, 1994.

Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного

Турумова Тамара Хакимовна, старший преподаватель;
 Тангрибергенова Гулара Адамбаевна, преподаватель
 Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного предполагает овладение языком в целях полноценного общения. Говоря о профессиональном овладении языком имеется в виду овладение соответствующей культурой, (если брать шире это и образ жизни, и почти вся действительность). Это рассматривается как одно из самостоятельных направлений в преподавании иностранного языка. Данный аспект языка свидетельствует о тесной связи русского языка и действительности, нашедшей в нем свое отражение. Лингвострановедческий аспект составляет неотъемлемую составную часть языкового занятия.

Само понятие «страноведение» появилось в середине XX века. Постепенно оно стало входить в практику преподавания не только в школах, но и в вузах. Преподаватели русисты собирали различный материал из истории, географии, культуры России и использовали его на занятиях, стремясь таким образом познакомить учащихся с русской культурой. Но оно не сразу стало составной частью учебного процесса, а входило в программу внеаудиторного обучения. В такой работе накапливался богатый материал, и формировались методы их презентации.

Известно, что на современном этапе преподавание русского языка имеет коммуникативную направленность, основная цель которого ведение диалога, беседы. Это естественно требует взаимопонимания. Для студентов национальных групп представляет большую трудность ведение бесед, так как они сталкиваются с трудностями, связанными, в частности, с несовпадением русских и узбекских реалий. В данной статье постараемся осветить некоторые приемы включения страноведческой информации в ход занятия. Страноведческая информация расширяет познавательные функции языка и знания учащихся. В ней не только содержится информация о стране изучаемого языка, но подобная информация развивает мотивацию, активизирует умственную и речевую деятельность обучающихся в процессе развития речевых навыков.

Естественно, не все тексты, используемые в учебном процессе, отвечают требованиям высоким уровнем духовности и интеллектуальности. С точки зрения содержа-

тельной ценности удачной для использования в учебном процессе рассмотри работу над текстом «У карты Российской Федерации» (на примере студентов факультета естествознания, отделения географии). Выполняя упражнения, студенты должны направить внимание на объективную реальность, в данном случае на карту России. Работа с картой решает страноведческие цели и служит развитию речевых умений:

— знание карты предполагает большое количество фактов имеющих одинаковое логическое построение, что можно выразить похожими языковыми конструкциями, к примеру, *Волга впадает в Каспийское море. Днепр впадает в Черное море;*

— повторение аналогичных соответствующих речевых средств служит развитию речевых навыков и закреплению страноведческих знаний;

— для практического знания карты на всех занятиях со студентами-географами составляет основной минимум с названием важных географических объектов на территории России, к примеру, *равнины: Восточно-европейская равнина, Западно-Сибирская равнина; горы: Уральские горы, Карпаты; реки: Волга, Енисей, Обь; моря: Черное море, Каспийское море, Охотское море; острова и полуострова: Крым, Чукотский полуостров, Кольский полуостров.* В процессе подобной работы студенты усваивают новые географические понятия, специальную терминологию и, естественно, расширяют свои географические познания. Когнитивно-моторный процесс изучения иностранного языка совместно с познавательным обучением предполагают методический принцип повторения, при котором происходит творческая переработка содержания обучения. Практика подтверждает, что в процессе овладения иностранным языком это требование вполне уместно и общепризнано, и в отношении страноведческого аспекта оно играет большую роль. При изучении страноведческого материала возможности для таких приемов повторения создаются там, где обучаемый должен приобрести однородные по структуре факты. Все это мы рассмотрели на примере выше.

В зависимости от степени владения студентами языком упражнения также могут носить дифференцирующий характер. Начальный этап предполагает элементарные умения в произношении, написании, на продвинутом этапе выполняются более сложные задания. Последовательность упражнений организуется с учетом усложняющихся умственных операций, выполняемых студентами по мере усвоения страноведческой информации.

При отборе страноведческого материала нужно брать во внимание ценность отбираемых языковых единиц, их учебно-методическую целесообразность, информативность и актуальность. Кроме задач, связанных с отбором страноведческого материала, важно также решение задач введения данного материала в учебный процесс, поиск методов и приемов его введения, способы работы с данным материалом. При выборе страноведческого материала и его введении в учебный процесс нужно опираться на некоторые критерии. В соответствии с этим решается основной принцип — принцип учебно-методической целесообразности отбираемого материала.

Первый критерий — ценность отбираемых языковых единиц, во главу угла которого ставится их коммуникативная ценность, возможность для полного обеспечения учебного процесса в целях удовлетворения потребностей реального общения обучаемых.

Критерий познавательно-воспитательной ценности предполагает использование материала в целях решения познавательно-воспитательных задач. Подобный учебный материал несет в себе большой воспитательный эмоциональный заряд и служит иллюстрацией к изучаемому языковому материалу.

Помимо вопросов отбора материала, не менее важным являются вопросы введения отобранного материала в учебный процесс, поиск методов и приемов работы с этим

материалом. Известно, что в соответствии с требованиями моделирования в качестве основного компонента обучения языку русскому языку выступает текст. В связи с этим необходимо решать задачи рациональной организации текстового материала. Целесообразно созданий пособий со страноведческим материалом. Пособия такого типа могут служить приложениями к учебно-методическому комплексу. Материал пособия можно составить из следующих блоков: введение к тексту и лингвострановедческий комментарий, предтекстовые задания; задания по тексту и послетекстовые задания. Во введении к тексту сообщается об историческом событии, о котором идет речь в тексте. В предтекстовых заданиях предполагается семантизация языковых единиц, имеющих национально-культурные компоненты в значении. Данные задания должны снимать трудности чтения текста. Материал послетекстовых заданий предполагает не только контроль усвоения содержания текста, но и развитие речевых навыков и умений, в частности умения устно или письменно воспроизводить содержание прочитанного текста и вести свободно беседу по его содержанию.

Страноведческий материал имеет богатые иллюстративные возможности. В частности, подготовка презентаций, слайдов, отбор телепередач.

Страноведение и изучение неродного языка и культуры, как показала практика, будет иметь большую эффективность при сопоставлении явлений изучаемого языка и реалий культуры и быта с родным языком.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров начали изучение лингвострановедческого потенциала русской лексики и фразеологии, что привело к разработке сопоставительного лингвострановедения. В настоящее время оно понимается как аспект преподавания национальной культуры, выраженной в языке. При этом необходима опора на родную для обучаемого культуру.

Литература:

1. Костомаров, В. Г., Митрофанова О. Д. Современное состояние и основные проблемы преподавания русского языка. — М., 1989.
2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова. — М., 1980.

К вопросу о роли и значении информационно-коммуникативной лексики в современном русском языке

Чупанов Атаназар Атаджанович, кандидат филологических наук, доцент;
Рахимов Журабек Икрамович, магистрант
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

На современном этапе все сферы жизни развиваются с небывалой скоростью, и язык как часть этой сферы тоже не остаётся на стороне. Современный русский язык обогатился многими новыми иностранными словами, порой встречаются и такие, которые не имеют

правильной формы писания на кириллице, т. е. пишутся на латинице: **Wi-Fi** (слово **Wi-Fi** является сокращением от английской фразы **Wireless Fidelity**, которая переводится как «беспроводное качество»), **Bluetooth**, **Photo-shop**, **GPS**, **3D**, **4G** и другие. Это явление связано с тем,

что иноязычные буквы (звуки) не всегда имеют своих аналогов в русском языке. Если написать эти слова на кириллице (**Wi-Fi** — вай-фай, **Bluetooth** — блютуз), то получается пустой набор звуков и выйдет какая-то бессмыслица. И главное, несмотря на то, что эти слова пишутся другой графикой, они подчиняются русским правилам написания. Например, *бесплатный Wi-Fi, кино в 3D, скоростной 4G интернет* и т. д.

Развитие современной техники и компьютерной технологии влечет за собой новую, ещё не полностью сформировавшуюся лексику. Как известно, когда предмет «входит» в обиход жизни, то понятия, связанные с этим предметом, непосредственно тоже заимствуются. Например: **интернет, вебсайт, селфи, спойлер, гаджет, бит, байт, смс** и т. д. Некоторые из них влекут за собой ещё и новые понятия, и слова, например: с приходом слова **байт** возникли и такие понятия, как **мегабайт, гигабайт, терабайт**, слово «**супермаркет**» повлекло за собой — «**гипермаркет**» и др.

Ныне уже непривычно употребление слова «**телефон**» по отношению к переносному мобильному средству связи, вместо него употребляется слово «**смартфон**». Потому что нынешние телефоны являются не только средствами связи между людьми, но выполняют и другие функции, они и карманные компьютеры.

Огромные преобразования во всех сферах общественной жизни, развитие науки и техники, достижения культуры и искусства вызвали интенсивные изменения в лексике русского языка.

Постоянный процесс появления новых понятий, явлений, предметов сопровождается возникновением новых слов. В удовлетворении потребностей в новых номинациях заметную роль играет заимствование слов из других языков. На этом фоне весьма интенсивно развивается заимствованная общественно-политическая и научно-техническая лексика. Во всем этом важную роль продолжают играть социальные, внешние факторы развития языка: изменение социальных укладов, распространение просвещения, развитие науки и техники, расширение международных контактов, демократизация общества и т. д.

В нашей статье рассматривается информационно-коммуникативная лексика, заимствованная русским языком в 20–21 вв. Это, например, такие слова, как: **сервер, интерфейс, драйвер, селфи, бойфренд, визажист, камикадзе, кастинг, татуаж** и др.

Иностранность слов определяется тем, что:

1. они не склоняются, **селфи, татуаж**;
2. не имеют аналогичных понятий, связанных с ними, **визажист, кастинг, интерфейс, драйвер**.

С заимствованием новых слов в русском языке возникает вопрос о родовой принадлежности данных слов. Некоторые из этих слов относят к тому или иному роду по окончанию («**драйвер** — м. р., англ. *to drive* — управлять», системная программа, располагающаяся между прикладной программой и периферийным устройством, подключённым к компьютеру, и выполняющая служебные

функции. *Установка нового драйвера*) [3, с. 98], но порой относят к определённому роду по лексическому значению (**камикадзе** — нескл. м. р., яп. *katikaze* — буквально означает «**божественный ветер**», 1. Лётчик-смертник в японской армии периода Второй мировой войны. 2. Безрассудный смельчак, жертвующий собой. *В этом деле нам камикадзе не нужен*) [3, с. 111].

В наше время заимствованные английские и французские лексические элементы очень популярны и широко употребляемы. Английские и французские слова можно встретить во всех сферах деятельности: в хозяйственной, экономической, образования, медицины, искусства, творчества, спорта, туризма, отдыха, свободного времяпрепровождения, власти, служебной, официальной, должностной деятельности, общественной, общественно-политической деятельности, в военной, военизированной сферах деятельности, религии и культов, науки, её практического применения, специальных разысканий.

Английские и французские слова, часто употребляемые в русском языке на сегодняшний день:

Bluetooth (от слов англ. *blue* — *синий* и *tooth* — *зуб*) — производственная спецификация беспроводных персональных сетей (*Wireless personal area network, WPAN*). **Bluetooth** обеспечивает обмен информацией между такими устройствами, как персональные компьютеры (настольные, карманные, ноутбуки), мобильные телефоны, принтеры, цифровые фотоаппараты, мышки, клавиатуры, джойстики, наушники, гарнитуры на надёжной, бесплатной, повсеместно доступной радиочастоте для ближней связи. **Bluetooth** позволяет этим устройствам общаться, когда они находятся в радиусе до 10 м друг от друга (дальность сильно зависит от преград и помех), даже в разных помещениях. Слово **Bluetooth** — перевод на английский язык датского слова «*Blåtand*» («*Синезубый*»). Так прозвали когда-то короля викингов **Харальда I Синезубого**, жившего в Дании около тысячи лет назад. Прозвище это король получил за темный передний зуб. **Харальд I** правил в X веке Данией и частью Норвегии и объединил враждовавшие датские племена в единое королевство. Подразумевается, что **Bluetooth** делает то же самое с протоколами связи, объединяя их в один универсальный стандарт. Хотя «*blå*» в современных скандинавских языках означает «*синий*», во времена викингов оно также могло означать «*чёрного цвета*». Таким образом, исторически правильно было бы перевести датское **Harald Blåtand** скорее как **Harald Blacktooth**, чем как **Harald Bluetooth**.

Байт, м. р. (англ. *byte*). Часть машинного слова, состоящая из 8 бит и обрабатываемая в компьютерах как одно целое. *Размер файла указан в байтах*.

Интернет, м. р. (англ. *Internet* < *inter* (national) международный + *net* сеть). Международная компьютерная сеть, позволяющая пользователям персональных компьютеров связываться друг с другом, находясь в любой точке мира, для сообщения и приёма текстовой и изобразительной информации. *Подключиться к интернету*.

Имейл, м. р. (англ. e-mail < e (lectronic) электронный + mail почта). Электронная почта — способ связи, осуществляемый путем входа в **интернет** и позволяющий передавать и принимать сообщения с одного компьютера на другой. *Отправить письмо имейлом (по имейлу).*

Интерфейс, м. р. (англ. interface < inter между + face поверхность). В вычислительной технике: система связей и сигналов, посредством которых устройства вычислительного комплекса взаимодействуют друг с другом. *Сетевой интерфейс. Программный интерфейс.*

Визажист, м. р. (фр. visagiste < visage лицо). Специалист по косметике лица. *Опытный визажист.*

Бойфренд, м. р. (англ. boyfriend < boy мальчик, парень + friend друг). Молодой человек, мужчина, с которым девушка или женщина находится в постоянных близких отношениях, не вступая с ним в брак. *У тебя есть бойфренд?*

Сервер, м. р. (англ. server < to serve обслуживать). Программа, управляющая доступом к информационным ресурсам в вычислительных системах. *Сервер локальной сети. Модернизация сервера.*

Селфи, ср. р. (англ. self сам). Сфотографировать себя фронтальной (передней) камерой телефона (смартфона). *Очень качественное селфи.*

Спойлер, м. р. (англ. spoiler < to spoil портить, мешать). Кандидат на выборах, не имеющий шансов выиграть их, но отбирающий голоса у наиболее вероятных кандидатов и тем самым «портящий» их шансы. *Голосовать за явного спойлера.*

Литература:

1. Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями) / Сост. Борковский А. Б. Изд. 2-е. — М., 1989.
2. Ваулина, Е. Ю. Мой компьютер. Толковый словарь. — М., 2005.
3. Крысин, Л. П. 1000 новых иностранных слов. — М.: АСТ — ПРЕСС, 2009.

Кастинг, м. р. (англ. casting < to cast выбраковывать). Предварительный отбор девушек на конкурсах красоты, актёров для съёмок фильма и т. п. *На кастинг приглашаются девушки в возрасте 18–20 лет.*

Татуаж, мн. ч. нет, м. р. (фр. tatouage < tatouer татуировать). Нанесение татуировки на тело (распространено в качестве модного увлечения в молодёжной и артистической среде). *Салон красоты предлагает татуаж по низким ценам.*

В целом, иноязычные заимствования представляют собой интереснейший лингвистический феномен, роль которых в русском языке весьма существенна. Языковое взаимодействие постоянно привлекает исследовательское внимание. Актуальность данной проблемы состоит в том, что рассмотрение вопросов, связанных с теорией и практикой заимствований, особенно значимо в современных условиях, поскольку сегодня высказываются серьезные опасения по поводу мощного наплыва заимствований, которые могут привести к обесцениванию русского слова. Но язык — это саморазвивающийся механизм, который умеет самоочищаться, избавляться от лишнего, ненужного.

Заимствуя многие слова из других языков, обозначающие различные явления, понятия, действия, национальная самобытность русского языка при этом не испытывает ни малейшего ущерба, потому что русский язык, пополняясь иноязычными словами, сохраняет свою основную лексику и свой грамматический строй, развивается и совершенствуется по собственным внутренним законам.

К вопросу изучения в узбекской фольклористике межжанровых взаимоотношений в устном народном творчестве

Эгамбердиева Гузал Мадияровна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

В узбекской фольклористике вопросу межжанровых связей посвящены ряд исследований, в числе которых особое место занимают научные труды Г. Джалалова. Чрезвычайно важное значение для дальнейшего изучения проблемы имеет его монография «Межжанровые связи в узбекском фольклоре».

Монография посвящена исследованию проблем, имеющих отношение к жанру сказки. В первой главе данной научной работы рассматривается вопрос о взаимоотноше-

ниях волшебных сказок с другими жанрами. В этой части исследования говорится о роли мифологии и малых прозаических жанров — легенд и преданий в формировании аллегорических жанров.

По определению автора, первоначально появлялись предания и легенды о животных, в которых особое место занимали животные тотемные. Позднее, на базе данных малых прозаических жанров постепенно сложились сказки о животных. Автор монографии, говоря о связи

между жанрами, отмечает формирование одного жанра под воздействием другого, особую роль в этом процессе трансформации и эволюции художественного вымысла в системе образов.

В следующей части монографии исследуются волшебнo-фантастические сказки и их взаимоотношения с другими эпическими жанрами.

Первоначально автором исследуется проблема бродячих сюжетов в сказках. Мотивы из узбекских народных сказок изучаются в плане сопоставления с аналогичными мотивами в структуре сказок, легенд и преданий, приведенных в таких книгах, как «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна», «Тотинам».

Автор также обращается к отдельным мотивам и образам из произведения Фирдоуси «Шахнаме», частично акцентируя внимание на вопросе взаимоотношений сказки и мифологии, сказки и дастана. Говорится об образах махечи, противника, покровителя, являющихся общими как для сказки, так и для дастана, о различном проявлении их деятельности в этих жанрах. По мнению исследователя, в обоих жанрах преимущественно задействована фантастика — гипербола, которая как поэтическое средство получает в дастанах определенную конкретизацию. А в сказках гиперболы имеют более абстрактный характер. Если в сказках для одоления противника возможно обращение к колдовству, то в дастанах основное место занимает физическая борьба. Уделяется внимание и проблеме героя в сказках и дастанах. Здесь освещается общий для сказки и дастана образ младшего сына-богатыря и различия в трактовке данного образа.

По определению автора, в сказках воплощается и образ младшей дочери, который в других жанрах встречается крайне редко. В части монографии, которая называется «От первобытной жизни к устному творчеству», исследуются мотивы, связанные с изображением в сказках жизни первобытного общества.

Автор отмечает, что в процессе формирования жизненных сказок большое значение имела, в основном, тематическая группа мифов, легенд и сказок другого типа, определяет их взаимопереходы при творческих переработках.

Особо отмечается то обстоятельство, что в структуру героических дастанов сказочные мотивы вошли значительно позднее, а в любовно-романических дастанах весьма ощутимо проявляется воздействие волшебнo-фантастических сказок. В обобщенной форме рассмотрены сказочные мотивы из дастана «Рустамхан». На первый план выдвинут тезис о взаимосвязи корней образов дива, пери, различного рода колдунов с волшебнo-фантастическими сказками. В этой связи частично рассмотрены дастан «Хуршидой» и сказка «Озодачехра».

Выдвигается также целый ряд суждений относительно таких аспектов, как сказка и афоризмы, сказка и загадка, сказка и песня, говорится о месте и роли данных жанров в структуре сказки.

Автор монографии, рассматривая вопрос о сказке и афоризмах, основной акцент делает на взаимоотношение

сказки с жанром пословицы и анализирует отдельные образцы кратких изречений. В частности, выражение «Кўл кучи билан тарбия қилмоқ» («Воспитывать силой кулака») определяется в качестве пословицы [1, с. 126]. В части, посвященной сказке и загадке, сначала говорится о загадках-сказках, а затем о месте и роли загадок, задействованных в структуре сказок. А в части, где рассматривается взаимосвязь сказки и песни, исследуются песни, использованные в структуре сказки, и роль данных песен в процессе полнокровного раскрытия сущности образов. В заключительной части монографии, которая носит название «Сказка и жизнь», основное место занимает вопрос о сказке и письменной литературе. Здесь говорится о сказке, которая явилась основой для комедии Хамзы «Проделки Майсары», раскрывается мастерство писателя, проявившееся в процессе переработки сказки в драму.

Помимо этого, освещается вопрос о взаимосвязи со сказками таких дастанов, как «Айгуль и Бахтияр», «Семург или Перизад и Буньяд» Хамида Алимджана, «Голубой ковер» Султана Джурры, раскрываются основные аспекты творческой переработки писателями сказочных мотивов.

Таким образом, Г. Джалалов в данной монографии в качестве объекта исследования избрал, в основном, освещение вопроса о взаимосвязи жанра сказки с такими жанрами, как легенда, предание, дастан, песня, пословица, загадка, а также взаимоотношения сказки с письменной литературой. Следует отметить и то обстоятельство, что исследованию свойственны расплывчатые обобщения нежели конкретность анализа материала.

Монография Г. Джалалова «Узбекский народный сказочный эпос» также посвящена вопросам взаимосвязи сказок с другими жанрами. Следует отметить, что данная монография считается русским переводом вышеуказанной книги «Межжанровые связи в узбекском фольклоре». От предыдущей монографии книга отличается лишь своей заключительной главой, которая называется «Грани жанра». В ней повествуется о морфологии сказок, приводятся сведения о мотивах из структуры сказок, о месте динамичных и статичных мотивов в общем построении сюжета, в сравнительном плане изучаются различные варианты сказок.

Здесь также говорится о различных проявлениях конфликта в сказках, о своеобразии инициальных формул. Однако данный аспект не рассматривается в сопоставлении с другими жанрами.

Еще одним исследованием, направленным на разрешение важнейших вопросов, касающихся межжанровых связей в узбекском фольклоре, является книга «Эпические жанры узбекского фольклора». Она представляет собой сборник статей, в который включены исследования видных узбекских фольклористов. В статье Т. Мирзаева и Б. Саримсакова «Дастан, его виды и историческое развитие» приводится широкий круг сведений об исторических, основах узбекской дастанной школы, классификации и этапов формирования дастанов.

Говоря о роли исторических песен в формировании эпоса, в качестве фактического материала приводятся отдельные эпические отрывки из произведения Махмуда Кашгари «Дивану лугатит турк» («Словарь тюркских наречий»). Следующая статья в книге принадлежит перу К. Имамова, которая называется «Узбекские народные сказки». В данном исследовании приводится ряд сведений, касающихся классификации древнейших образцов узбекских народных сказок, их взаимосвязи с другими прозаическими жанрами — легендами, преданиями, а также говорится о месте песен в структуре сказок и их роли в художественной канве произведения. Рассмотрен также вопрос поэтики сказок.

Одним из исследований, в котором предпринята попытка глубокого научного анализа вопроса межжанровых связей в узбекском фольклоре, является статья Б. Саримсакова «Диффузия эпических жанров». В статье отмечается, что вопрос взаимосвязей и взаимовлияний фольклорных жанров представляет собой достаточно обширную и сложную проблему. Предлагается определение таких терминов, как «трансформация», «диффузия». В работе достаточно глубоко изучены и проанализированы взаимоотношения мифа и сказки. В данной связи затрагивается вопрос и о взаимоотношениях мифа и героического эпоса: освещается вопрос о воздействии мифологии на дастан «Алпамыш».

В статье Г. Акрамова «Взаимосвязь мифологии с отдельными эпическими жанрами» основное внимание уделено взаимоотношениям мифа и сказки. Анализируется достаточно сложный процесс перехода мифа в сказку. Взаимосвязи мифа и эпоса рассматриваются частично на основе дастанов из цикла «Гороглы». Отмечается, что эпос, представляя собой совершенно новое явление в художественно-эстетическом развитии, многое воспринял непосредственно от мифологии и возник в качестве своеобразного ее отрицания.

Особого внимания заслуживают исследования К. Имамова, в частности, его статья «Сказочные мотивы в дастанах». В данной работе говорится о роли в композиционном построении дастана «Зевархан», записанного от Фазыла Юлдаш-оглы, таких сказок, как «Озодачехра», «Маликаи Хуснобод», «Оклеветанная невеста». В широком сравнительном аспекте исследуются мотивы испы-

тания из сказок и дастанов. Отмечается, что любовно-романический жанр узбекского народного эпоса с точки зрения своей идейной тематики, композиционных особенностей, системы образов, проявляет определенную близость к волшебным и любовно-приключенческим сказкам. В статье «К вопросу об интерпретации идеального героя в сказках и дастанах» вышеназванного автора также освещается вопрос о взаимоотношениях сказки и дастана. Мотив чудесного рождения героя сказок и дастанов исследуется на основе сказок «Килич батыр», «Олмос батыр», «Кирон батыр», а также дастана «Алпамыш». Автор статьи особо отмечает тот факт, что изображение богатырского роста идеального героя в сказках определяется в качестве сверхъестественного явления и наполнено фантастическими домыслами, а в дастанах оно приближено к реальной действительности, здесь весьма заметно стремление к реальному отображению происходящих событий.

В последние годы в узбекской фольклористике осуществлено еще одно исследование, имеющее непосредственное отношение к вышеуказанной проблеме — статья С. Алимова «О межжанровых связях». В работе дан краткий обзор исследований вопроса межжанровых связей в узбекской фольклористике. Кроме этого, высказаны некоторые суждения, касающиеся взаимоотношений между жанром загадки и сказкой «Айджамал и плешивый». Отмечается наличие переходящих друг в друга синтаксических формул, пожеланий в процессе взаимных типологических связей среди таких лирических жанров, как «Ё, рамазон», «Алла», «Хуййа», которые характерны для детского фольклора, а также то обстоятельство, что типологическими свойствами данных жанров являются повторы слов в стихах.

В узбекской фольклористике освещение научно-теоретических проблем межжанровых связей было начато Х. Зарифом и В. М. Жирмунским, однако, исследования взаимосвязей самостоятельных со структурально-типологической точки зрения жанров наблюдается, в основном, в 70-е годы XX века. Трактовка проблемы межжанровых связей в вышеприведенных исследованиях характеризуется во многом некоторой обобщенностью толкования, имеет преимущественно обзорный характер. Помимо этого, большинство исследований посвящено прозаическим жанрам.

Литература:

1. Джалолов, Г. Ўзбек фольклорининг эпик жанрлари. — Т.: Фан, 1981.
2. Джалолов, Г. Узбекский народный сказочный эпос. — Т.: Фан, 1980
3. Жалолов, Г. Ўзбек фольклорида жанрлараро муносабат. — Т.: Фан, 1979.
4. Имамов, К. К вопросу об интерпретации идеального героя в сказках и дастанах / Пўлкан шоир. — Т.: Фан, 1976. — с. 127–133
5. Имамов, К. Сказочные мотивы в дастанах / Фозил шоир. — Т.: Фан, 1973. — с. 97–104.

Die analyse der untrennbaren verben von grammatischen und semantischen standpunkt

Юсубова Чамангул Мамутжоновна, преподаватель
Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Die Präfixe bilden mit dem Verb die Bestandteile, die immer in allen syntaktischen Situationen vorne stehen:

- a. Beachte das Verkehrsschild!
- b. Er hat das Verkehrsschild beachtet.
- c. Versprich mir, dass du das Verkehrsschild beachtest.
- d. Es ist nötig das Verkehrsschild zu beachten. Unter die heimischen untrennbaren Präfixen gehören:

be — ent — er — ge — hinter — miss — ver — zer — wider

Ein und dasselbe Präfix kann mit Wörtern verschiedener Wortart verbunden werden. z. B. befahren (Verb), entkernen (Substantiv), verlängern (Adjektiv), bejahren (Partikel).

Beim Adjektiv kann das Verb mit dem Komparativ verbunden werden (verbreitern), bei Substantiv kommen auch Pluralformen vor (durchlöchern). Mehrmals ist die Motivation der Vollverben schwer zu erkennen.

Nach dem Grundwort unterscheidet man 3 Typen von Derivationen:

- deverbale Präfixderivation
- desubstantivische Präfixderivation
- deadjektivische Präfixderivation

Ein und dasselbe Präfix kann sich mit Basen verschiedener Wortarten und mit Basen derselben Wortart verbinden, z. B. Präfix: ver — deverbale: verändern

- desubstantivisch: vergewaltigen
- deadjektivisch: verdeutlichen
- deadverbale: verneinen

Es handelt sich um ein häufig vorkommendes Verbpräfix, das die Derivationen bildet, die von Adjektiven, Substantiven, Verben und Adverbien abgeleitet werden.

Die grammatische Funktion

— Das Präfix *be* — macht intransitive Verben **transitiv**. Mit der Transitivierung rückt der Objektaktant in den Fokus des Geschehens. Er wird dann vom Geschehen als vollständig erfasst.

1. Basis ohne Aktant — Derivat mit Akkusativobjekt, *lügen — belügen jmdn.*

2. Basis mit Dativobjekt — Derivat mit AkO: *jmdm. dienen — jmdn. bedienen*

3. Basis mit Präpositionalobjekt — Derivat mit AkO: *über jmdn. lächeln — jmdn. belächeln*

— Bei dem Präfix handelt es sich bei manchen Fällen um die **Inkorporation**. Das Präfixderivat nimmt mittels eines anders lautenden Präfixes die entsprechende Relation auf.

a. Wasser über das Fleisch gießen — das Fleisch mit dem Wasser begießen

— Das Präfix verschiebt das Akkusativ/Dativobjekt in die Präpositionalphrase — **Objektverschiebung**

a. Er schenkt ihr die Blumen. — Er beschenkt sie mit den Blumen.

b. Der Kellner dient dem Gast. — Der Gast wird von dem Kellner bedient.

— **Reflexivierung** — Die Basis steht mit Akkusativobjekt und das Derivat kommt reflexiv vor: *etw. trinken — sich be-trinken*

Die semantische Funktion.

1. *etw.* mit dem Substantiv ausstatten, versehen — *ap-plikative Verben*: bewaffnen, beflaggen, bezuschussen, be-fiedern,

2. *faktitive Verben* — sie bezeichnen die Handlung, die zum bestimmten Zweck führt: bewalden, begrenzen, be-forsten, befruchten, beflecken,

3. *sich* verhalten/handeln wie (Substantiv) — *agen-tive Verben*: bewirten, bemuttern, bevormunden, begön-nern,

4. zu «Substantiv» machen — *kausative Verben*: be-tören,

5. zu «Adjektiv» machen, eine bestimmte Rolle jdm. zuschreiben: beschuldigen, befreien, befugen, befähigen, begünstigen, beleidigen, beschweren, beseligen,

6. einziges Beispiel mit Adverbien: bejahren,

7. *Intensivierung* — das Präfix *be-* dient zur Intensi- vierung des Basisverbs, die nur schwach ausgeprägt ist. Das Präfix erscheint dann als weglassbar: *befragen, bemühen, befürchten, befühlen.*

Wir haben hier ein paar Beispiele angeführt und es aus der grammatischen und semantischen Sicht analysiert. Als Quelle dient DE Magazin Deutschland.

«Bildungspartnerschaften **beschäftigen uns** in dieser Ausgabe aus verschiedenen Perspektiven».

Das Verb «sich beschäftigen» ist in mittelhochdeutscher Herkunft, das Stammwort *scheftig* heißt *geschäftig, tätig, zu schaffen*. Basiswort: Adjektiv. Das Derivat kommt reflexiv vor. Das Präfix *be-* dient zur Intensivierung des Basisworts. Bedeutungsübersicht: intensiv und längere Zeit über etwas nachdenken, sich mit etwas befassen, sich (mit etwas) aus-einandersetzen.

«Sie lesen über eine Universität, die dem Elfenbein-turm der wissenschaftlichen Arbeit **entstiegen** ist und handfeste Vernetzungen rund um den Globus pflegt».

Das Verb *entsteigen* heißt «aus einem Fahrzeug o. Ä. aus-steigen», «aus etwas nach oben steigen». Beispiele: dem Wasser entsteigen. Basiswort mit Präpositionalobjekt — De- rivat mit Dativobjekt: *auf einen Berg, aufs Dach, aus dem Auto steigen. Dem Schlitten, dem Bus, dem Käfig, einer Sauna entsteigen*. Die semantischen Veränderungen eines Verbs durch Präfixderivation schließen oft Verbindungen hin-

sichtlich der syntaktisch- semantischen Valenz und hinsichtlich der zum Verb gehörigen Hilfsverben ein. Das untrennbare Präfix *ent-* drückt aus, dass eine Bewegung, Handlung aus der Richtung von jemandem/etwas kommt oder dass sich die Richtung einer Bewegung, Handlung von jemandem/etwas wegbewegt. Der Ausdruck «dem Elfenbeinturm der wissenschaftlichen Arbeit entsteigen» bedeutet in Folgenden: Man muss nicht als Wissenschaftler für sich selbst arbeiten sondern mit Anderen zusammen in Kooperation sein. Die Universität hat ohne Kontakt bei wissenschaftlichen Arbeiten zu anderen Bildungseinrichtungen, einfach entfernt in diesem Bereich von anderen. Wenn es um Bildungspartnerschaft geht und in diesem Fall wenn man isoliert bleibt, muss man versuchen, aus dieser Lage rauszukommen und die gegenseitigen Beziehungen auf dem Gebiet der Wissenschaft ausbauen.

«Wie andere Länder dieses System adaptieren, **erfahren** Sie in der Geschichte «Eine Bildungsidee reist um die Welt»«.

Diese Präfixderivation *erfahren* bedeutet eine neue Information (über jemanden/ etwas) bekommen. Das Präfix *er-* macht die intransitiven Verben *transitiv*. *Basis mit Präpositionalobjekt — Derivat mit Akkusativobjekt*. Aus semantischer Funktion gehört dieses Verb zu idiomatischen Verben. Die verbale Bedeutung kann man nicht aus dem Stammwort des Verbs ableiten. Mit der Präfigierung des Grundverbs wird bei dem ganzen Wort ein neuer semantischer Inhalt aktiviert. Durch das Präfix wird der verbale Prozess erweitert.

«Hinzuweisen gilt es noch auf einen Mann, der vor 500 Jahren lebte und die Welt ziemlich radikal **veränderte**».

Das präfigierte Verb *verändern* beinhaltet *jemandem oder etwas ein anderes Aussehen geben*: einen Raum verändern, die Welt, sein Leben verändern wollen. Das Präfix *ver-* kann zur Präzisierung und Intensivierung der im Grundwort genannten Handlung führen. Man kann es im Beispiel von ein paar Ausdrücken analysieren. *Die Welt radikal verändern* heißt *vollständig, gründlich verändern*. Oder *etwas baulich (durch Bauen) verändern — man baut hier um: eine Mühle in ein Wohnhaus umbauen*. Hier entsteht also ein neues Gebäude.

Pläne verändern — man macht hier einen ganz anderen (neuen; bis ins Detail anders formuliert) Plan. Der Plan bekommt eine ganz andere inhaltliche Form. Man macht ganz anders, als es vorher geplant war.

«Das Jubiläumsjahr der Reformation 2017 **erinnert** daran, setzt sich aber auch kritisch mit ihrem Urheber auseinander».

Das aus dem Adjektiv «inner-» abgeleitete Verb bezeichnet a) die Erinnerung bei jemandem wachrufen; b) veranlassen, jemanden oder etwas nicht zu vergessen: das erinnert mich an meine Kindheit, jemanden an einen Termin erinnern. Das Präfix *er-* drückt aus durch eine Handlung oder einen Denkprozess ein bestimmtes Ergebnis erreicht. Dieses Präfixderivat ist irgendwie aus semantischer Sicht mit dem Basiswort verbunden. Das Adjektiv *inner-* heißt jemandes Gefühle und Gedanken betreffend.

«Die internationale Gemeinschaft kann diese Herausforderungen nur gemeinsam **bewältigen**».

Das Verb *bewältigen* bezeichnet 1. *eine schwierige Aufgabe mit Erfolg ausführen; meistern*; 2. *ein Problem geistig verarbeiten und oft darüber nachdenken, bis es einem keinen Kummer mehr macht; überwinden, mit etwas fertig werden*. Dieses Verb ist vom Substantiv (*Gewalt*) abgeleitet. Es kann mit Gewalt formlich und inhaltlich auch zu tun haben. Damit man ein Problem oder eine komplizierte Aufgabe mit Erfolg ausführen und mit etwas Schwierigem fertig werden kann, braucht man körperliche Kraft. Man setzt zuerst vor allem Körperkraft ein, um etwas zu erreichen.

«Als Landtagspräsidentin möchte sie aus einer alevitischen Familie stammende Aras neue Formate **entwickeln**, um mit den Bürgerinnen und Bürgern den Dialog zu **verstärken**».

Das untrennbare Verb *entwickeln* stammt aus dem Verb *wickeln*, mithilfe der Präfixbildung bekommt das Verb ganz andere Bedeutung. Das einfache Verb *wickeln* bezeichnet *eine Schnur, einen Faden o. Ä. mit einer drehenden Bewegung meist um etwas herumrollen: Wolle, Bänder, eine Schnur auf eine Rolle wickeln*.

Das nächste Verb *verstärken* heißt *stärker, stabiler machen; intensivieren*:

eine Mauer, einen Wall verstärken; den elektrischen Strom verstärken.

Das Verb *stärken* bezeichnet *stark machen, kräftigen*. Diese Präfixderivate gehören zu den intensiven Verben, sie drücken eine höhere Intensivierung des Geschehens aus. Es kann sich auch um eine bestimmte diminutive Gradierung handeln.

«Voraussetzungen für lebendige und lebenswerte Stadtquartiere werden **veranschaulicht**».

Das Verb *veranschaulichen* beinhaltet *jemandem eine schwierige Sache erklären, indem man einfache oder konkrete Beispiele gibt, Zeichnungen zeigt o. Ä.*

Basiswort ist das Adjektiv «anschaulich» und es bedeutet (*aufgrund von Beispielen oder guten Erklärungen*) *klar und einfach zu verstehen*. Dieses Verb gehört auch zu *intensiven Verben* und zeigt die höhere Intensivierung der Handlung. Man kann den oben genannten Satz so interpretieren: Es wird hier die Vorschläge z. B. von Architekten zur Unterbringung präsentiert Welche Bedingungen muss es geben. Dann am Ende wird es alles konkretisiert.

In der Schlussfolgerung kann man erwähnen, dass die meist verbreitete Art der Wortbildung der deutschen Verben — die Präfigierung ist. Im Laufe der Zeit setzten sich schon viele Sprachwissenschaftler mit der Problematik der Präfigierung auseinander und für diesen Bereich wurde auch Menge von Materialien, Übersichten und Grammatiken herausgegeben. Auch aus diesem Grund gehen die Meinungen einzelner Wissenschaftler auseinander und infolgedessen unterscheidet sich ihre Terminologie voneinander.

Im Theoretischen Teil dieses Artikels geht es um die Einteilung der untrennbaren Verben aus morphologischer — syntaktischer Standpunkt und Analyse des Präfixes «be-»

nach syntaktischer und semantischer Funktion. Und an einigen Präfixderivationen haben wir auf individuelle Weise aufgrund der theoretischen Fakten gearbeitet. Im Laufe der Analyse kann man zu dieser Auffassung kommen, untrenn-

bare Präfixe haben auch ihre eigene Bedeutung und mit dem Verb zusammen bilden sie eine Sinneinheit. Wir haben hier Präfixe nach ihrem morphologischen, syntaktischen und semantischen Aspekt untersucht.

Literaturverzeichnis:

1. Bartz/Fleischer/Schröder: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen 1995.
2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006. [2016 s.] ISBN 3-411-05506-5.
3. Duden: Die Grammatik. 4., völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich Dudenverlag, 1984. [800 s.] ISBN 3-411-20904-6.
4. DE Magazin Deutschland 2/2016
5. Semantische Leistung der Präfixe bei deutschen Verben. Die Diplomarbeit von Renata Kaválková, 2007.
6. «Objektschub» bei V. Polenz 1980, S. 176

Die analyse der trennbaren verben von grammatischen und semantischen standpunkt

Юсубова Чамангул Мамутжоновна, преподаватель
Ургенцкий государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Mit der Bildung der trennbaren Verben sind auch syntaktischen Änderungen verbunden. Solche Änderungen vollzieht man durch die *Inkorporation* der Präposition in das Verb. Kleb das Bild an das Papier./ Kleb das Bild an. In diesem Fall kann man sehen, dass die Präposition mit dem Präfix übereinstimmt.

Bei manchen Präpositionen kommt es zu einem Wandel des Präfixes. (Ausnahmen: ein/in, — den Dampf in den Mund saugen/ den Dampf einsaugen — ab/von, die Kruste vom Brot schneiden/die Kruste abschneiden)

Die Inkorporation dient zur Verringerung der Anzahl der Satzglieder.

Das Präfix *an-* kommt bei fast allen einfachen Verben vor. Es erscheint auch bei komplexen Verben, sowie bei *an- ziehen*. Die Präfixderivation ist bei desubstantivischen Derivaten zu finden (beanspruchen, beantragen, beantworten).

Die grammatische Funktion

— durch Inkorporation ändert sich das Präpositionalobjekt zu einem Akkusativobjekt: Sie hat nach mir geschaut. / Sie hat mich angeschaut.

Die semantische Funktion

1. *räumlicher Kontakt, eine Annäherung*: diese Verben bezeichnen einen Kontakt mit einer Sache, mit der das Objekt verbunden wird: anheften, ankleben, anbinden, anhaften

2. *Vergrößerung*: die Verben drücken aus, dass das Subjekt am Volumen zunimmt: anwachsen, annehmen

3. *ingressive Verben*: bezeichnen den Beginn des Geschehens: anfahren, ansprechen, anlaufen, ansagen

4. *lokative Verben*: stellen die Lokalisierung dar: anleinen, anhängen,

5. *applikative Verben*: bezeichnen die Ausstattung des Basisverbs mit einem Substantiv: ankreuzen

6. *kausative Verben*: versehen das Objekt mit einer Eigenschaft: anrauen, anfeuchten, anfaulen,

7. *Ziel der Bewegung*: diese Verben bezeichnen die Endstation der Bewegung des Subjekts/Aktanten: ankommen, anfliegen, anreiten, anschwimmen, anlanden, anbrausen, anflitzen.

Wir haben hier ein paar Beispiele angeführt und es aus der grammatischen und semantischen Sicht analysiert. Als Quelle dient DE Magazin Deutschland.

«Eine besondere Konzentration gibt es in der Finanzmetropole Frankfurt am Main, wo sich rund 60 Fintechs **angesiedelt** haben und die Deutsche Börse einen Fintech-Hub eröffnet hat, um die Gründer- und Investitionskultur in Deutschland weiter **voranzutreiben**».

Das Verb *sich ansiedeln* heißt *sich niederlassen*: sich auf dem Land, in der Stadt ansiedeln. Das Stammverb *siedeln* — *sich an einem bestimmten Ort (meist in einer noch nicht besiedelten Gegend) niederlassen und sich dort ein (neues) Zuhause schaffen; eine Siedlung gründen*. Hier sieht man schon inhaltlichen Zusammenhang zwischen beiden Verben. Das Präfix *an-* zeigt hier räumliche Nähe, wir nehmen noch ein anderes Beispiel,

Die Stadt plant, in dem Gebiet mehrere Industriebetriebe anzusiedeln. Die Industriebetriebe stehen nebeneinander. Weiteres Beispiel: *sich in der Stadt ansiedeln*. Hier z. B., Leute ziehen zur Stadt, um dort zu leben und zu arbeiten. Sie wohnen auch nebeneinander oder eng beieinander. Hier ein Zuhause und daneben gibt es noch jemandes Unterkunft. Die Verbindung «*sich Finanztechno-*

logie ansiedeln» — Moderne Technologien im Bereich der Finanzdienstleistungen in Frankfurt am Main ansässig machen, sie einsetzen und damit man es sich bei der Arbeit bequem machen möchte. Die nächste Präfixderivation *vor-*

antreiben heißt *etwas bewirken, dass sich etwas schnell entwickelt; beschleunigen, forcieren*: eine Entwicklung, einen Prozess vorantreiben. Hier kann man drei Verben betrachten.

treiben	antreiben	vorantreiben
1. Jemanden/etwas (durch Rufe, Schläge o. Ä. und <i>meist</i> indem man hinter ihnen hergeht, herläuft o. Ä.) dazu bringen, sich in eine bestimmte Richtung zu bewegen: <i>das Vieh auf die Weide treiben</i> 2. Etwas bewegt jemanden/etwas irgendwohin: Die Strömung trieb ihn ans Ufer. 3. Etwas bewirkt, dass sich eine Maschine bewegt = etwas treibt etwas an: Diese Turbinen werden durch Wasserkraft getrieben.	1. Jemanden (meist in Worten) dazu bringen, etwas zu tun oder sich in bestimmter Weise zu verhalten. Jemanden zur Arbeit antreiben. 2. Etwas setzt oder hält ein Gerät oder Fahrzeug in Funktion: Das Spielzeugboot wird von einem Motor angetrieben. Die Verben mit dem Präfix «an-» bezeichnen, dass man etwas in Betrieb setzt, also ein technischer Apparat fängt an, zu arbeiten: anschalten, anmachen, antreiben	Verhandlungen vorantreiben. Dieses Präfix «vor-» bezeichnet es, dass etwas im Vorne bei der Entwicklung steht. Z. B., die Investitionskultur vorantreiben — noch mehr Investitionen einsetzen und in diesem Bereich mehr Erfolge erreichen, im vorderen Platz im Vergleich zu anderen stehen, Entwicklungsgrad noch höher machen.

«Über dieses Datenmodul und eines Smartphone-App können Fluggäste ihr Gepäck online **einchecken**».

Das Verb «*einchecken*» bezeichnet (*vor dem Abflug*) *abfertigen, die Formalitäten für einen Flug erledigen*. Basiswort ist das einfache Verb «*checken*». Es ist im Sinne von *überprüfen oder kontrollieren*: Ausweise, Fahrzeuge checken. Das Verb «*einchecken*» bezeichnet einen innerlichen Zustand, der andauert. Man meint hier, man erledigt für jemanden bestimmte Formalitäten, damit er seine Reise fortsetzen kann. Damit man in das Flugzeug einsteigen darf, wird das Gepäck überprüft, das Innere des Koffers wird kontrolliert, Es hat alles hier mit dem Innere zu tun.

«*Der eingetragene Koffer wird dann an Gepäckstationen im Flughafen nur noch abgeben*».

Basis mit Dativobjekt — Derivat mit Präpositionalobjekt: jemandem etwas geben, etwas bei jemandem abgeben. Das Verb *abgeben* heißt 1. jemandem etwas (über) geben:

1. *die Schularbeiten beim Lehrer abgeben*;
2. eine Ware verkaufen;
3. ein Amt freiwillig nicht länger ausüben;
4. etwas öffentlich verkünden: eine Erklärung, ein Gutachten, abgeben;
5. etwas von sich auf etwas anderes übertragen: Wärme, Energie, Strahlen abgeben;
6. jemandem einen Teil von dem geben, was man besitzt: *Willst du mir nicht ein Stück von deiner Schokolade abgeben?* In unserem Beispiel zeigt das Verb mit dem Präfix «*ab-*», dass man etwas jemandem gibt, irgendetwas in jemandes Hände gerät, etwas von jemandem weggeht.

«*Lufthansa ist zunächst die erste Fluggesellschaft, die ihren Fluggästen diesen Service anbietet*».

Das untrennbare Verb *anbieten* beinhaltet 1. jemandem durch Worte oder Gesten zeigen, dass man ihm etwas Angenehmes, Nützliches oder Hilfreiches geben will; 2. Je-

mandem etwas vorschlagen. Das Präfix *an-* drückt aus, dass die Handlung auf jemanden / etwas gerichtet ist.

«*Das vor Kurzem abgeschlossene Projekt des Bundesinstituts für Bau-, Stadt- und Raumforschung untersucht, wie sich neue gesellschaftliche Verhältnisse auf die gebaute Umwelt auswirken können*».

Das Verb *auswirken* heißt: *etwas hat eine bestimmte Wirkung, einen Effekt auf jemanden/etwas*: *Das kalte Wetter wird sich negativ auf die Ernte auswirken*. Das trennbare Präfix «*aus-*» dient zur Intensivierung der Verbbedeutung. a) Die Arznei wirkt gut. Man kann den Satz so interpretieren: ich habe eine Tablette gegen den Husten eingenommen und nach einer Weile geht es mir gut, aber es trägt keine nachhaltige Wirkung. In dieser Satzstruktur «*sich neue gesellschaftliche Verhältnisse auf die gebaute Umwelt auswirken*» hat aber das präpositionale Präfix «*an-*» den verbalen Sinn verstärkt. Diese Auswirkung dauert lange Zeit. Gesellschaftliche Verhältnisse beeinflussen Land und Leute. Und in der Folge kann es alles ganz verändern. Man kann so eine Vorstellung aus dem Kontext hervorziehen. Wie kann Deutschland später aussehen, als Integralland, Netzland usw..

«*Ganz anders sähe es im Integralland aus, wenn die Bevölkerung bis 2050 auf 85 Millionen anwachsen sollte*».

Das Verb *anwachsen*:

1. etwas wächst irgendwo fest, verbindet sich allmählich mit dem Untergrund: die transplantierte Haut; der verpflanzte Baum;
2. etwas wird in Zahl oder Menge allmählich und dauernd mehr; etwas nimmt zu: die Bevölkerung, der Lärm, die Menge, die Schulden. Das trennbare Präfix «*an-*» drückt Vergrößerung aus, das Subjekt nimmt am Volumen zu.

«*Konflikte werden zunehmend digital ausgetragen*».

Das präfigierte Verb *austragen*:

1. Waren oder Sendungen an eine *meist* ziemlich große Zahl von Personen liefern; zustellen: Zeitungen, die Post austragen

2. einen Konflikt zu Ende oder zur Entscheidung bringen; ausfechten: einen Kampf, ein Duell austragen, 3. etwas organisieren und durchführen: einen Wettbewerb,

einen Sportwettkampf austragen. Das präpositionale Präfix «aus-» drückt das Ende des Geschehens aus. Man sieht hier eine neue Wortschatzerweiterung mittels des Präfixes.

«Es soll rund 13500 Dienstposten **umfassen** und von einem eigenen Inspekteur geleitet werden, der zum 1. April 2017 die Führung **übernimmt**».

umfassen	übernehmen
etwas enthält etwas in der genannten Menge oder Zahl: <i>Das Buch umfasst dreihundert Seiten</i> Das präpositionale Präfix «um-» drückt eine Bewegung oder Lage in der Form eines Kreises oder eines Bogens aus. Es macht uns noch mal klar den verbalen Sinn.	1. etwas als Nachfolger von jemandem annehmen und weiterführen: <i>Mein Sohn wird die Autowerkstätte bald übernehmen.</i> 2. eine Firma o. Ä. kaufen und weiterführen: Mann kann vermuten, das Präfix «über-» drückt aus, dass jemand in einer Reihenfolge oder Hierarchie höher steht als jemand anderer.

«So wurde in Deutschland noch nie so viel Geld für Innovationen **ausgegeben**».

Das Verb *ausgeben* heißt *Geld zahlen, um eine Ware oder Dienstleistung zu bekommen*

Das Präfix «aus-» drückt hier Bewegung in der Richtung *nach außen*. Z. B., ausreisen – ein Land verlassen, man fährt aus einem Land ins anderes. Man kann die Verbindung «Geld ausgeben» im übertragenen Sinne so analysieren: Das Land hat in seiner Tasche viel Geld. Für Innovation hat es aber eine Menge Geld ausgegeben. Geld geht nach außen.

«Auf Lang folgen der ägyptische Videokünstler Ahmed Kamel und Kerstin Honeit, die ebenfalls moderne Medien **einsetzt**»

Das Verb *einsetzen* heißt *etwas unter bestimmten Bedingungen zu einem bestimmten Zweck verwenden*. Das Präfix «ein-» drückt hier aus meiner Sicht aus, dass man etwas in Funktion setzt, in der Praxis anwendet. Z. B. Technik

einsetzen — Man gebraucht hier Technik. Technik nehmen wir in Betrieb.

In der Schlussfolgerung kann man erwähnen, dass die meist verbreitete Art der Wortbildung der deutschen Verben — die Präfigierung ist.

Im Theoretischen Teil dieses Artikels geht es um die Analyse des trennbaren Verbs mit «an-» nach syntaktischer und semantischer Funktion. Und an einigen Präfixderivationen haben wir auf individuelle Weise aufgrund der theoretischen Fakten gearbeitet. Im Laufe der Analyse kann man zu dieser Auffassung kommen, trennbare Präfixe haben auch ihre eigene Bedeutung und mit dem Verb zusammen bilden sie auch eine Sinneinheit. Wir haben hier Präfixe nach ihrem morphologischen, syntaktischen und semantischen Aspekt untersucht. In meisten Fällen sieht man schon, dass Derivationen inhaltlich vom Basiswort abhängig sind. Verbale Bedeutung kann man von seinen Bestandteilen ableiten.

Literaturverzeichnis:

1. Bartz/Fleischer/Schröder: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen 1995.
2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006. [2016 s.] ISBN 3-411-05506-5.
3. Duden: Die Grammatik. 4., völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich Dudenverlag, 1984. [800 s.] ISBN 3-411-20904-6.
4. DE Magazin Deutschland 2/2016
5. Semantische Leistung der Präfixe bei deutschen Verben. Die Diplomarbeit von Renata Kaválková, 2007.

ФИЛОСОФИЯ

Томистская традиция в гносеологии

Бакирова Айгуль Ураловна, преподаватель;

Иванов Владислав Александрович, студент;

Хаматов Алмаз Фингатович, студент

Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Из современных христианских философских учений наиболее распространенным является неотомизм — обновленная философия средневекового католического богослова Фомы Аквинского (1225–1274). Его учение, называемое томизмом, является попыткой снятия противоречия между истинами религии и истинами науки. Фома Аквинский рассматривал различные философские проблемы — онтологические, социальные, антропологические, аксиологические. Но его теория познания является довольно революционной для средневековья, ряд эпистемологических идей является актуальным и в современной философии.

Теория познания томизма основывается на принципе гармонии веры (религии) и разума (науки). Аквинский полагал, что существуют два рода истин: истины, добываемые человеком с помощью науки и философии, и истины откровения, изложенные в Библии. Последние имеют своим источником Бога. Истины первого рода объясняют лишь часть мира: они ограничены сферой повседневной жизни человека, его практикой и мышлением. Истины же второго рода охватывают весь мир, включая и то, что изучают наука и философия. По этой причине они более предпочтительны. Отсюда следует вывод: ученым и философам, чтобы меньше ошибаться и не делать лишнюю работу, необходимо строить свою деятельность в соответствии с истинами откровения [1; 2].

Эта идея получила свое развитие в философии неотомизма — одной из самых разработанных религиозно-философских учений нашего времени, сформировавшихся во второй половине XIX века. В центре гносеологии неотомизма стоит идея взаимодополняемости религиозного и научно-философского знания. «Содержание христианской философии есть, стало быть, свод рациональных истин, которые были открыты, углублены и просто охраняемы благодаря помощи, которое откровение оказало разуму», — объясняет эту идею один из крупных неотомистов Э. Жильсон (1884–1978). Он пишет, что, «существует много философских проблем, решать которые

можно и не прибегая к Слово Божию, однако, этого нельзя сказать о главнейших вопросах метафизики, естественной теологии и морали. Когда в уме молодого христианина просыпается интерес к метафизике, вера, обретенная им в детстве, уже дала ему истинные ответы на большую часть этих важнейших вопросов. Он, конечно, может спросить себя, насколько они истинны — именно так и поступают христианские философы, когда они пытаются рационально обосновать дарованную Откровением истину, доступную естественному разуму. Но, когда они принимают за работу, оказывается, что основные вопросы уже разрешены» [3, с. 12]. Такая точка зрения по своей сути является своеобразной защитой одного из главных постулатов любой религии, утверждающей изначальную заданность всех предпосылок развития знания [4]. В свою очередь, это приводит к защите традиционализма в интерпретации всех социальных и научно-познавательных процессов [5; 6; 7; 8].

Научное и религиозное познание, согласно неотомистам, занимаются одним и тем же делом — объяснением мира. Но, поскольку сущностью мира является Бог, то всякое научное познание приближает нас к пониманию природы Бога. В научном познании человек имеет дело с бытием конкретных предметов, за которыми стоит Бытие как таковое, т. е. Бог. Конечно, бытие конкретных предметов несовершенно, неполно, оно только частично отражает Бога, подобно тому, как картина отражает художника. По этой причине познание Бога через познание вещей вполне допустимо, но не полно.

Источником научного познания является разум, данный Богом человеку. Поэтому пренебрегать разумом не следует. Но человеческий разум есть разум конечного, ограниченного существа, для которого не все истины достижимы. Однако Бог наградил человека не только разумом, но и верой. Руководствуясь верой, человек способен достигнуть полного понимания мира (Бога) с помощью откровения. «Источник истин веры — божественный разум, и поэтому они в высшей степени разумны, хотя в своей

значительной части не вполне доступны или даже вообще недоступны человеческому пониманию. По отношению к разуму человека они сверхразумны Противоположность веры и знания выражает противоположность божественного и человеческого, но так как человек сотворен по образу и подобию божьему, то разум его отличается от божественного лишь бесконечно меньшей мощностью. Поэтому противоречие между разумом и верой представляется неотомистам вполне преодолимым при условии, если разум признает высшую разумность веры и будет подходить к исследованию истин, учитывая свою собственную ограниченность» [9, с. 157].

Таким образом, истины науки, согласно неотомистам, составляют лишь небольшую часть знания. Полное же знание о мире, человеке и Боге возможно лишь через религиозное познание. Научное познание, утверждают неотомисты, есть движение от вещей к Богу, а познание через веру, откровение, есть нисходящее движение от Бога к вещам. Между этими двумя встречными потоками знания находится философия, которая выполняет функцию трансформатора, переводящего истины теологии на язык науки, а истины науки — на язык теологии. Такая иерархичность знания восходит своими корнями к традиции христианской теологии, представляющей мир в виде нисходящей от Бога к материи ступенчатой системы. Вселенная, в соответствии с этой традицией, есть упорядоченное бытие, состоящее из множества уровней, где один уровень отличается от другого степенью духовности, т. е. совершенства. Ю. К. Субботин, цитируя работы неотоми-

стов, пишет: «Уровни благодати или совершенства проявляются в нашем познании как уровни бытия», — писал Ж. Маритен» [10, с. 83].

В соответствии с таким пониманием мира неотомисты решают вопрос о направлении и причинах его развития: «Прогрессировать — для всей природы означает приближаться к своему принципу, — стало быть переходить от чувственного к рациональному и от рационального к спиритуальному; цивилизовать — значит спиритуализовать», — пишет Маритен (10, с. 84). Причиной же развития является наличие в каждой вещи заложенного Богом стремления к совершенству, т. е. к переходу на более высокую ступень бытия. «Всякое движение, всякое стремление есть движение или стремление к совершенству, то есть к благу, всякое стремление к благу есть стремление к Богу, и благо есть Бог», — пишет католический философ Ж. Леклерк (10, с. 89).

Таким образом, неотомисты выступают за союз веры и научного знания, признавая при этом приоритет религии в сфере духовной жизни. Эта идея поддерживается всякой развитой религией. Решая вопрос о соотношении научного и религиозного знания, многие современные религиозные философы пытаются найти компромисс между этими феноменами. Но в этом компромиссе они все-таки усматривают главенство религиозного знания, исходящего от самого мудрого существа — Бога [11; 12]. Еще более ярко она представлена в философском мистицизме, который можно рассматривать как вариант идеализма [13; 14, с. 27–30].

Литература:

1. Rakhmatullin, R., Semenova E. Thomism of the unity of the religious and scientific knowledge // *Nauka i studia*. 2015. Т. 10. с. 288–291.
2. Халиков, Р., Семенова Э. Р. Наука и религия как единство противоположностей // *Вестник научных конференций*. 2016. № 2–5 (6). с. 131–133.
3. Жильсон, Э. Философия и теология. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
4. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2011. № 4. с. 43–47.
5. Семенова, Э. Р. Идеи традиционализма и либерализма в философии права // *Альманах современной науки и образования*. 2013. № 3 (70). с. 161–163.
6. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р. Традиционализм и либерализм в правовом и педагогическом пространстве // *Профессиональное образование в современном мире*. 2014. № 1 (12). с. 19–26.
7. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р. Традиционализм и либерализм в свете философии права // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2014. № 1 (52). с. 41–44.
8. Рахматуллин, Р. Ю. Об истоках и пределах традиционализма и либерализма: философский анализ // *Вестник ВЭГУ*. 2014. № 5 (73). с. 116–125.
9. Шитиков, М. М., Фокин Н. П. Критика неотомизма // *Философские науки*. 1978. № 4. с. 156–158.
10. Субботин, Ю. К. Сущность ценностной концепции неотомизма // *Философские науки*. 1972. № 3. с. 82–88.
11. Rakhmatullin, R. Yu. The scientific and religious knowledge // *News of Science and Education*. 2016. Т. 8. № 1. с. 298–303.
12. Рахматуллин, Р. Ю. О метафизических основаниях внеисторического в праве // *Молодой ученый*. 2013. № 11. с. 549–552.
13. Рахматуллин, Р. Ю. Al-Ghazali's gnoseology // *Вестник ВЭГУ*. 2015. № 5 (79). с. 147–156.
14. Рахматуллин, Р. Ю., Хидиятов Н. Б. Иррационалистическое направление в философии: учебное пособие. Уфа: Уфимская высшая школа МВД России, 1995. 99 с.

Парадигмальные рамки инноватики как развивающейся области знания и практики

Другова Елена Анатольевна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский государственный университет

И нновации в современном мире трансформируют экономическую, политическую, технологическую, социальную и культурную сферы жизнедеятельности, изменяют как жизнь каждого отдельного человека, так и всего общества в целом. Инноватика как новая междисциплинарная область знания, осмысляющая суть, роль, принципы и результаты инновационного развития сегодня представляет собой активно развивающийся комплексный подход к пониманию инновационных процессов. В данной работе стоит задача продемонстрировать те парадигмальные рамки, в которых складывалась инноватика как новая область знания и практики, в рамках различных как развивающихся, так и устоявшихся научных традиций в определенный период времени. Для этого мы описываем этапы становления инноватики, фиксируем те предметные области, которые наиболее значимым образом повлияли на процесс осмысления инноваций, выявляем основные обсуждаемые вопросы и проблемы, а также гносеологические истоки, определившие современное положение теории инноваций.

Термин «инновация» (от англ. innovation) появился еще в XIX в. и изначально имел культурологический смысл, обозначая изменения в культуре. Однако затем этот термин был заимствован экономикой, и сегодня считается, что истоки инноватики как особой области знания и практики лежат в экономической науке. В экономике начала XX века появился ряд значимых работ, обосновывающих необходимость постоянных радикальных нововведений, которые позже были названы инновационным предпринимательством. Так, в 1909 г. В. Зомбарт в статье «Капиталистический предприниматель» представил концепцию предпринимателя как инноватора, где он делал вывод о том, что основная функция предпринимателя состоит в том, чтобы ради извлечения прибыли выпускать на рынок технические новинки и стремиться распространить их как можно шире [1]. Инновация артикулируется как новшество, приносящее прибыль. Экономист Н.Д. Кондратьев в своей теории «больших циклов», разработанной в 20-е годы XX в., впервые показал, как динамика экономической структуры общества реагирует на базовые нововведения (ключевые изобретения), и как затем это влечет за собой реализацию вторичных, модернизирующих социально-экономических нововведений [2]. Таким образом, осмысляются позитивные социо-экономические последствия инноваций. Опираясь на идеи цикличности, разработанные Н.Д. Кондратьевым, экономист и социолог Й. Шумпетер обосновал роль инноваций как средства преодоления экономических кризисов. На практике это воплотилось в том, что после Великой де-

прессии начала 1930-х годов в США и других странах «инновационная политика фирмы» начинает восприниматься тем, что способно вывести фирму из депрессии. Й. Шумпетер также указал на возможность продуктовых, технологических, оргуправленческих и логистических инноваций, обратив внимание на то, что источником прибыли являются новые комбинации факторов производства, которые изобретает предприниматель [3]. В конце 1930-х годов Шумпетер ввел различие базовых инноваций и инноваций-следствий, что стало важным шагом в становлении теории инноваций, или инноватики. Важную роль в осмыслении инноваций сыграли также идеи немецкого ученого Г. Менша, который пытался в своих работах увязать темпы экономического роста и цикличность с появлением базисных нововведений. Менш указывал на роль кризисов как генераторов инновационной активности: по его мнению, когда базисные нововведения исчерпывают свой потенциал, возникает ситуация «технологического пата», определяющая застой в экономическом развитии, и это ведет к производству новых базисных нововведений. В своей классификации нововведений Менш предложил выделить три крупные группы — базисные, улучшающие и псевдо-инновации. Базисные инновации Менш предложил разделить на технологические, которые, при их имплементации, образуют новые отрасли и новые рынки, и нетехнологические, несущие собой изменения в управлении, общественных услугах, и культуре в целом. Менш указывает, что между нововведениями существует определенная конкуренция за ресурсы, поскольку каждый вид нововведений востребует ряд затрат в виде труда и капитала. Менш описывает процесс движения от одного технологического пата к другому как переход от базисных нововведений к улучшающим, и далее, с течением времени, к псевдо-нововведениям [4]. Можно зафиксировать, что инновации стали осмысляться неотделимо от экономических кризисов и в контексте преодоления этих кризисов как важнейший, самый необходимый для этого ресурс.

Идеи Менша нашли свое развитие в работах А. Кляйнкнехта. А. Кляйнкнехт детализирует положения Менша о формировании кластеров нововведений на стадии депрессии. Он полагает, что кластеры нововведений-продуктов, действительно, образуются на фазе депрессии (спаде), ну а кластеры нововведений-процессов — на повышательной стадии длинной волны. Кляйнкнехт предложил более четко разграничить инновации-продукты и инновации-процессы с помощью следующей разработанной им классификации нововведений:

— «чистые» нововведения-продукты, предназначенные для конечного потребления;

— новые медицинские процедуры, аппараты и лекарства;

— новые инвестиционные товары, предназначенные, прежде всего, для производства потребительских товаров и услуг;

— новые технические устройства и новые материалы, использование которых возможно в производстве как инвестиционных, так и потребительских товаров;

— научные инструменты, которые предназначены для лабораторных исследований, но в дальнейшем могут быть использованы и в промышленных целях;

— «чистые» нововведения-процессы, которые направлены только на экономию факторов производства» [5].

Фиксируемый и продолжающийся процесс диверсификации инноваций, попытки их типологий, свидетельствует о том, что единственный статус «нового» («новшества», «инновации») слишком размыт и недостаточен для предметного обсуждения вопросов управления экономическими процессами. Инновации «обрастают» дополнительными статусами — процесса, продукта, и др. В дальнейшем это порождает диверсификацию способов управления, инновационных методологий.

Что касается теории длинных циклов и роли внедрения инноваций, то она получила свое развитие в работах американского экономиста У. Ростоу, который вводит понятие «лидирующего сектора роста». По мнению У. Ростоу, стимулирование экономики в течение одного цикла происходит за счет внедрения инноваций, образующих лидирующий сектор роста. Замена одного лидирующего сектора другим соотносится с завершением одного длинного цикла и началом другого. Автор приводит примеры таких лидирующих секторов, среди которых называет текстильную промышленность, железные дороги, производство электричества и автомобилей. Попытку синтеза основных концепций, разработанных Н. Кондратьевым, Й. Шумпетером, Г. Меншем, У. Ростоу и другими, осуществляет Дж. ван Дейн в своем труде «Длинные волны в экономике». В основе его работы лежат три главных блока: концепция нововведений, циклы жизни нововведения и инвестиции в инфраструктуру [6, с. 17–18].

Можно зафиксировать, что вслед за перемасштабированием осмысления инноваций от единичных новшеств, имеющих экономический эффект, к целым инновационным волнам, движущим инновационные циклы, также произошел и процесс перемасштабирования осмысления способов управления инновациями: от конкретных управленческих действий на конкретном предприятии к масштабу национальных инновационных экономик. Это выразилось в том, что исследования инноваций также диверсифицировались, волна интереса к инновациям, проявленная экономистами, была поддержана в других областях. С 1960-х гг. начался подъем в исследовании инноваций, в 1960–70-х годах деловыми организациями массово осуществлялись эмпирические исследования. Н.И. Лапин выделяет три основные области исследований, в каждой из которых доминировала своя теорети-

ко-методологическая парадигма, на которых сосредоточилось внимание исследователей:

1. Компания как производитель инноваций, ее восприимчивость к инновациям и роль в этом организационных структур и методов управления. «В качестве исследовательской парадигмы Н.И. Лапин выделяет здесь концепцию процесса принятия решений.

2. Маркетингу, методам прогнозирования успеха инноваций, показателям эффективности разных стадий его внедрения и нововведения в целом, по Н.И. Лапину, соответствует исследовательская парадигма теории открытых систем в сочетании с игровым подходом.

3. Государственная инновационная политика, которой соответствует парадигма теории управления [6]. Совокупность этих областей исследований складывается в междисциплинарную область, названную инноватикой.

В 70-х годах инновационное развитие набирает обороты: за одно десятилетие произошли глубинные качественные изменения в факторах экономического роста в развитых странах, связанные с перестройкой структуры производства, распространением наукоемких технологий, формированием полицентричной структуры технико-экономических международных взаимоотношений, а главное — с качественным изменением роли и соотношения в структуре прироста инновационного и традиционного экономических процессов. За этот период соотношение стало таково, что всего четверть прироста было обеспечено материальными капиталовложениями, треть — повышением квалификации рабочей силы, и свыше 40% — использованием новейших результатов научных исследований, открытий и изобретений, технических инноваций [7]. Далее этот тренд усиливался и охватывал все большее количество стран, пока инновационная составляющая не стала доминантой в экономиках целого ряда развитых и развивающихся стран. Инновации стали мыслиться главным национальным конкурентным преимуществом.

На определенном этапе, с 1980-х гг., значительное место в теории инновационных процессов начинает занимать исследование технологических систем (К. Фримен, Дж. Кларк, Л. Суйте). Это связано с повышением экономической ценности и роли опережающего технического развития, которое стало одним из основных факторов успешности национальной экономики любой развитой страны. В риторике утверждается представление о «требовании научно-технического прогресса» как некоей объективной силе. Английский экономист К. Фримен описал технологическую систему как комплекс инноваций, связанных общей технологической базой, и технологическую революцию как смену технико-экономического уклада. Фримен объяснял неравномерность межстранового развития тем, что в одних странах происходит старение технологических систем, в то время как в других странах появляются новые технологические системы, что напрямую ведет к экономическому росту как следствию появления новых отраслей. Фримен в предложенной им концепции

также стремился интегрировать инновационный подход с проблемами занятости. Его концепция была изложена в 1982 году в книге «Безработица и технические нововведения» [8].

Развитие этих идей осуществляется российским экономистом С.Ю. Глазьевым и его коллегами через разработку концепции технологических укладов. В качестве основного элемента экономической структуры, который сохранял бы целостность в процессе технологических сдвигов, а также был бы носителем технологических изменений, была предложена совокупность технологически сопряженных производств, сохраняющих целостность в процессе своего развития. «Посредством однотипных технологических цепей (ТЦ) такие совокупности объединяются в устойчивую самовоспроизводящуюся целостность, конгломерат сопряженных производств — технологический уклад (ТУ)» [9], который охватывает замкнутый воспроизводственный цикл — от добычи ресурсов и подготовки кадров до потребления. Ядро нового технологического уклада формируют радикальные нововведения. Нововведения в разных секторах синхронизируются, т. к. они технологически взаимообусловлены. Радикальные изобретения и открытия в одной отрасли остаются нереализованными или не получают распространения, пока не появятся соответствующие новшества в других отраслях. Глазьев различает базисные (прорывные) и дополняющие нововведения. При этом автор указывает, что при отсутствии потребности в продукции нового уклада в начале это компенсируется гос. заказами, часто — военными. Замещение военного спроса гражданским происходит по мере становления нового технологического уклада [9, с. 7–10].

Весьма значимую роль для развития теории инноваций сыграли организации, занимающиеся менеджментом и экономикой сектора R&D (от англ. Research and Development — исследования и разработки), такие, как корпорация RAND (RAND Corporation), возникшая в 1946 г. по инициативе ВВС США. Экономисты и исследователи RAND издали в 1962 г. капитальную совместную монографию «The Rate and Direction of Inventive Activity» («Скорость и направление изобретательской деятельности»), в которой исследовались вопросы происхождения изобретений, распределения ресурсов для оптимальной генерации знаний, взаимосвязи науки и промышленного R&D. Но затем, первоначально возникнув в США, центр научной активности по исследованиям инновационного процесса довольно быстро переместился в Европу, где сейчас и находится большинство центров изучения инноваций. Первым и «модельным» для остальных стал открытый в 1965 г. К. Фрименом в Университете Сассекса Science Policy Research Unit (Отдел по исследованиям научной политики. «Он собрал под одной крышей экономистов, социологов, психологов и выходцев из сферы инжиниринга и технологий, разработавших первые специальные магистерские и докторские программы. Помимо преподавания и собственной научной работы центр начал активно привлекать сторонних

заказчиков. Специалисты SPRU исследовали факторы, влияющие на успех инноваций и их связь с рынком труда. Наиболее известна их коллективная монография 1988 г. «Technical Change and Economic Theory» («Техническое развитие и экономическая теория»). Кроме того, в 1972 г. Фримен основал самый уважаемый ныне журнал исследователей инноваций: «Research Policy» («Исследовательская Стратегия»). На рубеже 1980–90-х гг. возникли еще несколько журналов, а также конференции, которые устраивают «International Schumpeter Society» (ISS) («Международное общество Йозефа Шумпетера»), «Danish Research Unit for Industrial Dynamics» (DRUID) («Датский Отдел исследований промышленной динамики») и другие организации» [10].

На этом этапе исследование инноваций сконцентрировалось на поиске ответов на следующие вопросы: как стимулировать инновационную активность? Как поддержать инновацию на рынке? Как просчитать ее эффективность? Инновация видится глобальным конкурентным преимуществом, понимается как результат наукоемких научных исследований и разработок, обсуждаются вопросы менеджмента этой сферы. Инноватика укрепилась и институционально оформилась через тематические журналы, исследовательские центры и конференции.

С ростом роли государственного регулирования инновационной активности фирм в конце 1980-х стала развиваться теория национальных инновационных систем (НИС), в которой реализовался системный подход к инновационным процессам. Основоположниками теории формирования НИС считаются К. Фримен, Б.-А. Лундвалль и Р. Нельсон. Фримен предложил как сам термин «национальная инновационная система», так и ряд постулатов этой концепции в работе «Инновации в Японии» (1987). По Фримену, НИС — это «сеть частных и государственных институтов и организаций, деятельность и взаимодействие которых приводят к возникновению, импорту, модификации и распространению новых технологий» [11].

Сегодня НИС понимается преимущественно как «исторически сложившаяся подсистема национальной экономики, которая состоит из различных институтов и экономических структур, оказывающих влияние на темпы и направления технологических изменений в обществе» [12]. Оганесян Т., Розмирович С. и Медовников Д., делая обзор концепций НИС, отмечают, что «основы будущей концепции НИС были заложены в работах ряда исследователей еще в 1960-е и 1970-е, а ее непосредственным предтечей можно считать американца Мозеса Абрамовица, в 1986 году опубликовавшего в журнале *Journal of Economic History* («Журнал по истории экономики») статью «Догоняя, перегоняя и отставая», позднее ставшую классической. Именно в этой статье были рассмотрены важнейшие элементы экономико-технологического потенциала различных стран и факторы, влияющие на динамику его развития. В совокупности эти факторы, по Абрамовицу, определяют так называемую «социальную

способность» (social capability) государств, то есть их исходные возможности по наращиванию экономико-технологического потенциала, и среди ключевых факторов им были названы: национальная техническая компетенция (уровень образования); опыт в организации и управлении крупномасштабными производствами и проектами; наличие развитых финансовых институтов и рынков, способных мобилизовать приток капитала для таких крупномасштабных производственных проектов; уровень «честности» различных государственных и частных институтов и общественного доверия к ним; стабильность государственной власти и ее эффективность в определении правил игры и контроле за их соблюдением.

Другим основоположником концепции национальной инновационной системы является шведский ученый Б. О. Лундваль, написавший первую серьезную работу по вопросу НИС — книгу «Национальная система инноваций». Ученый, вводя понятие «национальная система инноваций», рассматривает его с двух разных позиций и дает два определения. В узком смысле национальная система инноваций может пониматься как такая система институтов и различных организаций, которые вовлечены в процесс поиска новых технологических идей и реализации и изобретений, например, различные НИИ, реализующие НИОКР, университеты, подразделения частных компаний и корпораций. Второе определение НИС Б. О. Лундвала более широко: «Национальная система инноваций — это все аспекты экономической структуры и институциональной системы, которые влияют на процесс поиска и исследования — производственные системы, система маркетинга, финансовая система, а также все подсистемы, которые функционируют в рамках перечисленных выше систем» [13]. С разработкой теории НИС инновации стали мыслиться системно, была подчеркнута роль взаимосвязи подсистем НИС (научная, производственная и др.), управляемый и проектный характер инноваций.

Практическим выражением и применением теоретических разработок инноватики в организации является инновационный менеджмент. Н. И. Лапин указывает, что на первом этапе было исследовано множество разрозненных факторов, способствующих или препятствующих успеху нововведений и накоплен огромный эмпирический материал, однако этот материал не удавалось систематизировать. На втором этапе, указывает автор, «основным предметом исследований стал инновационный процесс, включая спонтанную диффузию и целенаправленный перенос нововведений. На третьем этапе внимание исследователей было сосредоточено на анализе различных типов инновационных ситуаций, разработке методов возможно более ранней оценки риска, формировании рекомендаций правительственным органам относительно их политики в области нововведений. На четвертом этапе, продолжающемся и в настоящее время, ключевым звеном изучения становятся инновационные сети, максимально чуткие к быстрой динамике рынка, т. е. маркетингово-ориентированные, улавливающие потенциальные тенденции

спроса» [14]. Результаты этих исследований, а также практические наблюдения и выводы участников управления инновационными процессами на предприятиях и в организациях составляют основы инновационного менеджмента, понимаемого как «комплекс взаимосвязанных действий, нацеленных на достижение или поддержание необходимого уровня жизнеспособности и конкурентоспособности предприятия или компании, действующей в рыночных условиях, через достижение конкретных инновационных целей с помощью механизмов управления инновационными процессами, на основе рационального использования научных, трудовых, материальных и финансовых ресурсов» [15]. Оформлению инновационного менеджмента как особой области управления значительно способствовали труды Питера Друкера, одного из основоположников менеджмента как научной дисциплины, оказавшего серьезное влияние на развитие бизнеса. В его книге «Бизнес и инновации» были впервые систематизированы накопленные практические знания о предпринимательстве и инновационной деятельности и представлены в виде полноценной теории. Друкер также указал на социальную ценность инновационной деятельности, меняющей стиль мышления и стиль жизни многих людей. При этом подчеркивается роль интеллекта, изобретательности, нестандартности мышления участников инновационной деятельности [16]. Обобщая, инновационный менеджмент представляет собой управленческое измерение инноватики, т. е. те практические способы управления инновациями (инновационными процессами, инновационными системами и др.), которые были выработаны и закреплены. При этом эта область продолжает непрестанно развиваться, в соответствии с масштабированием и усложнением инновационной реальности. Развитие инновационного менеджмента демонстрирует развитие представлений об управляемости процессов изменений, что в целом соответствует установке на тотальную управляемость мира.

Таким образом, анализируя этапы развития инноватики как науки и практики на протяжении 20 века, можно констатировать, что она синтезирует различные направления целого ряда гуманитарных наук, таких, как философия, экономика, менеджмент, производство, инженерное проектирование, предпринимательство, системный анализ, кибернетика, информационные технологии, социология, культурология, теория глобализации. Такое изобилие источников при первичном беглом анализе дает ощущение «лоскутности», взаимной неувязанности этих «лоскутков», отсутствия единого понимания инноваций и инноватики в разных контекстах их употребления. Однако мы все же настаиваем на том, что инноватика сегодня — это больше, чем сумма политических трендов, больше, чем интеллектуальная мода, больше, чем идеологическая «нашлепка» и больше, чем популярный околонаучный мейнстрим. Более глубоко анализируя гносеологические истоки инноватики, мы обнаруживаем, что существует взаимосвязанность этих «лоскутков», как ге-

нетическая, проявляющаяся в логике их развития, так и содержательная, выражающая развитие теории по сопряженности к развитию практики.

Изначально инновация рассматривалась в феноменологическом ключе как некая данность, нечто свершившееся в социуме и культуре, новшество, внедрение, результаты которого можно осмыслять, анализировать и обсуждать. Ключевым вопросом было: *что есть новое и как оно взаимодействует со старым (традицией)?* При попадании инноваций в экономический контекст этот вопрос стал звучать более прагматично: *как и почему инновации способствуют борьбе с экономическими кризисами?* Далее, после уяснения прагматической ценности инноваций, возникают вопросы: *при каких условиях возникает новое? Кто способен производить его?* И далее уже более детально: *как стимулировать инновационную активность? Как поддержать распространение инновации? Как просчитать экономический эффект и риски? Какая нужна среда для «инноваторов» и как ее создавать?* и т. д.

Обобщая, при развитии инноватики мы наблюдаем стремление к постоянному *повышению степени управляемости* всеми элементами инновационного процесса, от его субъектов до среды, в которой он разворачивается; от благоприятного законодательства до институциональных сдвигов, способствующих более тесному взаимодействию власти, бизнеса и науки. Второе, что мы можем зафиксировать в осмыслении инновационных процессов — это *перемасштабирование* как самих инноваций, так и соответствующее перемасштабирование мыслимого субъекта управления. Так, элементарной инновации в организации (продуктовой, товарной) соответствует субъект масштаба отдельной профессиональной позиции или отдела; инновации в отрасли соответствует субъект масштаба отрасли; инновационной национальной системе соответствует страновой субъект управления. Третий момент, который прослеживается в осмыслении инноватики как самостоятельной области знания и практики — переход от понимания кризисов как генераторов инновационной активности (Менш и др.) к *идее необходимости непрерывных инноваций как способу поддержания конкурентоспособности*. Можно утверждать, что произошла смена мотивов инновационной активности. Инновация из средства превратилась в некую самоцель, обязательное условие игры, условие выживания на рынке, инновации стали восприниматься как «норма выживания». Отсюда смена векторов работы со временем: инновация больше не рождается из анализа экономических кризисов и «технологических патов» (термин Г. Менша),

но предвосхищается в рамках инновационных прогнозов, стратегий, программ и проектов. Ориентация на будущее связана также и с конкуренцией за новые стандарты, со стремлением возглавить, оседлать новый «технологический цикл», обеспечив тем самым конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Отныне инновации мыслятся как то, что формирует и определяет будущее.

Отметим также постепенную смену главного приписываемого инновациям смысла: произошел переход от идеи удовлетворения потребности человека к идее формирования потребностей. Инноватика изначально выросла из идей научно-технологического прогресса, экономического блага, удовлетворения потребностей общества. В условиях экономических циклов на фазе спада именно новые открытия и изобретения, доведенные до промышленных образцов, а затем до новых производств и рынков стали спасительным рецептом для подъема экономик. Однако постепенно произошла важная подмена основных целей и задач такого типа развития. Отслеживая определения инноваций, все чаще можно встретить упоминание не просто «удовлетворения потребностей», но их «формирования»: небольшое изменение в формулировке, за которым стоит значительная смена ориентиров инновационной деятельности. Этот процесс можно отследить на смене категорий инноватики, подмеченной рядом авторов, когда «новшество» (как нечто новое, чего не было раньше; в инновационной цепочке это новая идея или результаты исследований) постепенно заменилось «новацией» (новый продукт или услуга, в инновационной цепочке — образец), а потом «инновацией» (результат практического внедрения, освоенный или сформированный рынок).

Еще одна историческая смена смыслов, стоящих за инновациями, связана с возросшей наукоемкостью инноваций. Инновация перестала мыслиться только лишь как новый продукт или услуга (или технология, или логистическая схема), теперь она тесно связана с научно-исследовательскими изысканиями, производством нового знания.

Таким образом, можно утверждать, что сегодня существует несколько рядоположенных и равноправных пониманий инноваций, складывающихся в современную теорию инноваций, или инноватику. Во-первых, существуют способы осмысления инноваций на разных масштабах: внутриорганизационные, отраслевые, страновые, мировые. Во-вторых, соответственно диверсифицируются масштаб управления и управленческая парадигма, методология управления. В-третьих, актуальным современным содержанием инноватики является менеджмент и экономика сектора R&D, производство нового знания, проектность и ориентация на будущее.

Литература:

1. Фомина, А. В. Циклы Кондратьева в экономике России: Монография. — М.: Международный фонд Н. Д. Кондратьева, 2005. — с. 18.
2. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. — М.: Экономика, 2005. — 376 с.
3. Шумпетер, Й. Теория экономического развития (1912) — М.: Прогресс, 1982.

4. Гамидов, Г. С., Колосов В. Г., Османов Н. О. Основы инноватики и инновационной деятельности. — СПб.: Политехника, 2000. — 237 с.
5. Фомина, А. В. Циклы Кондратьева в экономике России: Монография. — М.: Международный фонд Н. Д. Кондратьева, 2005. — с. 16.
6. Лапин, Н. И. Теория и практика инноватики. Учеб. пособие. — М.: Университетская книга; Логос, 2008. — с. 15.
7. Санто, Б. Инновация как средство экономического развития. М., Прогресс, 1990 г. с. 234.
8. Санто, Б. Инновация как средство экономического развития. М., Прогресс, 1990 г. с. 234.
9. Глазьев, С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. — М.: Наука, 1992. — с. 5.
10. Стерлигов, И. Исследование инноваций: история нового направления. Открытая экономика, 10.06.2009. URL.: oprec.ru/630964.html
11. Стерлигов, И. Национальные технологические платформы. Европейский опыт // Acta naturae. Том 2. № 4 (7) 2010. с. 12–13
12. Оганесян, Т., Розмирович С., Медовников Д. Рождение национальной инновационной системы // Эксперт. № 36 (720), 2010. URL: http://expert.ru/expert/2010/36/rozhdenie_innovacionoi_sistemy/
13. Malizia, Emil E. and Edward J. Feser. Understanding Local Economic Development. New Brunswick, NJ: Center for Urban Policy Research, Rutgers University, 1999. p. 121.
14. Лапин, Н. И. Актуальные проблемы исследований нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах: Сб. трудов конференции. — М., 1980.
15. Мухамедьяров, А. М. Инновационный менеджмент: учеб. пособие. — М.: Инфра-М, 2008. — с. 176.
16. Друкер, П. Бизнес и инновации. М. Вильямс 2007, 432 с.

Результативность проекта тюрьмы и его роль в современном обществе

Измайлова Варвара Глебовна, магистрант
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Тюремное заключение преступного лица, признанного виновным судебной инстанцией, является новоевропейским изобретением в искусстве наказания за преступление. Средние века, связанные с широкой практикой казней и истязаний телесности, сменяются практиками принудительного заключения преступника. В данной статье рассматривается специфика тюремного аппарата, его результативность в перспективе тех функций и целей, которые он ставит перед собой в социальном целом. В ходе социально-философского анализа выясняется, что цели тюремного заключения во многом не совпадают ни с их процессуальной реализацией, ни с конечным результатом. Теоретические идеи, которые связаны с тезисом о воспроизводстве делинквентности посредством тюрьмы, находят свое эмпирическое подтверждение на примере американского города Фергюсона, социальные явления в котором анализируются через призму понятия «полицейское государство».

Ключевые слова: тюрьма, делинквентность, пенитенциарные практики, рецидивизм, справедливость, полицейское государство

Функция принудительного заточения, продолжительного изъятия из социума лица, совершившего преступление, отстранение его от общественной жизни, которую выполняет тюрьма, являет собой новый вид наказания. Тюрьма не является в полной мере отрицательной силой. Действительно, она отрицает свободу действия и перемещения, но она являет собой более сложный механизм, воздействующий не только на тело, но и на душу, на образ мысли, на мировоззрение. Тюрьма — это перевоспитывающая структура, в которой заключенный не является исключенным из общества, он является участником, над которым осуществляются различного рода практики, направленные на то, чтобы вытеснить из него все «по-

рочное», «преступное», «вредоносное» для общества. Тюрьма не исключает, она фиксирует, воспроизводит и применяет целый набор дисциплинирующих и воспитательных практик по отношению к своему субъекту. Делинквентность — это понятие не акта, а свойства личности, поведения человека. Тесно связанное с правом и юридической практикой, оно становится возможным благодаря внедрению в правоохранительные практики психологического понимания наклонностей и свойств человека. Это смещение акцентов дает нам уже не определение преступного действия, а понятие преступной личности, понятие подобное девиантному поведению, которое трактуется как отклоняющееся поведение в обществе. В случае

с девиантным поведением, имеются различного рода отклонения от принятых обычаев, социальных стереотипов, незакрепленных правом норм, норм морали и религии. В случае же с делинквентностью имеется в виду общественно опасное поведение, поскольку личность, которая обладает этим родом психологическими отклонениями, способна на преступное действие, на крайнюю форму нарушения формального порядка, установленного властью и формально обязательного для каждого члена того или иного государства как члена правовых отношений и обязанностей. Тюремному аппарату нужно знать, не только то, что совершил преступник, необходимо знать то, что есть в человеке от совершенного им преступления, как пишет французский мыслитель 20 века Мишель Фуко: «Введение «биографического» имеет важное значение в истории уголовно-правовой системы. Ведь оно устанавливает, что «преступник» существовал еще до преступления и даже вне его» [1, с. 338]. Именно здесь мы видим криминологический лабиринт, связанный со смешением уголовного и психиатрического дискурсов. Уголовно-исправительная система основывается на сложном выявлении биографии преступника, и даже более — инстинктов, импульсов, наклонностей, характера. Тюрьма как исправительное учреждение работает с делинквентом, который соединяет в себе два образа преступника: как существа морально неполноценного, чудовищного в своих поступках, но и одновременно юридического субъекта, который реабилитируется посредством наказания.

Описав того, на кого нацелена исправительная практика тюремного заключения, нужно понять, как она осуществляется, и какие результаты имеются по мере ее реализации. Необходимо отметить, что тюрьма, как исправительный и воспитательный институт терпит свое поражение. В первую очередь, устрашающий облик данного наказания и его существование не привели на протяжении нескольких веков к снижению преступности, к уменьшению численности преступников и преступлений. Что еще важнее, так это то, что «тюремное заключение порождает рецидивизм» [1, с. 354]. Тот, кто однажды стал заключенным, имеет большую вероятность вернуться в тюрьму, совершить преступление повторно. В этом смысле тюрьма не только воспроизводит делинквента как некий тип человека: некоторый образ человека, с отклоняющимся поведением, на которого нацелена исправительная практика. Но и в прямом смысле, она производит людей, которые обладают этими чертами. Кроме естественного состояния, в котором оказывается заключенный человек, мы имеем дело с тюрьмой, как максимальной концентрацией власти. Являя собой симуляцию положительного института, она сосредотачивает в себе право на насилие, которое в силу легитимности власти государства позволяет себе проявляться. Примером являются единичные случаи, которые складываются в системное единство — превышения полномочий среди охранников, тюремщиков, которые зачастую реализуют ту самую преступность внутри данного сообщества. Фридрих

Ницше аналогично писал о том, что узаконенная власть осуществляет захват тех практик насилия и жестокости, которые свойственны человеческому сообществу принципиально. Она забирает преступника из рук тех, кому непосредственно был нанесен вред (потерпевшее лицо и его близкие) и по отношению к которому он находится в долгу, перенимая на себя право реализовывать соответствующие практики согласно системе установленных норм [2, с. 79]. Ясно, что преступник, а впоследствии заключенный — делинквент, оказывается там, где его греховная аномальная противозаконная сущность находит подтверждение тому, что насилие действительно реально, что преступление действительно имеет место в обществе, что оно нормально, что оно воспроизводится там, где оно является установленным и приемлемым. Иначе, он оказывается в «своей» среде, в среде поддержания делинквентности, где борьба с делинквентом осуществляется теми же средствами, которыми преступник проложил себе дорогу в тюрьму. Справедливость — это продукт власти, которая берет на себя право судить, вводя третье лицо между оппозициями: «Справедливое наказание остается наказанием, известного рода страданием. В этом смысле наказание как кара вновь открывает дорогу для духа мести, вопреки тому факту, что оно проходит через опосредование, отсрочивается, просеивается через процедуру судебного процесса, но отнюдь не упраздняется, не отменяется» [3, с. 268]. И это абстрактное идеальное понятие на практике пропитано кровью и страданиями, которые не исчезают, а перераспределяются в социуме уполномоченными лицами.

Еще одним аспектом, является тот факт, что тюрьма является концентратом тех лиц, сплочение которых является незаконным в обществе. Организованная коллективная преступность существует и воспроизводится именно в тюрьме, где заключенные вступают в протяженную ежедневную коммуникацию. Это антиобщественный клуб, который образуется не на основании акта преступления, а на основании общих делинквентных антиобщественных свойств. Кроме того, статус делинквента, установленный уголовными и психиатрическими практиками для того, чтобы быть преобразованным тюрьмой, на деле лишь поддерживается, закрепляется за преступником и далее, после выхода из под заключения: «Они находятся под надзором полиции, им предписывают место жительства и запрещают проживание в определенных местах, они «выходят из тюрьмы с паспортом, который должны предъявлять повсюду и где фиксируется вынесенный им приговор» [1, с. 356]. Все это подтверждает то, что статус «преступник» становится социальной ролью, которая закрепляется за человеком и определяет область его возможных действий. Тем самым блокируя многие возможности, свойственные членам общественного целого. Все это усугубляет положение бывшего заключенного, подтверждает его отчужденность от общества, его антисоциальный характер, отсюда следует высокая возможность рецидива. Зачастую бывший заключенный стоит перед выбором — повторное преступление или смерть. Тюрьма

становится зачастую даже более привлекательной судьбой, недели нахождение в обществе, где отчуждение не только ощущается, но и постоянно воспроизводится материально. Здесь важно также сказать, как повышается вероятность рецидива и воспроизводство статуса делинквента при наличии у заключенного семьи, которая теряя, например, кормильца оказывается в состоянии потенциальной преступности. Тем самым в этом смысле возможна цепочка последующих преступлений.

И данные рассуждения — это не пустые теоретические построения, что подтверждают такие примеры реально происходящего беспредела власти как Фергюсон. Фергюсон является примером того, где полицейское государство максимально себя проявляет своей деятельностью активного наблюдения, контроля и производства делинквентности. Этот американский город не раз фигурировал в новостных источниках из-за беспорядков в плане систематического нарушения законов, повышенного уровня преступности, столкновения с полицейскими. Самые знаменитые — гибель Майкла Брауна в августе 2014 и беспорядки, связанные с данным событием вплоть до декабря 2014 [4]. Демографическая особенность города заключается в том, что его население больше чем наполовину составляют афроамериканцы. Их население росло в Фергюсоне с 60–70х годов, после борьбы за права чернокожих, которая, казалось, закончилась положительно. Иллюзорность достижения полного компромисса демонстрируется тем фактом, что с того же времени начинается ужесточение законов в отраслях административного и уголовного права, усиление полицейского аппарата, рост тюремной системы. На сегодняшний день Соединенные Штаты Америки являются страной с самым крупным количеством заключенных — на 2010 год статистические демографические данные приводят цифру в 2.400.000 человек (при том, что в 1975 году цифра была в 6 раз меньше — 380.000, а численность населения увеличилась на 30%) [5, с. 1]. Для понимания данного роста числа заключенных необходимо понять специфику американского общества заключенных: латино- и афроамериканцы являются 30% населения США, но в то же время, они составляют собой 60% от количества заключенных данной страны [6]. И здесь невозможно не задаться вопросом, неужели носители данных расовых, этнических, национальных и культурных особенностей сущностно имеют больше предикатов преступности? Обратимся снова к Фергюсону, данный город — это демонстратор того, как по сегодняшний день, с всеобщим постулированием прав человека и принятием их цивилизованными сообществами, осуществляется членение общества, дискриминация групп, насильственное подавление и контроль. Районы, в которых проживают афроамериканцы, подвержены наибольшему полицейскому наблюдению. Особенно, как подчеркивает социолог Лоик Вакан, гипер-контролю подвержены районы с бедными слоями населения [7, с. 81]. Своеобразные гетто превращаются в тюрьму — жизнь таких районов строится по ло-

гике тюрьмы. Ведь если подумать, чем является круглосуточный патруль, полицейские на улицах города, которые имеют полномочия задержания, проверки документов, допроса в любой момент, и право постучаться в дверь гражданина или ворваться в дом при наличии особых обстоятельств — как не современным паноптикумом? И в случаях с данными районами — превышение полномочий находит свое оправдание посредством ссылки на делинквентность как черту данного слоя населения, которое маркируется таким образом. Что более шокирующее, так это то, что на 21 тысячу человек жителей Фергюсона — приходится 16 тысяч ордеров на задержание. А осуществить его могут за что угодно. Можно попасть в тюрьму: «...если у тебя не стрижен газон, если у тебя слишком старая машина, если ты неправильно показал удостоверение, если ты громко слушаешь музыку, если ты идешь по дороге не подобающим образом» [8]. Зачастую, бедные слои населения попадают в зависимость подобную ростовщичеству — административные нарушения накапливаются друг за другом, что не позволяет человеку выйти из своего низкого социального положения. Расплатой в итоге оказывается тюремное заключение, которое длится до тех пор, пока делинквент не отработает штраф и затраты на свое содержание, что еще дает прибыль в городскую казну. Не сложно понять, что по выходу человек снова оказывается в тех же обстоятельствах безысходности. Гипертрофированный контроль создает условия, при которых преступность не исчезает, а постоянно поддерживается и даже усиливается.

В своей этнографии «On the Run: Fugitive Life in an American City» Элис Гофман описала один из подобных районов Филадельфии, в котором она провела более 6 лет. Постоянная угроза со стороны полиции создается через сверх-представленность полиции на улицах и чрезвычайно жесткие судебные практики. Практически все мужское население находится либо в тюрьме, либо под угрозой ареста, вследствие чего постоянно приходится скрываться, развивать искусство обнаружения, предугадывания и избегания встречи с «копами». В ситуации постоянной легальной прекарности нарушаются обычные социальные связи и сети, определенные услуги и институты становятся недоступны: ты не можешь сказать своим друзьям свое настоящее имя, потому что они могут под давлением сдать тебя «копам»; ты не можешь при необходимости воспользоваться больницей, так как в ней сидят «копы», которые могут задержать тебя; в случае если тебя ограбили, ты не можешь даже пойти в суд — потому что сам сядешь за решетку [9, с. 11–16]. Такое размытие реальных рамок между гражданской жизнью и тюрьмой приводит к тому, что не только афроамериканец на свободе понимается как преступник, но и то, что преступник становится афроамериканцем. Протесты в Фергюсоне связаны именно с обличением этого положения, вытекающего из связки расизма с неолиберальной логикой контроля и эксплуатации афроамериканского населения, гипертрофированной карцеральной системой и полицейским государством.

Все это демонстрирует провальный проект тюрьмы, от которой ожидают сегодня осуществления принципов, о которых мы уже упомянули. Но имеет смысл структурировать их следующим образом: принцип исправления, принцип классификации (в зависимости от тяжести преступления, возраста, наклонностей, методов, применяемых по отношению к преступнику), принцип модуляции наказаний (различие сроков наказания, возможность досрочного освобождения, уменьшения сроков заключения), принцип пенитенциарного воспитания (воспитание в интересах государства), принцип технического обеспечения заключения, принцип вспомогательных институтов (поддержка социализации после заключения). Как мы заметили, данные функции не осуществляются сообразно целям, которые перед ними стоят. Речь не идет о сегодняшнем этапе реализации тюремного аппарата, скорее это то, что ему присуще как элементу власти надзора и наказания. В этой связи стоит говорить не о том, что данная система наказания искореняет преступление из общественного целого, скорее, в духе социолога Эмиля Дюргема имеется реализация тотального контроля того явления, которое является неотъемлемым элементом общественной жизни — аномии: «Если разделение труда не производит в некоторых случаях соли-

дарности, то потому, что отношения органов не регламентированы, потому, что они находятся в состоянии аномии» [10, с. 337]. Преступление — это то, что власть в форме контроля и наказания стремится подчинить, сделать рациональной структурированной системой, которая не давала бы сбоя: « [Власть] стремится вписать нарушение закона в общую тактику подчинения ... Система наказания не просто «подавляет» противозаконности, она «дифференцирует» их, она обеспечивает их общую «экономю»» [1, с. 363]. Тюрьма максимально преуспела в этом искусстве, поскольку вместо изгнанного маргинала преступника, мы имеем его как патологическую форму поведения, которая централизованно контролируется. Не говоря уже о том, что без развития тотального полицейского надзора не смогла бы сформироваться делинквентность как замкнутая противозаконность. Следует говорить о своеобразном единстве полиция-тюрьма-делинквентность, некий самовоспроизводящийся и самоподдерживающийся круговорот: «Полицейский надзор поставляет тюрьме правонарушителей, тюрьма преобразует их в делинквентов, которые являются предметом и помощниками полицейского надзора, регулярно возвращающего некоторых из них в тюрьму» [1, с. 376].

Литература:

1. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 416 с.
2. Ницше, Ф. Генеалогия морали. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 224 с.
3. Рикёр, П. Справедливое. — М.: Гнозис, Логос, 2005. — 304 с.
4. Беспорядки в Фергюсоне. [Новостная справка на интернет-портале] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20150809/1166457989.html> (дата обращения: 15.01.2017).
5. Garland, D. The meaning of mass imprisonment // Garland D. Mass Imprisonment: Social Causes and Consequences was previously published as Special Issue of Punishment & Society: The International Journal of Penology, 2011. — P. 1–3.
6. Obama wirbt im Gefängnis für Strafrechtsreform (нем.) // Frankfurter Allgemeine. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/amerika/barack-obama-wirbt-im-gefaengnis-fuer-strafrechtsreform-13707291.html> (дата обращения: 15.01.2017).
7. Wacquant, L. Class, race & hyper incarceration in revanchist America // Dædalus, the Journal of the American Academy of Arts and Sciences, Summer 2010, Vol. 139, No. 3. — P. 74–90.
8. One year later: Ferguson is still pumping out arrest warrants // CNNMoney. URL: <http://money.cnn.com/2015/08/06/news/ferguson-arrest-warrants/index.html> (дата обращения: 15.01.2017)
9. Goffman, A. On the run: fugitive life in an American city (Fieldwork encounters and discoveries) — The University of Chicago Press, 2014. — 288 p.
10. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда // История социологии в памятниках. — М.: «Канон», 1996. — 432 с.

Философия как вид мировоззренческого знания

Канчурин Иштуган Рауфович, студент;
Халитова Азалия Мухаметовна, студент;
Ямгурсин Газинур Дамирович, студент
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Каждый из нас знает очень много: как развязать шнурок на кроссовке, решить уравнение с одним неизвестным, избежать неприятного разговора и т. д. Миллионами битов подобной информации заполнено наше сознание. Однако не все эти знания равнозначны. Многие из них мы храним в голове на всякий случай, как храним гвозди и болты в ящике для инструментов. Но есть знания, определяющие нашу жизнь, придающие направленность нашим действиям, лежащие в основе нашего понимания мира, позволяющие оценивать свои и чужие поступки. Эти особые знания называют мировоззренческими, а их совокупность — мировоззрением. Содержание мировоззрения образуют взгляды субъекта на мир, на свое место в нем, ставшие убеждениями субъекта и основой его действий [1; 2; 3]. В процессе эволюции человека и общества менялось и мировоззрение. В истории культуры можно выделить три, заметно отличающиеся друг от друга типа мировоззрения: мифологическое, религиозное, научное.

Мифологическое мировоззрение является продуктом ранних этапов существования общества. Его особенностью является чувственно-наглядное представление мира как сферы действия человека и человекоподобных существ. Антропоморфность — одна из отличительных черт мифологического мировоззрения. Миф задает нормы поведения человеку, не убеждая его в их целесообразности, рациональности. Здесь мысль еще не отделена от образа и эмоции, поэтому логическую аргументацию заменяет яркий, запоминающийся пример. В такой своеобразной форме мифы аккумулировали в себе опыт жизни людей. Знакомясь с ними, десятки поколений усваивали принятые в обществе нормы поведения, способствуя тем самым, его воспроизводству. В мифах ставились и решались важнейшие вопросы человеческого бытия: о происхождении мира и человека, ценности, смысле и правильной модели жизни, отношении к другим людям, народам и т. д. Эти вопросы поднимаются и решаются по-своему в каждую историческую эпоху. Миф — первая попытка их решения. С развитием общества мифологическое мировоззрение постепенно вытесняется религиозным и научным, не исчезая, однако, полностью.

Основу *религиозного мировоззрения* составляет вера в существование потустороннего мира, мира духовного бытия, рассматриваемого как истинный мир, высшее благо, к пониманию и достижению которого должна быть направлена земная жизнь человека. В. С. Соловьев писал: «Религия, говоря вообще и отвлеченно, есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего» [4, с. 5]. У. Джеймс так объясняет это

«безусловное начало»: «Видимый мир является лишь частью иного, духовного мира, в котором он черпает свой главный смысл. Истинной целью нашей жизни является гармония с этим высшим миром» [5, с. 378]. В религиозном мировоззрении действия и знания людей рассматриваются в качестве реализации божественной сущности. Для него характерно стремление к познанию первых и конечных причин, к абсолютному знанию. Освященность религиозных норм нередко делает их носителей нетерпимыми к другим формам мировосприятия [6; 7; 8]. Это присуще и некоторым философским учениям, критикующим религию. Только вместо сверхъестественных сил в этих учениях в качестве основы понимания мира рассматриваются те или иные абсолютные истины, полагается, что за каждым явлением стоит одна неизменная сущность, познание мира сводится к постижению его «первопричин».

Заметный интерес к *научному типу мировоззрения* намечился еще в эпоху Возрождения, но интенсивная сциентизация мировоззрения начинается в Новое время. Знаковой фигурой такого поворота является Ф. Бэкон. Особенности научного мировоззрения являются: стремление к объяснению вещей при помощи установления причинно-следственных связей, рациональность, логичность и теоретичность, стремление к объективности, однозначности языка, опора на факты [9; 10].

Несмотря на существенные различия, все три типа мировоззрения проникают друг в друга, в каждом из них в определенной мере содержатся элементы другого. Видимо, общее в них проявляется из-за того, что человеку всегда приходится решать одни и те же задачи, связанные с его существованием. Правда, меняются условия и средства решения этих вопросов, что отражается и в способах объяснения мира, но вопросы остаются. Они о том, что есть окружающий мир и человек, почему одни люди счастливы, а другие — нет, как правильно жить и как относиться к тем предписаниям, по которым нам рекомендуют жить, что есть благо, красота, смерть, истина и т. д. Указанные вопросы охватывают разные сферы человеческого бытия, и ответы на них образуют различные виды мировоззренческого знания. К ним относятся научные и религиозные принципы, политико-правовые взгляды людей, их эстетические и нравственные ценности и идеалы, философские убеждения. Последние занимают особое место в мировоззрении, что вызвано их спецификой. Н. В. Мотрошилова видит эту особенность в том, что «главнейшей функцией философии <...> является рождение и обогащение поистине бессмертной сокровищницы всеобщезначимых идей» [11, с. 8]. Э. Гуссерль называл философию наукой

об истинных началах, истоках, корнях всего, чем интересуется человек. Если человек концентрируется на решении подобных вопросов, считая их самыми значимыми, то он становится носителем философского мировоззрения. Встречается мнение, считающее этот тип мировоззрения высшей формой его развития, что вряд ли оправдано и восходит к идущей от Аристотеля традиции оценки философии как главной науки — «царицы» наук. Можно предположить, что если о мировоззрении писали бы художники, то высшей формой мировоззрения они объявили бы художественное (поэтическое, эстетическое) мировоззрение, отличительными особенностями которого является метафоричность, чувственность, эмоциональность. Последние два типа мировоззрения не считаются историческими, основными, поскольку не занимали и не занимают в обществе господствующее место. Тем не менее, философские убеждения по причине их универсализма присутствуют в любом типе мировоззрения.

Таким образом, делом философии является поиск универсальных ценностей нашего бытия. По-разному представляя себе эти ценности, все философы считают своим делом уяснение их природы. Решая такую задачу, философия выступает обобщением всей духовной культуры, трансформируя ее содержание в знания об основных ценностях бытия человека. Поэтому философию можно опре-

делить как *совокупность учений об общезначимых, универсальных ценностях человеческого существования*. Поскольку круг этих ценностей определяется конкретными людьми, то единства мнений по их поводу нет. Одни считают такими ценностями обобщенные научные знания о мире, другие — постижение сущности человека, третьи — познание Бога и путей к нему. Так, И. Кант считал, что делом философии является поиск ответов на следующие вопросы: ««Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?». Эти вопросы указывают на антропологизацию картины мира Кантом [12]. А Энгельс считал основным вопросом философии решение проблемы определяющего начала в мире, полагая, что число этих начал можно свести к двум: материи и духу. Таким образом, содержание мировоззрения группируется вокруг того или иного решения основного вопроса философии.

Предметной стороной мировоззрения выступает картина мира. Нередко этот вид знания отождествляют с онтологией. Вслед за Р.Ю. Рахматуллиным, мы полагаем, что онтология есть рефлексия над картиной мира. К примеру, если человек руководствуется религиозным мировоззрением, то и онтология у него религиозная, а если он придерживается научного мировоззрения, то его онтология строится на научном фундаменте [13; 14].

Литература:

1. Рахматуллин, Р.Ю. Картина мира и мировоззрение // Молодой ученый. 2015. № 14. с. 632–635.
2. Рахматуллин, Р.Ю., Хамзина Д.З. Соотношение понятий «мировоззрение», «картина мира», «онтология» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–2. с. 156–159.
3. Рахматуллин, Р.Ю. Картина мира или онтология? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). с. 167–169.
4. Соловьев, В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2.
5. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта. М.:, 1993.
6. Rakhmatullin, R., Semenova E. Thomism of the unity of the religious and scientific knowledge // Nauka i studia. 2015. Т. 10. с. 288–291.
7. Рахматуллин, Р.Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1. с. 64–74.
8. Rakhmatullin, R. Yu. The religious view of the world as a form of knowledge // News of Science and Education. 2016. Т. 10. с. 261–266.
9. Михайлова, М.Г., Семенова Э.Р. Научная картина мира в системе знания // NovaInfo. Ru. 2016. Т. 1. № 52. с. 169–172.
10. Семенова, Э.Р. Эмпирическое и теоретическое в научном познании // Вестник научных конференций. 2015. № 2–4 (2). с. 135–136.
11. Мотрошилова, Н.В. Рождение и развитие философских идей. М.: Политиздат, 1991.
12. Рахматуллин, Р.Ю. Антропологическое измерение научной картины мира // Молодой ученый. 2016. № 19 (123). с. 629–631.
13. Rakhmatullin, R. The picture of the world or ontology? // Уральский научный вестник. 2016. Т. 7. № 2. с. 55–60.
14. Semenova, E. R., Khabibullin R. M. Islamic ontology // Nauka i studia. 2016. Т. 10. с. 191–196.
15. Аюпова, А.И., Хабибуллин Р.М. Специфика религиозного мировоззрения // Приднепровский научный вестник. 2016. Т. 10. с. 3–8.

Сущность отрицания в философском и лингвистическом аспектах

Коваленко Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент;

Баранский Андрей Владимирович, курсант

Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Настоящая статья посвящена рассмотрению категории отрицания с позиций философии логики и лингвистики. Актуализация способов передачи отрицания через местоимения позволяет выявить прагматические смыслы отрицательно-оценочного характера.

Ключевые слова: отрицание, отрицательные местоимения, утверждение, категория, оценка, отрицательность

С античных времен суждение представлялось как основная форма мысли, в которой что-то либо утверждается, либо отрицается. Отрицание является одним из центральных, ключевых понятий, которое используется в различных областях человеческого знания: философии, формальной и математической логике, лингвистике.

В философии отрицание — это «необходимый момент развития, условие качественного изменения вещей». Отрицание демонстрирует связь нового образа со старым [12, с. 349].

В логике отрицание противопоставляется утверждению и является одним из свойств суждения. В суждении у предметов и явлений наличие какого-либо признака может либо отрицаться, либо утверждаться. Данный факт представляет возможным отнести высказывание к утвердительному или отрицательному виду [5, с. 4].

Именно вопрос об отрицании в языке представляет наибольший интерес для нашего исследования. На современном этапе развития человеческого знания вряд ли стоит опровергать связь логических и языковых категорий. Отрицание является той категорией, где диалектическое единство мышления и языка проявляется наиболее очевидно. Категория отрицания имеется во всех языках, ее истоки уходят в глубокую древность. В древнейших письменных памятниках языков различных семей категории субъекта и объекта, отрицания и утверждения выступают уже как законченные, имеющие форму и содержание [10, с. 136].

Следует предположить, что отрицание как языковое явление возникает после утверждения. Отрицание в языке (его существование и средства выражения) предполагает довольно высокий уровень абстрагирующей работы мышления. Легче сказать о том, что есть, что можно увидеть своими глазами; труднее — о том, чего нет перед глазами или вообще не существует.

Следовательно, утверждение в языке есть констатация наличия предмета, признака, явления, выраженная языковыми средствами. Отрицание в языке, в свою очередь, следует определить, как констатацию отсутствия предмета, признака, явления, выраженную разнообразными языковыми средствами (словообразовательными, лексическими, фразеологическими, синтаксическими) [1, с. 10–15].

Однако сопоставление по смыслу языкового отрицания и формально-логического иногда приводит к некоторым затруднениям. Отрицательные формы в языке иногда не подразумевают логическое отрицание. Так, например лексема *blameless* имеет положительное значение «innocent» и наоборот, прилагательное *everlasting*, не имеющее формальных признаков отрицательности, трактуется как «in-ending» (*endless*) и несет отрицательное значение [8; 2, с. 77].

Кроме того, отрицательные грамматические формы в предложении способны передавать положительное значение. Так, например, негативная форма используется в формальном регистре речи для выражения сомнения или неопределенности. Например: *I wouldn't be surprised if they leave our town forever (I believe they will leave our town forever)* [9, с. 61].

Таким образом, из вышеупомянутых примеров следует сделать вывод о функциональном сдвиге, при котором формально-отрицательные высказывания имеют утвердительное значение и наоборот, утвердительные высказывания при отсутствии отрицательных средств несут негативное значение.

По мнению И.П. Ивановой и Г.Г. Почепцова, отрицание следует рассматривать только на уровне предложения, поскольку «важным является наличие отрицания предикативной связи между подлежащим и сказуемым, если таковое имеется, предложение можно считать отрицательным» [3, с. 181].

Однако в силу специфики комбинаторики отрицание в английском языке может включаться в структуру сказуемого или присоединяться к любому, способному его принять члену предложения. На этом основании в английском языке разграничивают средства выражения отрицательности по их принадлежности уровням языковой системы.

На уровне морфологии — это структуры *Vaux/link/mod + no/not*.

There is no use crying over the spilt milk. It will not happen again.

На уровне синтаксиса — это парные союзные группы типа: *neither...nor*.

I always felt I was neither fish, fowl, nor good red her-
ring [13].

На уровне лексики — широкое употребление отрицательных местоимений *nothing, nobody, no one, none* и т. д. *Without you art you are nothing.* [4, с. 63].

Следует отметить, лексикографическое закрепление новых, переносных значений у вышеупомянутых местоимений, основанных на базовом значении отрицания бытия предмета, его несуществования даже в самом малом количестве. В процессе коммуникации происходит взаимодействие языковых уровней. Так, у отрицательных местоименных слов появляется оценочное значение, которое отражается в процессе взаимодействия семантических, грамматических и прагматических функций слов [7, с. 7].

Лексико-грамматический класс местоимений по своему характеру является классом субститутов, то есть слов, заменяющих существительные прилагательные, слова категории состояния или оценки. Местоимения не имеют объект или признак, а лишь указывают на него.

Абстрактно-обобщенное значение местоимений, образованных от «some», «any», «no» передают значения в диапазоне «все — ничего / все — никто» [11].

Все — все, что угодно — что-то что-нибудь — ничто

Everything — anything — something — something — nothing

Нормативно «nothing» «nobody» маркируют отсутствие чего/кого-либо:

— *Nothing* has remained familiar in the house.

— I have *nothing* else to add.

— *Nobody* moved.

В подобных случаях отрицательные местоимения могут быть заменены неопределенными при помощи переноса отрицания в предикат или путем перефразирования в утвердительные предложения.

— Everything has changed in the house.

— I don't have anything particular to add.

— Everyone stayed in their places.

При этом смысл предложения принципиально не изменится. Вместе с тем отмечается, что в определенных контекстах отрицательные местоимения могут приобретать оценочное значение [4, с. 80].

В процессе оценивания как в мыслительном акте получает развитие особая функция указательности — социально-ролевая и контекстная. Основная функция отрицательных местоименных слов заключается в обозначении отсутствия предмета, признака или качества и т. д., взаимодействует с оценочной: отсутствие объекта (как пред-

мета потребности субъекта) с точки зрения социального стандарта воспринимается негативно либо прогнозирует позитивную оценку. Считается, что оценочное значение «наслаивается» на основное грамматическое значение отрицательного местоимения, делая его более экспрессивным и выразительным. Данное значение является дополнительным, коннотативным, осложняющим структуру негативных высказываний, в которых отрицательные местоименные слова имеют отрицательное значение [7, с. 7].

Например:

«You must take a choice, Danina...You cannot have a man, or men, and be a truly great prima. And no man is worth your career... no man is worth the ballet. In the end, they will always disappoint you...you have come back to me with nothing. You are a shell, a *nobody*, a little dancer in the corps de ballet. You are no longer a prima». It was the cruelest blow of all and almost broke Danina's heart to hear it [14].

В вышеупомянутом текстовом фрагменте отрицательное местоимение «nobody», являясь функциональным заменителем, способно выражать отрицательное оценочное значение компонентами своей семантической структуры. Согласно дефиниции словаря Ф. Коллинза местоимение «nobody», употребленное в контексте с неопределенным артиклем «a», трактуется как «a person is not at all important», что подтверждается наличием отрицательного синонима «nonentity». На отрицательно-оценочное значение указывает и словарная помета «disapproval».

Таким образом, отрицание в языке можно представить как один из членов оппозиции утверждение — отрицание, где исходным, немаркированным членом является утверждение, а маркированным — отрицание. Отрицание — как явление, противоположное утверждению, — также относится к универсальным понятийным категориям. Лингвистическое отрицание относится к тем языковым категориям, которые наиболее полно соответствуют логическим категориям. Одной из важнейших форм лексического выражения отрицания являются отрицательные местоимения. Помимо функции замещения, в которой отрицательные местоимения употребляются в качестве субститутов знаменательных слов, данный класс местоимений может употребляться в оценочной функции. Оценочное значение отрицательных местоимений наслаивается на грамматическое значение данного разряда местоименных слов. Иными словами, отрицание является важной составляющей языка, его органической частью.

Литература:

1. Бахарев, А.И. Отрицание в логике и грамматике. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. — 77 с.
2. Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. — Москва: Наука, 1983. — 212 с.
3. Иванова, И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. — Москва: Высшая школа, 1981. — 285 с.
4. Коваленко, Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки (на материале английского языка): дис...канд. фил. наук:10.02.04. — Барнаул: БГПУ, 2006. — 189 с.
5. Медведева, Л.В. Отрицание в английском языке в 14–17 вв.: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — Москва: МПГУ, 1992. — 17 с.

6. Падучева, Е. В. Отрицательные слова// Русский язык. Энциклопедия. — Москва, 1979. — 186 с.
7. Пачина, Н. Н. Развитие оценочных значений в отрицательных местоименных словах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Москва: МПГУ, 1998. — 22 с.
8. Падучева, Е. В. Отрицательные слова// Русский язык. Энциклопедия. — Москва, 1979. — 186 с.
9. Петрова, Е. С. Сложное предложение в английском языке: варианты формы, значения и употребления. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001. — 136 с.
10. Рифтин, А. П. Категория видимого и невидимого мира в языке. — Ученые записки ЛГУ. Сер. Филологические науки. — Ленинград, 1946 — № 69. — с. 136–139.
11. Сергиенко, Н. В. Функциональная семантика неопределенных местоимений, производных от some, any, every, no в сочетаниях с адьюнктом: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Барнаул, 2003. — 18 с.
12. Философский энциклопедический словарь. — Москва: Советская энциклопедия, 1983. — 836 с.
13. Pilcher, R. Coming Home — New-York: St. Martin's Paperbacks, 1996. — 978p.
14. Steel, D. Granny Dan. — New-York: A Dell Book, 2000. — 260 p.

Этические проблемы науки

Кузнецов Евгений Вадимович, магистрант

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Термин «этика» с греческого переводится как характер, нрав, обычай. Этика как философская наука изучает нравственность. [5, с. 700]

Этика учёного является узким понятие, относительно этики науки, т. к. она охватывает регулятивистские аспекты морали в науке, то, на что ссылаются ученые.

Основные направления этики науки:

— внешняя этика науки — это изучение этических проблем, зарождаемых взаимодействием общества и науки;

— внутренняя этика науки — особый раздел этики науки представляет проблемы, относящиеся к взаимодействиям в пределах научного сообщества.

В прошлом веке можно было считать, что этические проблемы науки затрагивают лишь отдельные отрасли, возникают только в индивидуальном порядке. Но в современном мире данная концепция безнадежно устарела. В 21 веке каждый может убедиться в том, что благодаря научно-техническому прогрессу появляются все новые проблемы, связанные с этикой. Поэтому дискуссии о них ведутся постоянно.

Однако методология каждой отрасли имеет свои особенности. В одних областях науки эти проблемы значимей, чем в других, повседневной жизни человека. Но как и каждая, по изучению, отдельная наука, является самостоятельной областью знания, безусловно, есть смысл анализировать этические проблемы, которые затрагивают всю науку в целом.

Развитие технической культуры стало критичным на границах роста цивилизации во второй половине 20 века из-за кризисов и проблем во всём мире. Среди тех проблем, вызванных техногенной цивилизацией, можно выделить три главные, поставившие под угрозу безопасность человечества:

— *Проблема выживания в следствии постоянного совершенствования оружия массового поражения.*

С развитием ядерного оружия появилась проблема возможного самоуничтожения, это негативная сторона научно-технического прогресса, открывшего возможности для военной техники.

— *Проблема кризиса экологии.*

Постоянно возрастающее число автомобилей, вырубка лесов, загрязнение водоёмов наносят отпечаток на биосферу и в современное время масштабы таковы, что биосфера начинает разрушаться как целостная экосистема. Возможная экологическая катастрофа требует от человечества принципиально новых идей для сохранения природы и здоровья людей. Необходимо отходить от потребительства и возвращаться к более скромному образу жизни даже в тех странах, где живут богато.

— *Проблема сохранения личности человека.*

Данную проблему обозначают как проблему выхода из современного антропологического кризиса. Совершенствуя мир, человек все чаще уже не контролирует силы и это не свойственного его природе. Последнее десятилетие отмечено чрезвычайно быстрым развитием нейробиологии, кроющее под собой антигуманное использование не в целях изменения психических расстройств, а в качестве средства контроля за человеком. Бурное развитие химии и медицины не до конца догадываются о последствиях и побочных эффектах. Научные исследования, на сегодняшний день, во всех, без исключения, крупных масштабах следуют в исследование наиболее различных методов влияния на человека и способностей самого человека. В особенности, свойственным формулированием и того и другого считаются множественные исследования, в которых индивид фигурирует в качестве подопытного. Любое, такого рода, исследование вызвано увеличением знания о свойствах этого, либо

другого вещества, устройства, способа влияния на человека. Потребность его выполнения при этом бывает обусловлена потребностями формирования какого-либо конкретного раздела биологии или медицины или другой области знания. В случае если попробовать представить себе интегральную совокупность таких экспериментов, то окажется, что она дает нам некоторое познание о человеке. Можно констатировать: чем преимущественно наука претендует на то, что она служит заинтересованностям и благу человека, тем наиболее существенную значимость в ней обязаны играть исследования с участием человека. Однако содействие в подобных опытах постоянно связано с огромным, либо наименьшим риском для испытуемых. Подобным способом, настает ситуация инцидента заинтересованностей — с одной стороны, экспериментатор, устремляющийся к получению новейшего познания; с другой стороны, испытуемый. Для которого на первом месте — терапевтический результат, к примеру, лечение недуга, ради чего, непосредственно, он и дает согласие быть подопытным.

Таковы сложные и острые проблемы, стоящие перед этикой науки как формирующейся исследовательской областью. Мы видели, что они тесно связаны как с развитием самой науки, так и с ее взаимодействием с обществом. Та или иная трактовка науки в значительной степени определяет и характер постановки этических вопросов науки, и способы их изучения. Стержневой для этики науки, на наш взгляд, является проблема социальной ответственности ученого, оснований и механизмов этой ответственности. Мы пытались показать, что она ни в коей мере не

навязывается науке извне, и имеет свои основания в природе научной деятельности. Сама по себе социальная ответственность ученых — условие хотя и необходимое, но отнюдь не достаточное для того, чтобы полностью исключить возможности злоупотребления достижениями науки. Эта проблема может быть решена лишь всем ходом прогрессивного социального развития. Было бы в высшей степени неразумно преувеличивать возможности науки и ученых в гуманизации прогресса науки и техники. [4] Но еще более неразумным и, по сути дела, безответственным будет и игнорирование активной социально — этической гуманистической позиции научной общественности. Впереди — новые проблемы и новые дискуссии в этой новой, развивающейся сфере исследований, какой, несомненно, является этика науки. В ее орбиту во все большей степени будут втягиваться не только те конкретные науки, о которых шла речь выше, но и социально-психологические, общественные и поведенческие науки, педагогика и науки о культуре и человеке как личности, путях ее формирования и развития. Ведь этика науки как относительно самостоятельная социально-философская дисциплина может иметь перспективу только на основе исследования конкретных ситуаций, которые возникают во всем комплексе наук, рассмотрения их в тесной связи с развитием человеческой культуры в целом. А это значит, что будет не только возрастать комплекс новых проблем, но и увеличиваться трудности их научного разрешения. Наверное, это хорошая перспектива для философов: есть над чем напряженно работать и горячо, заинтересованно спорить.

Литература:

1. Поносов, Ф.Н. Современные философские проблемы техники и технических наук. — Ижевск.: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2013. — 262 с.
2. Лем, С. Этика технологии и технология этики. Модель культуры. — Пермь, 1993.
3. Этика и ответственность науки // Человек. — 2000. — № 5.
4. Фролов, И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. — М.: Политиздат, 1986. — 399 с.
5. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — М., 2001. — 720 с.

Особенности религиозной философии

Мухаметзянова Алина Данисовна, студент;
 Мухамедьянова Тансулпан Камиловна, студент;
 Саттаров Роберт Римович; студент
 Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Одно из важных мест в культуре любого общества занимает по религия, вера в некую силу, существующую в мире, в котором живет человек, и определяющую все то, что есть и происходит в жизни и деятельности человека. На всем протяжении истории человеческого общества религии не только укрепили эту веру людей в высшие силы, но и создали уникальные и разнообразные системы

верований, ценностей, священных текстов, культов, обрядов, традиций. Представляя собой совокупность представлений о существовании наряду с действительным миром мира особого, духовного, религия с момента своего зарождения, обеспечивает «привитие» человеку религиозного мировоззрения, мироощущения, миропонимания и мировосприятия, в основе которого лежит вера в су-

ществование непознаваемого, сверхъестественного мира. Нельзя не видеть, что религия и общество тесным образом связаны и по уровню развития религиозных представлений можно судить о степени развития общественных отношений. В процессе исторического развития человеческой культуры возникли народностно-национальные и мировые религии, которые привнесли существенные перемены в различные стороны жизнедеятельности людей, вступив в сложные взаимодействия с моралью, правом, политикой, государством, искусством. В современном обществе появляются так называемые нетрадиционные религии, которые зачастую используют для самоутверждения данные науки и философии.

Философия религии изучает наиболее общие закономерности формирования и эволюции этого феномена, его влияние на мировоззрение человека, способы объяснения объективной и субъективной реальности и другие важные для философии в целом вопросы [1; 2]. Онтология религии весьма проста: объективный мир представляет собой результат творения Бога, поэтому мир дуален: с одной стороны он представляет собой материальную действительность, в которую погружен человек. С другой — он представляет собой сакральную реальность, в которой главное место занимает Бог [3]. Одной из важнейших задач религиозной онтологии является раскрытие сущности Бога, который предстает то в виде особой личности (христианство), то в виде всей единой реальности (пантеизм), то в виде некоей сотворившей мир силы, которая теперь в ход развития сотворенного не вмешивается (деизм). В некоторых религиях Бог объявляется такой реальностью, которую человеческий разум не способен постичь (ислам) [4]. В многих религиях имеет место антропологизация Бога, когда он наделяется чертами человека [5; 6].

Важной частью религиозной философии является философская антропология, где, в первую очередь, рассматривается вопрос о происхождении человека. В этом вопросе все религии единодушны: человек, как и мир в целом, есть продукт творения Творца [7; 8]. На наш взгляд, в наиболее концентрированном виде суть религиозной антропологии выражена в суфизме, как составной части ислама. В суфизме человек, мир и Бог рассматриваются в органическом единстве, но отправной точкой объяснения всех мировоззренческих проблем объявляется человек.

Упрощенная суфийская модель человека, включает в себя три компонента: телесный, социальный и духовный. Телесное в человеке — это, прежде всего, присутствие природного в нем. Например, человек, весящий 70 кг, с точки зрения физики представляет собой 70 кг элементарных частиц, подчиняющихся законам физики. С точки зрения биологии тот же человек органической материи, функционирующей по физиологическим законам. И ничего более. Поэтому сущность человека не может быть сведена к природному началу в нем.

Социальное начало, в отличие от телесного, есть продукт общества, его присутствие в человеке. Оно фор-

мируется под влиянием отношений, в которые вступает человек с другими людьми. Сознание, как продукт общества, есть «представительство» бессистемного множества «личин», каждая из которых формировалась в результате приспособления человека к определенной социальной ситуации, и образующих в совокупности его личность. Поэтому обычный человек не есть нечто единое. Иллюзия единства или целостности создается у человека в первую очередь ощущением одного физического тела, его именем, которое в нормальных случаях всегда остается тем же самым, а в-третьих, множеством механических навыков, внушенных ему воспитанием или приобретенных путем имитации. Обладая все теми же телесными ощущениями, слыша все то же имя и замечая за собой те же навыки и склонности, что и раньше, он верит, будто всегда был тем же самым. По этой причине социальное начало также не составляет сущность человека.

Третьим и самым важным компонентом человека является духовное начало, представляющее собой единство духа и «духовного сердца». Дух, обозначенный в суфизме как «рух», есть то, что берет начало в Боге и является, по сути, присутствием Бога в человеке. Это и есть сущность человека, которая единокровна с Богом [9; 10].

Религиозная гносеология в ее развитом виде рассматривает познание объективного мира как богопознание. Поскольку сущность мира является Бог, то познавая мир, мы познаем Бога. Для неверующего ученого кажется, что он познает, к примеру, мир элементарных частиц, в котором нет места Богу. Но он не догадывается, что этот мир есть богопроявление. Существует и другой вариант религиозной гносеологии, когда познание Бога осуществляется через познание себя, самопознание. В этом случае исходят из тезиса, что в человеке есть некий компонент, который в наиболее полном виде представляет Бога — это душа. Поэтому познавая свою сущность, которая и есть наша душа, мы познаем Бога. Такой вариант гносеологии в наиболее ясном виде представлен в суфизме [11; 12].

Социальная религиозная философия в большей мере проявляется через философию истории. Она построена на принципе телеологизма: целью развития общества является построение «града Божьего на Земле». Законы общественной жизни определяются изначально заданными Богом человеку нормами Священного Писания. И право, и мораль, и политическая система не являются историческими, не представляют собой продукт деятельности определенных личностей. Эти нормы продиктованы самим Богом, поэтому их нельзя изменять. Например, в современных мусульманских государствах все правовые нормы, которые предлагаются законодательными органами или отдельными правоведами, проверяются на соответствие с принципами Корана [13]. Таким же образом построена и экономическая система этих государств. Например, в Коране содержится запрет давать деньги в долг под проценты. Для соблюдения этой нормы был изобретен исламский банкинг.

По своей сути религиозная социальная философия ориентирована на нормы традиционализма. И этот традиционализм основан на соблюдении незыблемых религиозных норм и предписаний, содержащихся в священных текстах. Правда это вовсе не означает, что религиозных обществах не признаются новшества или либеральные ценности. Они допускаются в том случае, если это не затрагивает религиозные основы существования государства [14].

Неоднозначна оценка религией роли науки как социального института. Однако успехи науки показывают, что она является важнейшим феноменом общественной и личной жизни человека. Поэтому в современной религии делаются попытки сближения научной и религиозной картин мира на основе принципов дополнительности и двойственности истины [15; 16].

Литература:

1. Рахматуллин, Р.Ю., Семенова Э.Р. Религиозная философия: сущность и основные проблемы // Приднепровский научный вестник. 2016. Т. 10. с. 138–142.
2. Rakhmatullin, R. Yu. The religious view of the world as a form of knowledge // News of Science and Education. 2016. Т. 10. с. 261–266.
3. Пивоваров, Д. В. Онтология религии. Спб.: Владимир Даль, 2009. 504 с.
4. Semenova, E. R., Khabibullin R. M. Islamic ontology // Nauka i studia. 2016. Т. 10. с. 191–196.
5. Рахматуллин, Р.Ю. Отражение личности Иисуса Христа в зеркале истории // Вестник ВЭГУ. 2011. № 2. с. 98–104.
6. Рахматуллин, Р.Ю., Курило С. Н. Иисус Христос: бог или человек? // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2008. № 2. с. 19–23.
7. Рахматуллин, Р.Ю. Кораническая антропология // Молодой ученый. 2014. № 10 (69). с. 561–563.
8. Rakhmatullin, R., Semenova E. Thomism of the unity of the religious and scientific knowledge // Nauka i studia. 2015. Т. 10. с. 288–291.
9. Рахматуллин, Р.Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1. с. 64–74.
10. Рахматуллин, Р.Ю. Модель человека в суфизме // Вестник ВЭГУ. 2014. № 3 (71). с. 120–129.
11. Рахматуллин, Р.Ю. Al-Ghazali's gnoseology // Вестник ВЭГУ. 2015. № 5 (79). с. 147–156.
12. Rakhmatullin, R. Yu., Semenova E. R. Features of the philosophical and religious knowledge // Nauka i studia. 2016. Т. 10. с. 227–233.
13. Рахматуллин, Р.Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. с. 43–47.
14. Рахматуллин, Р.Ю., Семенова Э. Р. Традиционализм и либерализм в свете философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52). с. 41–44.
15. Рахматуллин, Р.Ю. Религия и наука: проблема взаимоотношения (на примере ислама) // Молодой ученый. 2014. № 4. с. 793–795.
16. Rakhmatullin, R. Yu. The scientific and religious knowledge // News of Science and Education. 2016. Т. 8. № 1. с. 298–303.

Онтология как вид философского знания

Шуаров Ильнур Разилович, студент;
 Кагарманов Ильдар Салаватович, студент;
 Атнабаев Дмитрий Витальевич, студент
 Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Одним из философских вопросов, который задает человек, является вопрос о сути окружающего его мира. Первое, что бросается в глаза при попытке ответа на него, это присутствие, существование, бытие объективной реальности. Онтология, как часть философии, и занимается объяснением бытия. Термин «бытие» в философии имеет различные толкования. Прежде всего, нет единства в решении вопроса, что есть бытие: сам существующий мир

или свойство, атрибут этого мира. Говоря языком логики, бытие есть субъект или предикат? Если под бытием понимать сам мир, то онтология есть учение о субстанции — основы, на котором все стоит. Такое понимание бытия восходит к Платону. В религиозной философии место этих идей занимает Бог, а в материализме — природа, материя, понимаемые как истинное бытие. Эта тенденция в объяснении бытия была доведена до совершенства в новейшее

пейской философии с ее дихотомическим делением мира на субъект и объект, где главенствующее место занимает объект (природа, Универсум, Абсолют), а субъект (человек), будучи производным от объекта, подчиняется его законам [1, с. 179–240]. Другая тенденция в понимании бытия связана с именем В. С. Соловьева, который предлагал рассматривать бытие как предикат. Здесь термин «бытие» несет ту же смысловую нагрузку, что и термин «существование». Именно такой смысл явно или неявно придают бытию, когда говорят о его формах или уровнях, таких как: бытие вещей и процессов неживой природы, бытие живых неодухотворенных тел, бытие конкретных людей, социальное бытие, бытие идеального.

В европейской философии поворот к другому — «функциональному» — пониманию бытия был осуществлен Хайдеггером, который сместил акцент в дихотомии «объект-субъект» на субъект. Идейными источниками так называемой фундаментальной онтологии Хайдеггера являются буддийская онтология, трансцендентальная и экзистенциальная философия [2]. Смещение акцента с объекта на субъект с другой стороны осуществил Кьеркегор. Он считал, что главным философским вопросом является вопрос о бытии *человека*, понимаемое им, прежде всего, как мир его чувств. Все это было синтезировано в онтологии Хайдеггера, где нет противопоставления объекта субъекту, онтологии и теории познания. Бытие всегда есть прояснение присутствия единства мира и человека при помощи существования, полагал Хайдеггер. Бытие всегда есть «со-бытие». Несмотря на определенную психологизацию проблемы бытия, Хайдеггер, думается, прав: адекватное понимание природы сотворенного без его творца невозможно. Онтология, как учение о бытии, есть продукт определенного субъекта познания с его разумом и другими личностными качествами. И в этом смысле понятие бытия есть продукт синтеза объективного и субъективного.

Как видно даже из небольшого обзора понятие «бытие» неоднозначно. Осложняет его понимание и существование в философии двух очень близких по смыслу терминов, описывающих бытие: онтологии и метафизики [3]. Термин «метафизика» был введен в философию А. Родосским. Учение Аристотеля, которое претендовало на уяснение того, что лежит в основании изучаемого физикой видимого мира, Родосский назвал метафизикой. Метафизика, как учение о первоначалах, стала пониматься с тех пор многими как синоним философии. Первое четкое разделение онтологии и метафизики предпринял немецкий философ Х. Вольф. Проводя рубрикацию своей многогранной философии, он назвал одну из ее частей метафизикой, включив в ее содержание онтологию, космологию, психологию и естественную теологию. Саму метафизику он называл «рациональной теоретической наукой» противопоставив ей «практическую часть» своего учения, посвященного анализу морали, права, политики и экономики. У Гегеля и его преемнице — марксистской философии — термин «метафизика» приобретает отрицательный смысл и понимается как ограниченное рамками

рассудка философское учение, которому противостоит построенная на основе разума диалектика. Но даже в этом случае онтология остается частью метафизики, правда, как «недозревшее» до гегелевского или марксистского уровня учение о бытии. На наш взгляд, онтология действительно есть часть метафизики, а именно та ее часть, которая изучает и объясняет бытие, используя при этом рациональные методы. Онтология рационалистична. Поэтому ее проблемы очень часто соприкасаются с вопросами, решаемыми наукой, прежде всего, естествознанием. Например, функционирующие в культуре научные картины мира являются не только обобщенными результатами научных достижений, но и главным продуктом онтологии. Метафизика, которая также изучает бытие, включает в свой арсенал не только рациональные, но и иррациональные способы его постижения: мистическое познание, откровение и т. п. Иногда результаты, полученные такими способами, невербализуемы, что дает основание не включать их в философию. Но ведь это то же способ миропонимания, в центре которого стоит учение о сущем, первоначалах, что позволяет включать эти взгляды в разряд философских. Как видно, наша точка зрения в определенной мере совпадает с взглядами Аристотеля и Вольфа, рассматривающих онтологию в качестве важнейшей части метафизики.

Еще одной важной проблемой является вопрос о соотношении понятий «картина мира» и «онтология». Под картиной мира понимается предметная сторона мировоззрения. В ней главное место занимают онтологизированные мировоззренческие образы [4; 5; 6; 7; 8]. Онтология же представляет собой философскую рефлексию над картиной мира [9; 10]. Вместе с развитием науки изменяется и научная картина мира, и онтология [11; 12].

Что же касается выбора между «субстанциональной» и «фундаментальной» онтологиями, то этот вопрос, думается, нужно рассматривать в контексте более широкой проблемы выбора между «модернистской» и «постмодернистской» традициями в современной философии. Под понятием «модернистская традиция» мы, вслед за Дж. Холтоном, подразумеваем преимущественное использование научных принципов, стандартов и идеалов в исследовании и объяснении мира и человека. В основании «модерна» лежит указанный выше дуалистический принцип разделения реальности на объективную и субъективную, без которого невозможно научное мышление. «Постмодерн» же основывается на монистическом принципе отрицания субъектно-объектного деления мира, согласно которому реальным бытием обладают лишь имеющие комплексный сенсорно-дискурсивно-эмоциональный характер конкретные состояния, возникающие у конкретного человека в конкретной ситуации.

Конечно, идеи «постмодернизма» обладают исключительной ценностью в эпоху сциентизации культуры и убивающей духовность рационализации человеческой жизни. «Постмодерн» оживляет философию, наполняет ее человеческим содержанием, используя для этого методы ис-

куства [13; 14]. Но, отдавая должное постмодернизму, отметим, что последовательное проведение его идей ведет к отказу от научного объяснения мира. Отвергая модернистское стремление к наиболее точной репрезентации объективного через субъективное, «постмодерн» размывает грань между научным, логическим с одной стороны, и художественным, эмоциональным — с другой. Научное объяснение мира невозможно без субъектно-объектной модели познания: наука все рассматривает в виде объ-

ектов, противостоящих субъекту познания. Идея интерсубъективности — один из ключевых принципов науки — предполагает постижение мира как существующего самого по себе объекта вне зависимости от ценностных ориентаций субъекта. Хотя абсолютно объективной картины мира не существует, мы, учитывая важность научных идеалов в современной культуре, будем в дальнейшем объяснении бытия придерживаться идей субстанциональной онтологии.

Литература:

1. Арсеньев, А. С. *Философские основания понимания личности*. М.: Academia, 2001. 592 с.
2. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р. Генезис эпистемологического конструктивизма в европейской философии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 4–1 (66). с. 151–153.
3. Рахматуллин, Р. Ю. *Онтология или метафизика?* // *Научный альманах*. 2016. № 2–4 (16). с. 42–45.
4. Камасина, Р. Р., Семенова Э. Р. *Научная картина мира как высшая форма научного знания* // *Вестник научных конференций*. 2015. № 3–1 (3). с. 68–70.
5. Рахматуллин, Р. Ю. *Научная картина мира как особая форма организации знания* // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12–2 (38). с. 166–168.
6. Михайлова, М. Г., Семенова Э. Р. *Научная картина мира в системе знания* // *NovaInfo. Ru*. 2016. Т. 1. № 52. с. 169–172.
7. Рахматуллин, Р. Ю. *Картина мира и мировоззрение* // *Молодой ученый*. 2015. № 14. с. 632–635.
8. Рахматуллин, Р. Ю. *Картина мира или онтология?* // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 10 (72). с. 167–169.
9. Rakhmatullin, R. *The picture of the world or ontology?* // *Уральский научный вестник*. 2016. Т. 7. № 2. с. 55–60.
10. Semenova, E. R., Khabibullin R. M. *Islamic ontology* // *Nauka i studia*. 2016. Т. 10. с. 191–196.
11. Семенова, Э. Р. *Формирование квантовой механики* // *NovaInfo. Ru*. 2016. Т. 2. № 48. с. 8–11.
12. Рахматуллин, Р. Ю., Харисова Л. М. *Развитие естественных наук в Новое время* // *Молодой ученый*. 2016. № 20 (124). с. 839–841.
13. Rakhmatullin, R. *Postmodernism in philosophy* // *Nauka i studia*. 2015. Т. 10. с. 313–316.
14. Рахматуллин, Р. Ю. *Антропологическое измерение научной картины мира* // *Молодой ученый*. 2016. № 19 (123). с. 629–631.

ПРОЧЕЕ

Опыт организации социальной работы с детьми, пострадавшими от семейного насилия, в учреждениях социальной защиты

Николаева Алёна Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Щеулова Екатерина Алексеевна, ассистент
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье рассматривается работа центров социальной помощи семье и детям г. Самары и г. Сочи. Раскрыты перспективы многоуровневой системы работы данных центров.

Проведен анализ с целью заимствования основ организационной направленности центров социальной помощи семье и детям г. Самары и Сочи, для реализации её деятельности в центре социальной помощи семье и детям г. Арзамас.

Ключевые слова: семейное насилие, дети, пострадавшие от семейного насилия, социальная защита, социальная помощь, центр социальной помощи

The possibility of organizing social work with children affected by domestic violence

Nikolaeva A. E., student

Supervisor: Shcheulova E. A., Assistant
National Research University of Nizhni Novgorod, them. NI Lobachevsky «Arzamas branch»

The article discusses the work of family centers and social assistance to children in Samara and Sochi. Disclosed prospects multilevel system performance data centers. The analysis for the purpose of borrowing the organizational foundations of the family orientation and social care centers for children in Samara and Sochi for the implementation of its activities in the center of social assistance to families and children, Arzamas.

Keywords: domestic violence, children, victims of domestic violence, social protection, social assistance, social care center

В настоящее время актуальность деятельности ГБУ Центра социальной помощи семье и детям г. Арзамаса состоит в следующем. Центр разрабатывает новые механизмы и внедряет современные инновационные технологии, нацеленные на оказание поддержки детям, семьям с детьми, укрепление института семьи и семейных ценностей, предоставление комплексной помощи и поддержки семьям с детьми, нуждающимся в них. Создание и развитие организационной технологии центра идет успешно, но, как правило, деятельность центра весьма ограничена в оказании комплексного сопровождения семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Стоит расширить направление в предоставлении перечня услуг, оказываемых детям и семьям с детьми, а также в социальном сопровождении

всех членов семей. Поспособствовать созданию условий для выведения семей из кризисной ситуации и проведения мобилизации ресурсов семей. В основе организационной направленности центра социальной помощи семье и детям г. Арзамас мы предлагаем взять деятельность следующих центров: «Семья» г. Саратов и «Солнышко» г. Сочи. Данные центры обладают большим количеством отделений и спектром оказываемых услуг. Безусловно, заимствование каких-либо основ работы центров г. Самары и Сочи способствует активному развитию центра социальной помощи г. Арзамаса. Именно с этой целью был проведен анализ деятельности данных центров.

Цель исследования: проанализировать деятельность Центров социальной помощи семье и детям.

Центр социальной помощи семье и детям «Семья» в г. Саратов в соответствии с поставленными задачами участвует в реализации Федеральной целевой программы «Дети России», программы «Развитие социального обслуживания семьи и детей», и программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1].

На базе Центра социальной помощи семье и детям «Семья» в Саратовской области г. Саратов разработаны и активно используются в практической деятельности реабилитационные и профилактические программы по структурным подразделениям:

Подготовки и сопровождения приёмных семей. Дополнительная образовательная деятельность в отделе производится согласно утвержденному ежегодному плану, в который входят следующие программы: «Объединяя усилия», социально-воспитательные «Чужих детей не бывает», индивидуальные программы для сплочения семей, «Счастливы быть вместе», цель которой осуществлять подготовку слушателей-кандидатов к приему в свою семью, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Отдел дошкольной подготовки несовершеннолетних. Организована группа дошкольной подготовки. Группа создана для детей с ослабленным здоровьем из неблагополучных, неполных или многодетных семей. В ней проводится работа с родителями, организация праздников «Дня матери», «День защиты детей» совместно с развлекательными центрами «Ozon», «Сафари парк».

Отделение по профилактике безнадзорности несовершеннолетних. На базе данного отделения реализуется профилактика безнадзорности, преступлений, правонарушений и других форм социальной дезадаптации детей до 18 лет. Отделение осуществляет деятельность в реализации следующих программ: «Школа социальной успешности», которая формирует навыки деликатного общения, самонимение и создает достаточные условия для саморазвития и личностного становления подростков; «Аргументы любви», программа активизирующая индивидуальный потенциал современных подростков; семейный архив кинофильмов «Под парусами жизни», который предполагает коллективный просмотр и дискуссии на кинематографический темы, что дает возможность в будущем научить детей и их родителей правильно и креативно выражать свое мнение, идеи, мысли и прислушиваться к мнению других. Так же на базе данного отделения осуществляется программа по первичной профилактике употребления наркотических средств — «СТОП! НАРКОТИК». Программа с психологическим уклоном «СТОП! НАРКОТИК» направлена на первичную профилактику употребления наркотиков и токсических средств среди детей 15–16 лет. Организован социально-психологический театр «Готовность к переменам», производящий профилактическую деятельность по возникновению делинквентного поведения детей.

Отделение психолого-педагогической помощи. Направлено на оказание помощи семьям в гармонизации

отношений внутри семьи и урегулированию родительско-детских взаимоотношений, разработка программы, предупреждающей возникновение различных отклонений социально-психологической адаптации детей, осуществление действий по их разрешению и предотвращение повторного возникновения. Стоит отметить, проведение комплекса программ, способствующих детскому развитию, предназначенных для детей от четырех до восьми лет: «Всезнайки» (6–8 лет), «Почемучки» (5 лет), «Ладушки» (4 года), «Малыш» (3 года).

Программа состоит из курса, который в первую очередь нацелен на развитие хорошей памяти, а также как теоретического, так и практического мышления, и конечно же творческого подхода в нахождение новых, нетривиальных, изобразительных решений разнообразных задач, стоящих перед детьми. Именно здесь дети учатся и получают свой дебютный опыт в общении и взаимодействии со сверстниками.

Реабилитационно-кризисное отделение помощи женщинам и детям. В результате нарушения законодательно установленных прав и интересов женщин и детей, подвергшихся домашнему насилию или, оказались в ситуации жизненного риска, данное отделение создает и реализует в своей деятельности программы психосоциальной реабилитации. Работа отделения основывается на осуществлении реализации программы «Право на жизнь без насилия». Согласно установкам данной программы женщины и дети, которые были подвержены семейному насилию, или оказались в ситуации жизненного риска, могут подать заявление для оказания помощи в данном отделение центра. Кроме того, в рамках представленной программы действует проект по предоставлению, в случае нуждежности, отдельной комнаты для временного проживания, комплексное питание (для женщин — трехразовое, для детей — пятиразовое), психологическая помощь и поддержка, а также помощь юридических лиц в защите законных прав и интересов.

По мнению ведущих специалистов центра, социальной помощи семье и детям Саратовской обл. г. Саратов содержание социальной работы с детьми, пострадавшими от семейного насилия не имеет существенных отличий в работе с другими категориями лиц центра. Ведь все категории лиц данного центра, объединяет одно, нуждежность в социальном обслуживании, в связи в трудной жизненной ситуацией.

Многим детям, подвергшимся семейному насилию, требуется помощь специалиста психолога. Выделяют основные проблемы свойственные детям, подвергшимся семейному насилию — внутренняя дискомфортность, психогенные срывы, раздражительность, ночные кошмары, опасения и страхи, замкнутость, регрессивность действий, чувствительность к депривации, резкое ухудшение успеваемости, амбивалентность, сензитивность, импульсивность, чувственное фантазирование с сухим мудрствованием, чрезмерная критичность, меланхолия, отказ от общественных правил. Главной целью в

работе психологов центра с детьми, подвергшимся насилию в семье, выступает изоляция детей, жертв насилия, от негативного воздействия родственников, снижение и устранение посттравматических переживаний, способствовать повышению самооценки, выявить и укрепить сильные личностные стороны, преодолеть эмоциональные травмы. В работе с ребенком очень важно оказывать поддержку в его способности дифференцировать взаимодействия с его социальным окружением, содействовать его индивидуальному личностному формированию. [3]

Служба психолого-педагогической помощи очень помогает в вопросах воспитания и занятости детей. Кроме проведения консультационных бесед, посвященных теме воспитания, ошибкам педагогики и остроконфликтным ситуациям, служба осуществляет помощь практической направленности. Многоопытные социальные педагоги, социальные работники и психологи формируют и организуют различную досуговую деятельность для людей, проживающих на территории микроучастка. Логопед, в свою очередь, организует занятия с детьми и проводит консультативные беседы.

Стоит также отметить о профессиональной социальной работе, как форме по организации различных клубов. Например, программа «Аистенок» предназначена для проведения занятий для детей 5–7 лет, для 3–5 лет работает образовательно-оздоровительная программа «Ягодка», программа развития «Ступеньками к знаниям», реализующая психологическую и интеллектуальную подготовку детей от 5 до 7 лет к обучению в школе. Основные направления занятий программы «Ступеньками к школе»: подготовка руки к письму, развитие речи, математических представлений, внимания и мышления, тренировка памяти, формирование умения ориентироваться в пространстве, на листе бумаги.

Такие группы очень помогают в воспитании детей, в подготовке их к школе и дальнейшей социализации. Это очень важно для детей, пострадавших от семейного насилия, так как это предупреждает педагогическую запущенность, что очень часто встречается в данной категории.

Для помощи родителям в воспитании детей в центре существует тренинг «Связующая нить». Участие родителей в подобном тренинге поможет решить многочисленные проблемы семейного воспитания, установить отношения партнерства между взрослым и ребенком, почувствовать не только высочайшую ответственность, но и огромное счастье от роли родителя.

Для детей из неблагополучных семей наиболее особым временем года выступает лето. Занятия в школе

отменяются, и они уходят на летние каникулы, на которых дети предоставлены сами себе. В данной ситуации на помощь приходит центр социальной помощи семье и детям «Солнышко» города-курорта Сочи. На его базе центра организуются площадки для детей, подвергшихся семейному насилию, где для ребят организованно питание, различные досуговые (игры, экскурсии, кружки) и развивающие мероприятия (организация концертов). К детям «приставлены» опытные педагоги-психологи, осуществляющие, в случае нуждаемости, и психодиагностическую и коррекционную помощь. Для детей более старшего возраста центр совместно со службой занятости организует трудовые бригады и отряды. В них ребята принимают участие в работах по благоустройству, ремонту зданий школ, детских садов, и не только получают заработную плату за это, пусть и скромную, но при этом они весело и дружно проводят свободное время, знакомятся с новыми людьми, заводят друзей, отдыхают на море, занимаются спортом, посещают различные секции и в целом развиваются. С детьми из неблагополучных семей также работают психологи высшей категории, осуществляя разного рода тренинги, развивающие занятия, мероприятия. [2]

В основе данного небольшого коллектива детей лежит тепло, гармония, умиротворение, которое обретают в центре социальной помощи семье и детям «Солнышко» дети различных возрастов. Попадая в место благополучия и душевного равновесия, дети начинают терять воспоминания о насущных семейных проблемах, исходящих, как говорят взрослые из социальной незащищенности. И вследствие этого у них проявляется ярко выраженная заинтересованность, привязанность, любознательность, доброжелательность, желание быть лучшим.

Таким образом, проведя анализ деятельности центров социальной помощи семье и детям г. Сочи и г. Саратов в оказании помощи детям, подвергшимся насильственным действиям в семье, можно сделать вывод о том, что содержание социальной работы с данной категорией семей очень разностороннее и объемное и зависит от проблем неблагополучных семей и возможностей центра. Центры в организации своей деятельности оказывают помощь тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации, потерял веру в собственные силы, переживает трудные или социально опасные ситуации в жизни, трудности во взаимоотношениях в семье, в взаимоотношениях детей и других членов семьи с людьми, выступающими социальным окружением, или случаи столкновения с иными затруднениями и желанием изменить свою жизнь в лучшую сторону. В своей деятельности данные центры удовлетворяют практически все запросы семей, обращающихся за помощью.

Литература:

1. Агапов, Е. П. Семейведение: учебное пособие / Е. П. Агапов, О. А. Норд-Аревян. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2010.

2. Павленок, П. Д. Технология социальной работы с различными группами населения: уч. пособие / под ред. проф. П. Д. Павленка, М. Я. Рудневой. — М.: ИНФРА, 2010.
3. Романов, П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Теория, практика и качество подготовки специалистов по социальной работе // Отечественный журнал социальной работы. 2009. № 1.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 3 (137) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (*Армения*)
Арошидзе П. Л. (*Грузия*)
Атаев З. В. (*Россия*)
Ахмеденов К. М. (*Казахстан*)
Бидова Б. Б. (*Россия*)
Борисов В. В. (*Украина*)
Велковска Г. Ц. (*Болгария*)
Гайич Т. (*Сербия*)
Данатаров А. (*Туркменистан*)
Данилов А. М. (*Россия*)
Демидов А. А. (*Россия*)
Досманбетова З. Р. (*Казахстан*)
Ешиев А. М. (*Кыргызстан*)
Жолдошев С. Т. (*Кыргызстан*)
Игисинов Н. С. (*Казахстан*)
Кадыров К. Б. (*Узбекистан*)
Кайгородов И. Б. (*Бразилия*)
Каленский А. В. (*Россия*)
Козырева О. А. (*Россия*)
Колпак Е. П. (*Россия*)
Курпаяниди К. И. (*Узбекистан*)
Куташов В. А. (*Россия*)
Лю Цзюань (*Китай*)
Малес Л. В. (*Украина*)
Нагервадзе М. А. (*Грузия*)
Прокопьев Н. Я. (*Россия*)
Прокофьева М. А. (*Казахстан*)
Рахматуллин Р. Ю. (*Россия*)
Ребезов М. Б. (*Россия*)
Сорока Ю. Г. (*Украина*)
Узаков Г. Н. (*Узбекистан*)
Хоналиев Н. Х. (*Таджикистан*)
Хоссейни А. (*Иран*)
Шарипов А. К. (*Казахстан*)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 01.02.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25